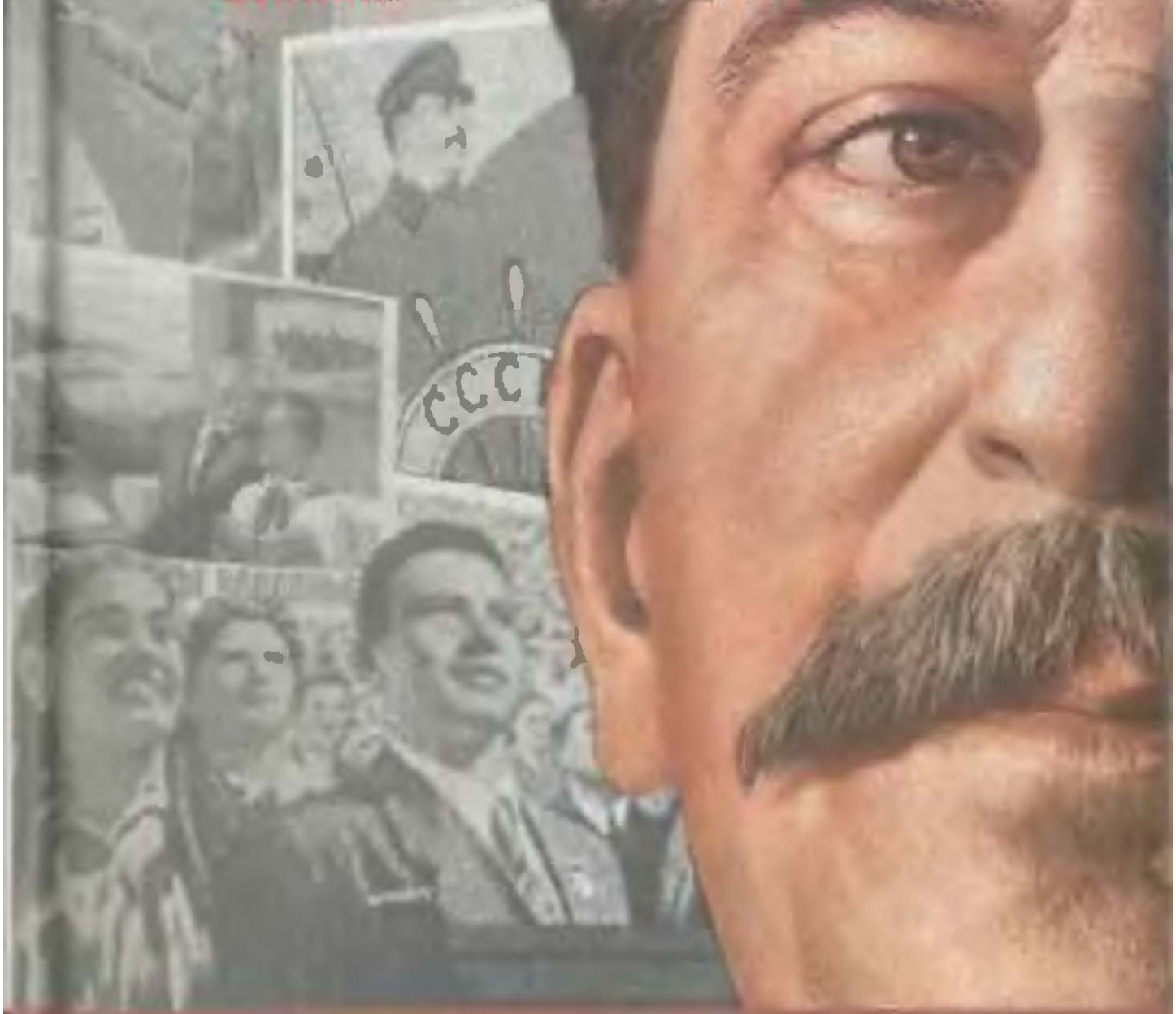

СТАЛИН

СТАЛИН. СХВАТКА У ШТУРЦАДА

Александр БУШКОВ

СЕРИЯ «ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ»

А. БУШКОВ

**СТАЛИН.
СХВАТКА У ШТУРВАЛА**

Санкт-Петербург
Москва
Издательский Дом «Нева»
2005

Бушков А.

Б90 Сталин. Схватка у штурвала. Роман: – СПб.:
Издательский Дом «Нева», 2005. – 320 с.

ISBN 5-7654-4325-7

«Сталин. Схватка у штурвала» – вторая часть книги Александра Бушкова «Красный монарх». Автор продолжает рассказывать о Сталине и о его роли в истории России. Легенды и правда о партийной деятельности и о личной жизни вождя, тайна гибели Надежды Аллилуевой, зверства «красного императора», связи Сталина с иностранными разведками, соратники и противники курса Сталина и непримиримая борьба с оппозицией – обо всем этом в правдивом портрете эпохи, принадлежащем перу А. Бушкова.

ББК 84 (2Рос-Рус)6

Друзья мои!

Десять лет – срок немаленький и говорит о многом. За десять лет вы сумели не только удержаться на плаву в бурном океане российского бизнеса, но и за время плавания вырасти из крохотного шлюпа в гордый фрегат под названием «Нева». Значит, корабль был построен грамотно, и команда подобралась отличная. Это ли не счастье? С Днем рождения и долгого плавания!

Александр Бушков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОРИ, ОГОНЬ, ГОРИ...

1. Великая смута, действие второе

Самая настоящая многопартийность сохранялась в первые полгода 1918-го. Вот характерный пример, один из множества: протокол «общего собрания граждан Усть-Сылвицкого завода». Это – на Урале. Обсуждают, как руководить национализированным предприятием, как ему работать. Председатель собрания, товарищ Смирнов, представляет доклад, составленный тремя партиями «левого течения»: «социал-демократов, социал-революционеров левых и максималистов». «Левые социал-революционеры» – это, конечно же, левые эсеры. «Социал-демократы» с равным успехом могут оказаться как большевиками, так и меньшевиками – а то и теми, и другими, их явно пока что не разделяют. Загадочнее с третьей партией. Которая именно имеется в виду, с ходу не установить: были и эсеры-максималисты, и *анархисты*-максималисты. Словом, не однопартийная диктатура, а обыкновенная коалиция «левых течений»...

Примерно такое положение сохранилось повсюду до 6 июля восемнадцатого года, когда во время очередного съезда Советов левые эсеры подняли вооруженный мятеж и в Москве шли самые настоящие бои с участием броневиков и артиллерии. В перестроечные времена, когда было модно огульно «обелять» все и вся по принципу «если большевики говорили "черное", значит, на самом деле было белое», многие борзые перья лихо объявляли левоэсеровский мятеж циничной провокацией большевиков.

Позвольте не поверить. Левые эсеры были публикой, которую не особенно и надо провоцировать на мятеж: записные террористы, привыкшие решать любую проблему пулей и бомбой, могли без всяких провокаций пустить в ход оружие. Просто потому, что таков уж менталитет революционера: если он полагает себя правым, а своих оппонентов неправыми, то со спокойной душой развяжет любую бойню. Количество жертв роли не играет – как и все прежние отношения с противником...

Одним словом, первые полгода не было никакого «красного террора». Не кто-нибудь, а жандармский генерал Спиридович писал в своих мемуарах, что до лета 1918-го он преспокойно жил в Москве, ничуть не скрываясь от властей, которые его не беспокоили и даже не думали преследовать...

В первые месяцы после революции победители сплошь и рядом отпускали пытавшихся воевать против них генералов под честное слово не принимать более участия в вооруженной борьбе. Господа генералы и офицеры с честными глазами давали слово, после чего пробирались на юг и без особого промед-

ления – и без малейших угрызений совести – начинали формировать отряды для войны с большевиками. Хозяева своего слова: хотят – дают, хотят – берут обратно...

Гражданская война началась очень быстро – и, по моему глубокому убеждению, винить в ней *одних* большевиков сугубо неправильно. Абсолютно не согласуется с историческими реалиями. Даже в классических войнах одного государства с другим сплошь и рядом, если разобраться в предшествующих событиях, о которых стороны из стыдливости умалчивают, выясняется, что нет ни «агрессора», ни «жертвы».

И уж тем более в гражданских войнах никогда нет виновных и невиновных. Виновны одинаково обе стороны...

Несколько лет назад довелось мне смотреть по телевизору многосерийный фильм о гражданской войне в США – американского, естественно, производства, но выполненный отнюдь не в стиле классического нагромождения приключений а-ля вестерн. Финальная сцена была примечательной: разбитые южане только что подписали капитуляцию, победители-северяне бурно ликуют, палят холостыми зарядами пушки, хлопают пробки, смех и фейерверк...

Вот только главный герой, майор-северянин, которому вроде бы полагается вовсе веселиться, стоит с похоронным видом. Его друг и однополчанин подбегает к нему и недоуменно вопрошает: в чем дело, откуда такая тоска, мы ж победили!

На что майор, все так же сумрачно глядя в землю, отвечает:

– Здесь нет победителей. Здесь одни побежденные.

Вот то-то. По большому счету, победителей в гражданской не бывает – как не бывает и невиновной стороны...

Генерал Корнилов начал формировать на юге России свои отряды уже в *январе* восемнадцатого! И тогда же отдал приказ пленным не брать! ЧК тогда существовала разве что в зародыше, Красной Армии попросту не было. Как и систематического, объявленного *сверху* террора. Но пленным уже велено не брать.

В *декабре* семнадцатого власть в Киеве захватили «самостийники» – вооруженные отряды как называемой Центральной Рады. Большевистское правительство Украины бежало в Харьков. Леонид Пятаков, брат видного деятеля Георгия Пятакова, Киев покинуть не успел и попал в руки «самостийников». Тело обнаружили в январе, когда большевики вернулись.

«На месте сердца была глубокая воронка, просверленная, очевидно, шашкой, а руки были совершенно изрезаны: как объясняли врачи, ему, живому, высверливали сердце, и он конвульсивно хватался за клинок сверлящей шашки...»

Эта дикая расправа никак не могла быть *ответной* мерой на какие-то большевистские репрессии, потому что в декабре семнадцатого таковых в Киеве попросту не было...

И это далеко не единственные примеры зверств *другой* стороны, учиненных задолго до красного террора...

А впрочем, очень долго не было никакой такой «*другой*» стороны. Только примерно в девятнадцатом году сформировались «одна» и «другая» стороны, то есть «красные» и «белые». Но даже тогда существовало не-

мало «сторон» помельче, причинявших порой немало беспокойства как белогвардейцам, так и большевикам.

Что уж говорить о восемнадцатом... «Сторон» тогда было столько, что ни один историк их не в состоянии сосчитать и хоть как-то привести в систему. Никакой классификации они не поддаются.

Восемнадцатый год, так уж случилось, оказался самым коротким годом из почти двух тысячелетий, прожитых теми, кто считал время от Рождества Христова. Касается это, правда, только тех, кто прожил его на территории Советской России. Дело в том, что большевики решили считать время по «новому» стилю – и после 31 января восемнадцатого года наступило не первое февраля, а сразу четырнадцатое. Год оказался самым коротким, на тринадцать дней меньше обычного – но на его протяжении наворочено было столько...

Собственно, весь восемнадцатый – это одна Великая Смута, во многом повторявшая ту, первую, что произошла на Руси триста с лишним лет назад. Во-первых, больше не было, и все это знали, сильной и авторитетной центральной власти. Во-вторых, миллионы людей прошли мировую войну, что приучило их к бестрепетной жестокости. В-третьих, вырвались наружу все те противоречия и вековые конфликты, о которых я так подробно рассказывал, все накопившиеся обиды. Чуть ли не в каждом селе – не говоря уже о регионах – начинали жить своим умом и смотреть на окружающее исключительно со своей колокольни.

Больше не было ни власти, ни законов, ни порядка. Опять-таки еще до большевистского террора крестьяне в европейской России на известия о мобилизации

рекрутов и лошадей ответили убийствами и пытками тех, кто хоть как-то имел отношение к *зыбкой* ново-рожденной власти. В Средней Азии и на Кавказе «националы» стали совершать столь же бессмысленные и кровавые налеты на русские села.

Хаос стоял неопиcуемый. На юг воевать с корниловцами шли пока что левый эсер Муравьев и анархист Железняк. Не было ни армий, ни фронтов – по огромным пространствам перемещались отряды и отрядики, плохо представлявшие, куда они идут, кому подчиняются и чего, собственно, хотят. Иные с грехом пополам еще идентифицировали себя с какой-то политической силой, но хватало и абсолютно независимого народа. Какой-нибудь деревенский аптекарь, всю жизнь мечтавший о майнридовских приключениях, собирал отряд, провозглашал деревню Драчевку независимой республикой и, обвешавшись маузерами, носился на коняшке с дюжиной таких же отморозков. От какого-нибудь гетмана Скоропадского или эстонского президента он отличался исключительно мелким масштабом, и только...

Черт возьми, какие только типажи не рождала Великая Смута! Вот вам дальневосточные партизаны (правда, это уже не восемнадцатый, это чуточку позже, но особой разницы нет). Атаман – бывший унтер, бывший питерский пролетарий Тряпицын. Начальником штаба у него (и по совместительству – любовницей) – девятнадцатилетняя красоточка Нина Лебедева-Кияшко, анархистка-максималистка и племянница бывшего военного губернатора Забайкальской области... Костяк отряда – освобожденные революцией местные каторжане и китайцы. Эта сладкая парочка со

своей ордой захватила Николаевск-на-Амуре, за три месяца вырезала десять тысяч человек из двенадцатитысячного населения, а заодно и оказавшийся там на свою беду японский гарнизон. Трагикомедия в том, что «бригада» Тряпицына на бумаге считалась «частью Красной Армии». Узнав об этих художествах, Ленин отправил в Приморье гневную депешу. Тряпицын (исторический факт!) ответил Ильичу краткой телеграммой: «Поймаю – повешу». После чего, собрав в мешок брильянты и золотишко, нацелился вместе с любящей Ниной пробиваться в Китай. Приморские коммунисты срочно собрали конференцию, на которой постановили предать буйных любовничков революционному суду – но оказалось, что еще за два дня до этого часть «бригады» взбунтовалась, перестреляв как Тряпицына с Ниной Кияшко, так и весь их штаб. Правда, эти мстители народные не имели никакого отношения к красным – историки их характеризуют как «белогвардейские элементы» под командой некоего прапорщика Андреева, решившего вдруг восстановить «демократическую власть», узурпированную «кровожадной сворой» Тряпицына.

Это еще не самая заковыристая коллизия из множества подобных, происходивших на одной шестой части суши. Бывали и похлеще. В моем родном Красноярске в те же годы однажды одновременно существовало семь властей на один город, и каждая пыталась что-то из себя изображать... Жителям жилось нескучно.

Но вернемся к началу Великой Смуты.

Прежде всего, как случалось во многих странах в похожей ситуации, возникла вакханалия суверените-

тов, всех и всяческих независимостей. Закавказье отложилось мгновенно, ему было легче всего, до него из-за отдаленности и труднодоступности у Москвы долго не доходили руки. Украинское самостоятельное правительство под руководством историка Грушевского почти за месяц до подписания большевиками Брестского мира с немцами заключило с Германией *свой*, сепаратный, мирный договор – и вот тогда-то на Украину и заявили немецкие войска.

О своей автономии очень быстро объявила Сибирь, где у штурвала оказались те же социалисты, только другого пошиба – меньшевики и эсеры. К тому времени сибирские сепаратисты (конечно, во многом уступавшие украинским) все же имели за плечами почти полувековые традиции. Еще в начале семидесятых годов девятнадцатого века крупные ученые Потанин и Ядринцев сформулировали тезис о Сибири как колонии России, к тому же времени относятся и первые попытки (насквозь ученические) учинить сепаратистский мятеж.

Донские казаки, как уже мельком упоминалось, с превеликим энтузиазмом взялись за строительство своего, совершенно независимого и суверенного государства. Все обстояло крайне серьезно: сочинили конституцию, ввели государственный флаг, сине-желто-алый, приняли государственный гимн, старинную песню «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон». Трагикомедия здесь в том, что первый куплет этой песни звучит следующим образом:

– *Всколыхнулся, взволновался*
Православный Тихий Дон...

*И послушно отозвался
На призыв монарха он...*

Но именно эта песня, прославляющая верность донцов России и монарху, стала государственным гимном самостийной державы. Донцы никоим образом не собирались восстанавливать единую Россию -- они, как опять-таки мимоходом говорилось, по дурной своей наивности полагали, что, отгородившись от всего остального *полыхающего* пространства бывшей Российской империи, будут кататься, как сыр в масле. Что им удастся отсидеться. Что никто к ним никогда со штыком не придет, а если придет – нагайками закидают...

Атаман Краснов, «представитель пятимиллионного свободного народа», как он любил себя именовать, быстренько установил подобие дипломатических отношений с Украиной гетмана Скоропадского и Германией. Немцы и украинцы суверенную державу признали -- правда, опять-таки неофициально, без присылки полномочных послов и грома оркестров. Окрыленный Краснов сочинил письмо кайзеру Вильгельму, в котором без ложной скромности просил пособить в массе мелких просьбишек: чтобы кайзер помог вернуть Донской державе Таганрогский округ, надавив для этого на Украину; чтобы кайзер посодействовал передаче Дону «по стратегическим соображениям» Воронежя, Камышина и Царицына, надавив для этого на Москву. А взамен, если отбросить дипломатические обороты, обещал впредь становиться в любую позицию из «Камасутры», какая только будет Германии угодна.

Губа у атамана была не дура. Таганрог – это угольные шахты и заводы, Царицын (нынешний Волгоград) –

выход в Каспийское море... Господа казаки всерьез собирались строить сверхдержаву – и полагали себя отдельной нацией. Так и было написано в «Законах Всевеликого Войска Донского»: «Три народности издревле живут на Донской земле и составляют коренных граждан Донской области – донские казаки, калмыки и русские крестьяне». Себя донцы русскими, как отсюда явствует, отнюдь не считали. А потому подданных новоявленной державы быстренько разделяли на две категории: «казаков» и «граждан». На бумаге и те и другие считались полностью равноправными, но мы-то прекрасно знаем, что бывает, когда население официально делят на две категории...

Всерьез воевать с большевиками донцы не собирались. Из примерно тридцати пяти тысяч строевых казаков в Добровольческую армию Деникина поступило всего *четыреста*. Ничего удивительного, что Деникин, с бессильной злостью взиравший на эти политические новости, сказал однажды: «Войско Донское – это проститутка, продающая себя тому, кто больше заплатит».

Краснов не на шутку разобиделся и, в свою очередь, обозвал Деникина «изменником», апологетом «старого режима», «оскорбившим жестоко молодые национальные чувства казаков».

Так и просуществовала недолгое время эта опереточная «державка» – в конце концов она все же послала воевать с большевиками несколько мелких отрядов, которые бросили фронт в Воронежской губернии и повернули домой, рассчитывая отсидеться. Не удалось. Пришли красные и устроили то, что нам теперь известно как «расказачивание». Между прочим, одним из

предводителей репрессий был даже не многократно руганный Свердлов, а Андрей Лукич Коллегаев, многолетний член партии левых эсеров, к большевикам перешедший в восемнадцатом. Именно он, член Реввоенсовета Южного фронта, отправлял армиям директивы, превосходившие даже циркуляры Свердлова: выжигать восставшие хутора, расстреливать всех, принимавших не только прямое, но и косвенное участие в восстаниях, расстреливать каждого десятого, а то и пятого. Вот только о Коллегаеве наши национал-патриоты предпочитают помалкивать, поскольку он никак не годится по своему стопроцентно славянскому происхождению на роль жидомасона...

Примерно так же, как и донцы, вело себя Кубанское казачье войско: Кубанская рада провозгласила самостоятельную державу, вступила в дипломатические отношения с заграницей вроде Грузии, успела даже провести с Донской державой экономическую войну, совсем как настоящую, перекрыв свои суверенные границы для донских товаров. С красными держава опять-таки не воевала толком, а когда спохватилась, было поздно: на нее двинулись уже не кучки партизан с красными лентами на шапках, а регулярная Красная Армия. И кубанцам отсидеться не удалось...

Признаться, как раз донские казаки (современные, я имею в виду) у меня вызывают легкую брезгливость своими невероятно громкими причитаниями о горестях их дедов, которых в девятнадцатом изводили лютые большевики. Большевики, конечно, не ангелы, но все беды Тихого Дона как раз оттого и произошли, что тамошние станичники наивно и легкомысленно решили отсидеться в сторонке, пока за соседними холмами

шла война и трещали пожарища. Такого фарта в жизни не бывает. Как выразался по другому поводу дон Румата, тех, кто смирно в сторонке сидит, больше всего и режут...

Донцов и кубанцев погубил их собственный эгоизм – так же, как и Оренбургское казачье войско. Всем им показалось, что, объявив суверенитет, они будут жить сладко и счастливо...

Вообще в некоторой корректировке нуждается миф о «работающих казаках», которых разорили красные. Казаки, конечно, в массе своей были и в самом деле трудолюбивы. Вот только следует сделать немаловажное уточнение: напомнить, что у них была еще и своя *элита*, пресловутая «старшина», которая жила, по примеру любой элиты, вовсе уж сладко – и хотела любой ценой сохранить свои немаленькие привилегии.

Вот документ эпохи: выступление в одной из уральских газет в декабре семнадцатого года рядового казака, делегата от своей сотни. Интереснейшие вещи он рассказывал...

«Первый войсковой Круг в мае (семнадцатого. – А. Б.) прошел, если без сепаративных вождедений наших войсковых бюрократов, но зато у каждого явившегося офицера и чиновника было страстное желание попасть на ту или иную должность по самоуправлению войском. Каждый старался отыскать виновность прежних слуг войска и сесть на их место, т. е. получить оклады, а там хоть трава не расти. Избранная ревизионная комиссия открыла громадные хищения войскового капитала, который шел исключительно на улучшение благосостояния нашего офицерства: так, например, в пригород Оренбурга "Форштадт", заселен-

ный исключительно казачьими генералами, офицерами и чиновниками, за счет казачьего капитала проведен водопровод и заведен лучший пожарный обоз. Дети этих чинов обучались в средних и высших учебных заведениях за счет этого же капитала. Сметы умышленно ежегодно составлялись с остатками, и эти остатки распределялись чинами в награду и пособие только себе и т. д.»).

Теперь понятно, читатель, *каковы* были ставки в игре и почему элита всех трех вышеназванных казачьих войск стремилась, наплевав на беды России, выкроить себе уютную самостийную державу? Продолжаю цитировать. Читайте, читайте. Нигде, кроме как в моей книге, вы этого, смею думать, не прочитаете – потому что сборник документов и материалов, откуда взята эта статья простого казака, был издан аж в 1927 г. тиражом в полторы тысячи экземпляров...

«Словом, наша войсковая бюрократия жила не хуже помещиков, а потому расстаться с таким жирным куском, как войсковой капитал, не легко. Последний же главным образом составлялся от сдачи в аренду под распашку войсковых свободных земель... Имея в своем бесконтрольном распоряжении около 400 000 десятин (напоминаю: десятина – около гектара. – А. Б.) свободной войсковой земли, 437 487 войсковых борон и лесных дач*, бюрократия имела громадный доход и расходовала его по своему личному усмотрению...»).

* Войсковая борона – участок под пахоту. «Лесная дача» ничего общего не имеет с современным понятием – это попросту участок леса, используемый для тех или иных нужд.

И далее неизвестный по фамилии казак дает свое видение происходящего: по его глубокому убеждению, та самая бюрократия ради дальнейшего процветания как раз и внушает рядовому казачеству мысль создать «федеративную Оренбургскую казачью республику», чтобы этим «спасти свою землю». В то время как во многих станицах приходится не более чем 6–8 десятин на семью.

Там же цитируется выступление на Круге оренбургского атамана Дутова, провозглашавшего примерно то же, что на Дону и Кубани: «Мы, казаки, есть особая ветвь великорусского племени и должны считать себя особой нацией. Мы сначала казаки, а потом – русские. Россия – большой разлагающийся организм, и из опасения заразы мы должны стремиться спасти свои животы. Наши леса, воды, недра и земли мы удержим за собой, а Россия, если она не одумается, пусть гибнет».

И в Оренбурге мы видим тот же утробный эгоизм: пусть гибнет Россия, лишь бы нам было хорошо, «особой нации»... Легко догадаться, что и там все повторялось по тем же сценариям: какое-то время казаки благоденствовали, отгородившись от всеобщей смуты, но потом у окрепших большевиков дошли руки и до них... А посему, уж простите, лично мне несколько не жалко людей, из своих шкурных интересов собравшихся пребывать в роли той самой обезьяны из китайской пословицы, что с высокой ветви дерева намеревалась, уютно расположившись, наблюдать драку двух тигров. Вот только тигры вовсе не загрызли друг друга насмерть, один победил, огляделся и, усмотрев обезьяну, решил перекусить...

Но ведь были и *другие!* И вот перед ними стоит снять шапку...

Когда по всей России возрождались казачьи традиции, когда по многим градам и весям щеголяли картинно-пестрые станичники с дедовскими «Георгиями» на груди, это поветрие, насколько мне известно, обошло те районы, что были когда-то территорией Уральского казачьего войска. Причина проста и трагична: уральских казаков *больше нет*. Всех прочих в России сохранилось немало, а вот уральских попросту нет...

Дело в том, что Уральское казачье войско оказалось единственным, не поддавшимся ни разложению, ни большевистской пропаганде, ни эгоистическому стремлению к созданию самостийной «державы». Крепкие хозяева, староверы, уральские казаки с самого начала без колебаний и раздора в собственных рядах выступили против большевиков. Сначала они гибли в боях. Потом, когда стало ясно, что красные побеждают, Уральское войско с семьями двинулось на юг, через казахские степи, пробиваясь в Персию. Цели они достигли, но жертвы были огромными – голод, бездорожье, холода... С Урала под командованием своего атамана вышли пятнадцать тысяч человек, а до прикаспийского форта Александровск добрались только три тысячи – выжил один из пяти... Вот потому-то возродить уральское казачество и невозможно – некому.

Единственное войско, не зараженное ни эгоизмом, ни шатаниями. Ничего общего с Доном, с Кубанью, с Дальним Востоком, где атаман Семенов был, по сути, такой же японской проституткой, как Краснов – германской. Оба, уже в сорок пятом, получили свою петлю...

Я не собираюсь никого осуждать. Я просто хочу напомнить, что отделялись, собственно, едва ли не все – но донцы и кубанцы вызывают неприязнь как раз тем, что ныли потом, с наивными глазами уверяя, что совершенно не понимают причин красных репрессий, что понятия не имеют, откуда взялась на них этакая напасть. А взялась она из их собственно-го эгоизма...

Что характерно, едва ли не на всем необозримом пространстве бывшей Российской империи «самостийников» возглавляли бывшие блестящие офицеры императорской армии: в Финляндии – гвардеец Маннергейм, на Украине – генерал свиты его императорского величества Скоропадский, в Эстонии – полковник царской армии Лайдонер, который, чтобы не мелочиться, быстренько произвел себя в генералы...

Прибалтика, естественно, шагала в первых рядах «самостийников». Причем со всеми специфическими чертами, прибалтам свойственными. Вот как, например, обстояло дело в Латвии. Сначала премьер-министр новорожденной державы, на которую всерьез нажимали красные, господин Ульманис заключил договор с германским командованием: всякий германский солдат, который не менее четырех недель будет участвовать в боях против местных большевиков, получит гражданство Латвии и преимущественное право на получение немалого участка земли.

Договор был оформлен письменно. После чего немало крестьян в германской форме, мечтавших о собственной земле, примкнули штыки и быстренько вышибли за пределы Латвии красных. Но тут г-н Ульманис цинично заявил: мол, в Версальском мирном до-

говоре четко прописано, что никто больше не обязан соблюдать обязательства перед Германией. И обманутые немцы, так и не получив земли, поплелись в фатерланд, надо думать, выражаясь в адрес Ульманиса витиевато и многоэтажно...

В Эстонии тяжесть борьбы с красными вынесли на себе отряды белогвардейцев. После чего благодарная независимая Эстония, быстренько заключив мир с Москвой, их разоружила и загнала за колючую проволоку, на лесозаготовки.

В Литве, в городе Вильно, где литовцев испокон веку жило-проживало не более двух-трех процентов, литовские экстремисты подняли мятеж и начали резать подряд всех «инородцев». Правда, дело не выгорело: марш-броском примчалось два конных полка польского генерала Люциана Желиговского, вышибли эту банду из города и гнали еще километров десять. Город Вильно попал в руки литовцев благодаря Сталину только в 1940 г. и вместо своего исконного, многие века сохранявшегося названия получил какое-то новое, которое я никак не могу запомнить.

Между прочим, все три прибалтийские крохотульки смогли обеспечивать своим гражданам на пару десятков лет худо-бедно сносное существование исключительно оттого, что совершенно по-большевистски провели грабительскую земельную реформу. В Эстонии и Латвии новоявленная власть попросту конфисковала земли у прежних владельцев «некоренной» национальности, русских и немцев (а в Литве еще и у поляков), и кое-как наделила участками «коренных». Чем это отличается от той же коллективизации, лично мне решительно непонятно. Грабеж – он и есть гра-

беж, как его ни именууй и какими «национальными интересами» ни прикрывай...

В общем, в начале восемнадцатого года, куда ни взгляни, пышным цветом расцвели суверенитеты. Армии практически не существовало.

И правительству Ленина–Троцкого–Сталина пришлось подписать с Германией «похабный» Брестский мир.

Его тоже порой кое-кто рассматривает как «выполнение обязательств большевиками перед финансирующими их немцами». Но жестокая правда истории в том, что воевать молодая республика попросту не имела ни сил, ни возможности. В первую очередь оттого, что никто не хотел воевать.

Кстати, по воспоминаниям Ф. Раскольниковца, термин «похабный» выдумали не критики большевиков, и даже не Ленин первым его запустил в обиход: делегаты с фронта, добравшись до трибуны, в голос твердили одно: «Дайте мир, пусть похабный!».

Было бы самоубийством воевать с Германией – тоже разоренной и истощенной войной, но находившейся по всем параметрам в гораздо лучшем положении. Ленин и его сторонники это прекрасно понимали. Другую позицию занимали так называемые «левые коммунисты» во главе с «любимцем партии» Бухариным, за которым числилось одно-единственное достоинство: о чем бы ни зашла речь, он мог часами предаваться ужасающему словоблудию (за что насмешник Троцкий тогда же окрестил его «Коля Балаболкин»). Бухаринцы стояли как раз за продолжение войны любой ценой. Правда, при этом они не рассчитывали не то что на победу, но даже на ничью. Они с самого на-

чала знали, что новорожденная Советская Россия тевтонами будет моментально разбита. Но этого именно они и жаждали, на несколько десятков лет предвосхитив знаменитый тезис председателя Мао: «Чем хуже — тем лучше». Дальний расчет у бухаринцев был незатейливый и людоедский: гибель Советской России под ударом кайзеровской военной машины должна стать примером и уроком для «мирового пролетариата», который, узрев это варварство, устыдится, воспрянет и поднимется на тот самый последний и решительный бой, сметая «старые режимы». О чем со свойственным ему всю сознательную жизнь простодушным цинизмом вещал тогда сам Коля Балаболкин-Бухарин: «Наше единственное спасение заключается в том, что массы познают на опыте, в процессе самой борьбы, что такое германское нашествие, когда у крестьян будут отбирать коров и сапоги, когда рабочих будут заставлять работать по 14 часов, когда будут увозить их в Германию, когда будет железное кольцо вставлено в ноздри, тогда, поверьте, товарищи, тогда мы получим настоящую священную войну».

Однако после жесточайших дискуссий и накаленной сшибки мнений победила ленинская точка зрения, которую столь же цинично (но отнюдь не так простодушно) озвучил тогда же Троцкий: «К мирным переговорам мы подходили с надеждой раскачать рабочие массы как Германии и Австро-Венгрии, так и стран Антанты. С этой целью нужно было как можно дольше затягивать переговоры, чтобы дать европейским рабочим время воспринять как следует самый факт советской революции и, в частности, ее политику мира».

Другими словами, имело место лишь временное отступление, чего твердолобые бухаринцы как раз и не понимали... В нашей историографии (и отнюдь не одной лишь национал-патриотической) принято ругательски ругать Троцкого за его известную декларацию: «Войну более не ведем, мира не подписываем, армию распускаем». Но соль в том, что это была опять-таки вполне продуманная акция, о которой пишет сам Троцкий: «Известно, что даже в Германии, среди социал-демократической оппозиции, ходили настойчивые слухи о том, что большевики подкуплены германским правительством и что в Брест-Литовске происходит сейчас комедия с заранее распределенными ролями. Еще более вероподобной эта версия должна была казаться во Франции и Англии. Я считал, что до подписания мира необходимо во что бы то ни стало дать рабочим Европы яркое доказательство смертельной враждебности между нами и правящей Германией. Именно под влиянием этих соображений я пришел в Брест-Литовске к мысли о той "педагогической" демонстрации, которая выражалась формулой: войну прекращаем, но мира не подписываем».

Мне представляется, это вполне внятное и убедительное объяснение, как бы к Троцкому ни относиться. И Ленин, и Сталин, и Троцкий были гениями маневра (последний – до определенного времени, впрочем). Они тянули время. Они прекрасно знали, что европейский солдат любой страны точно так же смертельно устал сидеть во вшивых и мокрых окопах – и пример вышедшей из войны России выглядит заразительно...

А кроме того, большевики всерьез рассчитывали на германских «коллег», и эти надежды были отнюдь не

беспочвенными: к тому времени всю Германию, без преувеличения, трудами тамошних социал-демократов и вообще левых сотрясали демонстрации, митинги и стачки в знак солидарности с Советской Россией. Это не выдумка последнего коммунистического агитпропа, это и в самом деле было...

Это *сегодня*, когда век двадцатый прожит и закончился, когда мы точно знаем, что же именно произошло, легко упрекать большевиков во всех мыслимых грехах. Но не стоит забывать, что в *восемнадцатом* году, если воспользоваться любимой фразой Ю. Тынянова, было «еще ничего не решено». Будущее ведь было *несвершившимся!* Никто тогда, не располагая машиной времени, не мог знать, что революции в странах Западной Европы в конце концов провалятся. Наоборот, шансы на их успех были все же велики...

Нелишне будет узнать мнение на сей счет не самого бездарного писателя и не самого неумелого аналитика Герберта Уэллса. Вот что он писал в «России во мгле»: «Если бы война на Западе длилась и поныне (писано в 1920 г. – А. Б.), в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье» (как, между прочим, обстояло дело в Британии во вторую мировую, продуктовые карточки там были отменены лишь в 1954 г., гораздо позже, чем в СССР). И далее: «Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, – это то, к чему шла Англия в 1918 г., но в обостренном и завершенном виде... расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов

потребления, социальный и политический развал и все прочее – лишь вопрос времени. Магазины Риджент-стрит постигнет судьба магазинов Невского проспекта, а господам Голсуорси и Беннету придется спасать сокровища искусства из роскошных особняков Мэйфера...».

Вообще-то Уэллс любил побаловаться возведенными в крайнюю степень ужаса апокалиптическими картинками, и далеко не все его предсказания касаются *общественных* изменений сбылись, в отличие от технических. Однако гораздо более прагматичный Ллойд-Джордж, не писатель-фантаст, а опытный политик, в речи от 18 марта того же 1920 г. говорил о революционной опасности в Англии почти теми же словами: «...когда дело дойдет до сельских округов, опасность будет там так же велика, как она велика теперь в некоторых промышленных округах. Четыре пятых нашей страны заняты промышленностью и торговлей; едва ли одна пятая – земледелием. Это – одно из обстоятельств, которое я имею в виду, когда я размышляю об опасностях, которые несет нам будущее. Во Франции население земледельческое, и вы имеете солидную базу определенных взглядов, которая не двигается очень-то быстро и которую не очень-то легко возбудить революционным движением. В нашей стране дело обстоит иначе. Нашу страну легче опрокинуть, чем какую бы то ни было другую страну в свете, и если она начнет шататься, то крах будет здесь по указанным причинам более сильным, чем в других странах».

Уж если *такое* всерьез говорит с трибуны премьер-министр Британии, которую у нас привыкли полагать неким вечным оазисом благоденствия...

Совершенно зря, кстати. Чтобы понять, что собой представлял *тогда* «низший класс» Великобритании и сколько там накопилось горючего материала, достаточно прочесть сугубо документальную книгу Джека Лондона под символическим названием «Люди бездны». Американец переоделся безработным и пожил какое-то время среди лондонских низов. Описание впечатляет...

А кроме того, я рекомендовал бы вдумчивому читателю романы того же Уэллса «Анна-Вероника» и «Бэлпингтон Блэпский» – не фантастические, а насквозь реалистические. Тот, кто их осилит, возможно, согласится со мной, что они показывают превеликое множество радикалов, ставших бы при других условиях великолепными кандидатами в комиссары и следователи Великой Британской ЧК, и представит, что *эти* персонажи натворили бы в доброй старой Англии, достаточно им напялить кожанки, взять маузеры и присмотреться к «буржуям» с «консерваторами». Seriously, рекомендую...

Большевики потому и соглашались на немецкие требования, что всерьез рассчитывали на победоносную германскую революцию. И, между прочим, оказались не так уж неправы в расчетах. Первая партия в 93,5 тонны российского золота из 240 прибыла в Германию к 1 ноября – а всего через неделю там и в самом деле грянула революция, сбросившая монархию. *Потом*, правда, события пошли не совсем так, как в Москве планировали, и германские друзья Ленина к власти так и не прорвались – но, повторяю, вполне могло случиться и по-другому. Были шансы. А кроме того, со свержением кайзера Брестский мир автоматически превратился в клочок бумаги...

Между прочим, подписав Брестский договор, большевики все же добились некоторых политических выгод: по нему Германия обязывалась не признавать никаких «самостийных» держав, возникших на территории России. Небольшой, но выигрыш...

И началась Гражданская война, виновников у которой, как уже говорилось, не бывает. Парад суверенитетов катился по России то ли со скоростью звука, то ли со скоростью света, все, кто только имел к тому возможность, пытались отхватить себе кусочек ничейной территории. Дошло до того, что в бывшую Российскую империю вторглись *румыны* – а такое означает, что хуже дела обстоять просто не могут. Те самые румыны, касательно которых, несмотря на все дискуссии, до сих пор не пришли к единому мнению: что же такое румын – национальность или профессия? (Самое смешное, что в разное время, ничего не зная друг о друге, один из царских генералов и один из генералов вермахта практически одинаковыми словами отозвались о Румынии: если она станет союзником – понадобится десять дивизий, чтобы ее защитить, если врагом – те же десять дивизий, но на сей раз, чтобы разбить...)

Даже румыны... Сначала они потихонечку грабили, притесняли оказавшиеся на их территории российские части и помаленечку, пробуя силы, расстреливали большевиков. Потом, видя, что сходит с рук, обнаглели. Некий генерал Бронштяну вторгся со своим воинством в Кишинев, расстрелял там всех настроенных против «Великой Румынии от моря до моря» – красных, белых, монархистов, либералов – и захватил Бессарабию (которую румыны отдали лишь

двадцать лет спустя, подобострастно виляя позвоночником, едва Сталин стукнул кулаком по столу, не особенно и громко).

Полыхает гражданская война от темна до темна...

С обеих сторон воевали офицеры *старой* армии. В Красной Армии было семьдесят пять тысяч царских офицеров, в Белой – сто тысяч. Но вот выпускников престижнейшей, элитнейшей Николаевской академии Генерального штаба у красных служило даже больше, чем у белых. Иные уверяют, будто все оттого, что зловерные большевики брали офицерские семьи заложниками и силком заставляли воевать. Это справедливо для каких-то отдельных случаев, но *общую* картину никак не объясняет...

Начальником штаба у Фрунзе – бывший генерал Н. С. Махров. Начальником штаба у Врангеля – не снявший золотых погон генерал П. С. Махров. Родные братья, ежели кто не понял. В штабе Тухачевского во время наступления на Варшаву – Н. В. Сологуб. В штабе Пилсудского во время обороны Варшавы – двоюродный брат означенного Сологуба... Восточным фронтом, действовавшим против Колчака, командовал царский полковник, выпускник Академии Генерального штаба С. С. Каменев, а заменил его впоследствии бывший генерал-лейтенант А. А. Самойло.

Всего в Красной армии оказалось более шестисот офицеров и генералов Генерального штаба. Из двадцати командующих красными фронтами семнадцать были кадровыми офицерами царского времени. *Все* начальники штабов фронтов – бывшие офицеры. Из ста командующих красными армиями восемьдесят два – царские офицеры в прошлом.

Кстати, здесь и стоит искать корни распространенных в свое время мифов о «великих полководцах» Тухачевском, Якире, Уборевиче и прочих: разрабатывали планы и проводили их в жизнь военные профессионалы, а «великие пролетарские полководцы», вроде бывшего командира взвода Тухачевского, недоучившегося фармацевта Якира и штафирки Уборевича, лишь в нужный момент вылетали на белом коне перед революционными массами и орали, махая сабелькой, что-нибудь зажигательное и политически правильное...

Военной разведкой у красных одно время руководил генерал Бонч-Бруевич, брат ленинского сподвижника. У большевиков оказались и бывший помощник военного министра Поливанов, и адмирал Альтфатер. Известны, по меньшей мере, четверо бывших царских генералов, которые, попав в плен к белым, отказались изменить красной присяге и были за это расстреляны: фон Таубе, Николаев, Востросаблин, Станкевич.

Огромную роль в свое время сыграло воззвание группы бывших царских генералов, призывавших в 1920 г. офицерство переходить на сторону красных. Вот цитаты: «Свободный русский народ освободил все бывшие ему подвластными народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родины – матери России». «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обраща-

емя к вашим чувствам любви и преданности к родине...». Иначе «наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что из-за эгоистических чувств классовой борьбы мы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли родной русский народ и загубили свою матушку – Россию».

Воззвание подписали известные и уважаемые в старой армии люди: генералы Поливанов, Зайончковский, Клембовский, Парский, Балугев, Акимов, адмирал Гуттор. Первой стояла фамилия авторитетнейшего военачальника А. Брусилова.

Кто-то может верить, будто подписи они поставили оттого, что чекисты арестовали у одного жену, а у другого – старую бабушку. На самом деле никаких подтверждений столь примитивной версии в истории не отмечено. Все эти люди служили новой власти не за страх, а за совесть. Большевиками они, конечно не были. Просто-напросто *новая* Россия их вполне устраивала, гораздо больше, чем место в белогвардейских рядах, только и всего...

(Подобное после окончания Второй мировой войны случится в Польше. Из эмиграции вернутся и займут немало высоких должностей в армии и военной разведке генералы и старшие офицеры времен Пилсудского. И никто не будет их трогать, никто не станет попрекать «белопанским» прошлым. Они не питали ни малейшей склонности к коммунистам – но *новая* Польша в установленных Сталиным границах им чертовски нравилась, и они хотели ей служить...)

И это воззвание, кстати, имело громадный успех. После того, как оно появилось, в Красную Армию пришли *пятьдесят* тысяч офицеров.

Хотя что касается Брусилова... Должно быть, сотрудничая с большевиками, этот известный оккультист, страстный последователь небезызвестной мадам Блаватской, испытывал нешуточный душевный дискомфорт. Евреев среди большевиков хватало – а его высокопревосходительство был антисемитом патологическим. Сохранились любопытные воспоминания украинского академика Заболотного, бактериолога и эпидемиолога, еще до революции встречавшегося в прифронтовой полосе с Брусиловым. Когда ученый пожаловался, что для его опытов очень трудно в нынешние тяжелые времена добывать обезьян, генерал «серьезно спросил: "А жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жидов". И, не дожидаясь моего согласия, послал офицера узнать: сколько имеется шпионов, обреченных на виселицу. Я стал доказывать его превосходительству, что для моих опытов люди не годятся, но он, не понимая меня, говорил, вытаращив глаза: "Но ведь люди все-таки умнее обезьян, ведь если вы впрыснули человеку яд, он вам скажет, что чувствует, а обезьяна не скажет". Вернулся офицер и доложил, что среди арестованных по подозрению в шпионаже нет евреев, только цыгане и румыны. "И цыган не хотите? Нет? Жаль"».

Оригинальным человеком, мягко выразимся, был Брусилов. Но тем не менее служил красным и с такими взглядами. Вообще-то ходили упорные слухи, что в его ненависти к Николаю II были и личные причины – за известный прорыв император наградил генерала бриллиантовым оружием, но Брусилов рассчитывал на Георгия 2-й степени и очень разобиделся...

Хотя... Во времена Гражданской встречались самые невероятные комбинации. В ноябре 1921 г. из Стамбула в Россию вернулся с женой и группой офицеров некто иной, как бывший врангелевский генерал Слащев, тут же призвавший остававшихся за границей врангелевцев последовать его примеру.

Личность эта мало того что колоритнейшая – кокаинист, бунтарь, постоянно ссорившийся с Врангелем, хозяин персонального зоосада, который возил в своем вагоне, – но и залитая кровью по самую маковку. Пожалуй, никто из белогвардейских генералов (атаманы вроде Семенова и Анненкова не в счет) не имел такой репутации лютейшего вешателя. С особенным удовольствием приказывал вздергивать во множестве большевиков и евреев персонально, но не обходил вниманием дезертиров, вообще всех, кто в недобрую минуту подворачивался под руку. Весь путь Слащева по югу России – это одна бесконечная цепь виселиц.

И тем не менее... В Севастополе на причале его встречал сам Дзержинский! Оказалось, у Слащева есть некоторые заслуги перед Советской властью: вскоре после воззвания Брусилова Слащев и еще 30 генералов замыслили пробольшевистский переворот в Крыму, вели переговоры с тайными посланцами красных. И провалилась эта затея по причинам практическим: после разгрома под Варшавой и подписания мира с Польшей у Москвы высвободились достаточные военные силы, чтобы покончить с Врангелем самостоятельно, без слащевского путча...

Собственно говоря, никакие это не заслуги – наоборот, Слащева по логике следовало бы поскорее шлепнуть, чтобы своим существованием не портил

причесанную, красивую мифологию «борьбы с бело-гвардейщиной». То, что он, вернувшись, накатав вышеупомянутое обращение к эмигрантам, опять-таки нельзя считать великой заслугой.

И тем не менее по неким абсолютно мне непонятным побуждениям, большевики генерала *не тронули*. Мало того – семь с лишним лет он преподавал на высших военных курсах «Выстрел». Лишь в январе 1929 г. к нему в квартиру ворвался бывший комвзвода Красной Армии Лазарь Коленберг и высадил в Слащева пистолетную обойму. На допросах он говорил, что мстил за расстрелянного Слащевым в Николаеве брата. Коленберга признали душевнобольным и не судили.

Многие, от отечественных до зарубежных, исследователи склонны считать, будто это ГПУ руками Коленберга коварно убрало Слащева. Позвольте не поверить. За семь с лишним лет, что генерал прожил в Советской России, его тысячу раз можно было убрать при желании, не особенно и утруждая себя поисками мотивов или разработкой коварных комбинаций. Так что Коленберг, вероятнее всего, сводил собственные счета. Ничего удивительного – удивительно как раз то, что Слащев продержался так долго, учитывая, сколько людей он перевешал и сколько у них осталось горящих жаждой мщения родных...

Слащев – не единственный пример не поддающихся логическому осмыслению *альянсов* с большевиками разнообразнейшей, самой причудливой публики. Большевиков, что интересно, всецело признавали и поддерживали разнообразные радикально-мистические сектанты: хлысты, баптисты, евангелисты седьмого дня. Последние, не мелочась, считали Ленина чуть

ли не вторым Мессией, объявляя, что на нем «почиет благодать Божья». (Горячо поддержавший большевиков поэт Николай Клюев, кстати, как раз из хлыстов.) Известный черносотенец и личный враг Распутина иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов), печально прославившийся до революции всевозможными экстремистскими выходками, после Октября вернулся в Россию и сотрудничал с большевиками. В числе прочего создал некую мистическую «Коммуну Вечного Мира», объявив себя не только «патриархом», но и «русским папой».

Большевики это на удивление долго терпели – и, в конце концов, в 1922 г. не посадили Илиодора и не расстреляли, а выслали за границу...

Кроме этого, среди большевиков в большом количестве были замечены как бывшие «правые» интеллигенты, так и всевозможные оккультисты, пленившие впоследствии своими идеями даже видного чекиста Бокия, пригревавшего их и пестовавшего. Тянулось это долго – но, в конце концов, в тридцать седьмом и оккультистов перестреляли, и Бокия не забыли...

В советские времена в иных книгах и фильмах белогвардейцев изображали как оголтелых монархистов, со слезами на глазах внимавших мелодии «Боже, царя храни». На деле же обстояло чуточку иначе. По большому счету, судьба свергнутого императора и его семьи никого особенно не волновала. В Екатеринбурге, когда туда перевезли Николая, как раз и размещалась в эвакуации Академия Генерального штаба – отборные офицеры, числом почти не уступавшие немногочисленному гарнизону Уралсовдепа. При минимальном желании эти профессионалы войны могли бы без особого труда освободить свергнутого императора.

Вот только не было ни малейшего желания... Белый генерал Дитерихс приводит в своих мемуарах воспоминания некоего «полковника Л.», который как раз и был командирован из Петрограда в Екатеринбург некоей монархической организацией «Союз тяжелой кавалерии», чтобы спасти августейшую семью. Вот как полковник ответственное поручение выполнял: «В Екатеринбурге я поступил в слушатели 2-го курса Академии Генерального штаба и, имея в виду осуществление вышеуказанной цели, осторожно и постепенно сошелся с некоторыми офицерами-курсантами: М., Я., С., П., С. Однако сделать что-либо реальное нам не пришлось, так как события совершались весьма неожиданно и быстро. За несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами я ушел к ним в состав офицерской роты полковника Румши и участвовал во взятии Екатеринбурга. После этого в офицерской среде возникла мысль сделать все возможное для установления истины: действительно ли убит Государь Император».

Такие дела. Полковник приехал в Екатеринбург в мае. Чехи взяли город два с лишним месяца спустя. За это время эмиссар тайной организации успел лишь *поболтать* с пятью курсантами...

Кроме того, вдумчивые исследователи (например, Н. Коняев) отметили явную странность происходившего тогда вокруг Екатеринбурга: белогвардейцы долго и методично обкладывали его с трех сторон значительно превосходящими силами, но до конца июля штурмовать практически не защищенный город не торопились. Более того, они так и не перерезали железную дорогу на Пермь, хотя имели к тому полную возможность – и именно по этой дороге бежали больше-

вики после уничтожения царской семьи. Это настолько странно, что толкает иных на вовсе уж шокирующие выводы. Вот что поместил на своем сайте в Интернете Дмитрий Суворов, автор работы «Все против всех»: «Создается впечатление, будто белогвардейцы предлагают красным своего рода чудовищную "игру в поддавки": мы даем вам время и шанс сделать ответный ход в отношении царской семьи; мы на вас наступаем, но не так, чтобы отрезать все концы, – нет, мы вас обкладываем как волка флажками, но при этом ниточку Транссибирской магистрали не перерезаем: пожалуйста, драпайте, как вашей душе угодно! И царя вывозите, куда хотите! Ведь вспомнить только, что Голощекин умудрился в этой ситуации съездить в Москву за инструкциями и вернуться – вернуться в полуокруженный Екатеринбург, – для того чтобы ликвидировать семью, и отнюдь не сразу, а еще как минимум через неделю (в условиях Гражданской войны это чудовищно много)! И то после телеграфного сигнала, который дал ему из Перми командующий фронтом Р. Берзин. Как понимать такие действия "рвущихся на спасение" белых? И простым совпадением фактов все сие не объяснишь».

Я тоже не берусь объяснять. Я всего лишь хочу напомнить: *ни одно* из белогвардейских движений, боровшихся с большевиками, не поднимало монархических лозунгов. В тылах Деникина монархистов даже, как о том подробно вспоминает В. Шульгин, преследовала всерьез белая контрразведка...

У белых не было не только монархических настроений, но и тени единства. Грызлись меж собой, как собаки из-за кости, не только «верховные правители»

разных регионов, но и деятели одной армии. Троцкий подробно писал, чем обязаны белые Таганрогской катастрофе 1920 г., означавшей разгром белого движения на юге...

Врангель предлагал исключительно выгодный для белых (по компетентному мнению Троцкого) план: закрепиться на небольшом участке между Днепром и Волгой, создать ударный кулак из конных частей, пробить им красный фронт и наступать на Москву, попутно соединившись с Колчаком. Однако Деникин расплыл силы, наступая по *трем* направлениям, причем главным из них выбрал самое выгодное для оборонявшихся красных – через Донецкий бассейн. Был разбит и отступил. Причины столь странного его поведения? Да попросту командующим этим «кавалерийским кулаком» следовало стать Врангелю, которому, вполне возможно, и досталась бы вся слава взятия Москвы златоглавой. А Деникин хотел взять Москву сам. В результате проиграл все... Элементарная зависть погубила отличный план, успех которого допускало само большевистское руководство...

На этом фоне безобидно выглядит генерал Май-Маевский – тот самый, что выведен в бессмертном фильме «Адъютант его превосходительства» под именем Ковалевского. Интриг он не плел – некогда было. Мастерски внедрившийся в его ближайшее окружение красный разведчик Макаров (в фильме – Кольцов), быстро разобравшись к чему генерал питает слабость, наладил бесперебойное снабжение водкой и девочками. После чего Май-Маевский с превеликой радостью ушел в столь долгий и качественный запой, что провалил все, что только возможно. Авторы помянутого

фильма невероятно польстили генералу, изобразив его трезвым и способным говорить членораздельно.

У красных, конечно, тоже попивали самогонку, держали при себе походно-полевых жен, грабили и интриговали – но, безусловно, не в такой степени... Потому и победили.

А ведь мы еще не коснулись самой малоизвестной стороны Гражданской войны: тех ситуаций, когда власть в противостоящем большевикам лагере оказывалась в руках не солдафонов-генералов, а самых натуральных социалистов, демократов, либералов и интеллигентов!

Было и такое, господа мои, было! У нас как-то принято связывать понятие «белогвардейского лагеря» исключительно с генералами и казачьими атаманами. А ведь дело сплошь и рядом обстояло совершенно иначе!

Когда большевики разогнали Учредительное собрание, его члены, целые и невредимые, разбежались по всей стране и в восемнадцатом году создали целых четыре *социалистических* правительства в разных уголках великой и необъятной:

1. На Волге, в Самаре – Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ).
2. Временное областное правительство Урала.
3. Временное сибирское правительство.
4. Верховное управление Северной области (Архангельск).

Повсюду в указанных местах военные играли сугубо подчиненную роль – а всю полноту власти осуществляли законно избранные члены Учредительного собрания: социалисты, демократы, либералы, ин-

теллигенты. Присмотримся к ним поближе... К господам правым эсерам и меньшевикам, стопроцентным и патентованным социал-демократам.

Для начала, взяв власть в Самаре, развернули широчайший террор. Расстреливали прямо на улицах «по подозрению в большевизме». Жертв – многие сотни. Далее, прежде всех остальных ведомств, социалисты создали «государственную охрану», которой поставили руководить эсера Климушкина. А в дополнение быстро создали систему военно-полевых судов.

И понеслось... Под трибунал можно было угодить в том числе и за «распространение необоснованных слухов». Пленных красноармейцев ночами расстреливали сотнями, выбрасывая трупы в реку. Устроили концлагеря. Когда в Бугурусланском уезде сразу семь волостей отказались дать новобранцев, «для примера» одно из сел окружили войска и открыли огонь из пушек и пулеметов. В сентябре восстали рабочие Казанского порохового завода, протестуя против террора, мобилизации в армию и ухудшения жизни. Командант города расстрелял митинг опять-таки из пушек и пулеметов. В октябре рабочие г. Иващенкова выступили против демонтажа предприятий и эвакуации их в Сибирь. Прибыли каратели и перебили около тысячи человек, в том числе женщин и детей, без разбора.

Напоминаю: все это творили не генералы, а эсеры и меньшевики, протестовавшие во весь голос против большевистского террора, против большевистских концлагерей, против большевистской ЧК...

Что касается свободы слова – цензуры, надо отдать им должное, не ввели. Вместо этого закрывали газеты

и арестовывали редакторов. За непонравившуюся ему статью сам Климушкин упрятал в тюрьму видного кадета Коробова – а чуть позже, переключившись с газетчиков на буржуазию, разогнал съезд торговцев и промышленников. Самыми крайними и бесправными оказались опять-таки крестьяне – их пороли целыми деревнями, проводили «реквизиции», по поводу и без повода обстреливали села из пушек.

Что самое шизофреническое, весь этот кровавый бардак с начала и до конца проходил под *красным* флагом, реявшим над зданием КОМУЧа. Французский представитель Гинэ, по сохранившимся свидетельствам, чуть умом не тронулся, пытаясь понять загадочную русскую душу... Вот что писал орган казанских меньшевиков: «В рабочих кварталах настроение подавленное. Ловля большевицких деятелей и комиссаров продолжается, усиливается. И самое главное, страдают не те, кого ловят, а просто сознательные рабочие: члены социалистических партий, профсоюзов, кооперативов. Шпионаж, предательство цветет пышным цветом... Жажда крови омрачила умы. Особенно стараются члены квартальных комитетов...».

Интеллигенты! Социалисты! Либералы! Революционеры! Вот вам наглядный пример того, что бывало, когда им удавалось порулить. Самарская братия оказалась еще хуже большевиков – у тех, по крайней мере, была программа, теория, идеология. В КОМУЧе не было ничего отдаленно похожего. Лишь террор, пустая говорильня, развал всего, что только можно развалить. Население поддержки не оказывало ни в малейшей степени. В конце концов пришли красные и вышибли этот дурдом к чертовой матери.

Напоследок, правда, самарские болтуны успели поучаствовать в международной политике и даже в самых настоящих международных конфликтах. Ну разумеется, не с какими бы то ни было *державами*. По соседству, в Омске, сидели точно такие же придурки – Временное сибирское правительство. Рассказывать о нем подробно нет смысла: практически все, что вы только что узнали о самарском «правительстве», творилось и в Сибири, менялись разве что фамилии и географические пункты, а суть оставалась той же: эсеры и меньшевики, бывшие члены Учредилки, у власти, террор, реквизиции, порки, расстрелы, всеобщий страх и всеобщая ненависть...

Сибирских клоунов в конце концов разогнал адмирал Колчак. Но до того Самара и Омск успели всласть поконфликтовать, словно *настоящие* державы. В Самаре имелся свой министр иностранных дел, и в Омске тоже. Они сносились меж собой по всем правилам дипломатического протокола, комики. Это была именно клоунада, безумная и позорная. В Челябинске, когда представители их «держав» решили провести совещание на высоком уровне, поезда с делегациями Самары и Омска стояли рядом, на соседних путях, и меж ними сновали курьеры – дипломаты вели меж собой таким образом переписку...

И этот цирк продолжался *сутки*! Помянутый французский представитель, майор Гинэ, метался от поезда к поезду, все так же медленно, но верно подвигаясь рассудком... Эту историю рассказал не ерничающий красный пропагандист, а белоэмигрант Мельгунов...

А знаете, из-за чего разгорелся сыр-бор? Из-за Зауралья. Великое Самарское государство хотело вклю-

чить в свои суверенные пределы Челябинский и Златоустовский уезды, а не менее великое вольное государство Сибирское, как легко догадаться, желало видеть эти области под своим скипетром. Вот и грызлись, попутно решая не менее великую проблему: как поделить по справедливости меж двумя суверенами захваченный в Казани запас почтовых марок...

Это *было!* Читайте Мельгунова...

А грустный юмор еще и в том, что в это время на Урале сидело столь же суверенное, социалистическое и самым решительным образом настроенное Временное областное правительство Урала с эсерами во главе, бомбардировавшее соседей грозными дипломатическими нотами, в которых сообщало, что Челяба и Златоуст ему и самому пригодятся. Войну, правда, не объявляло по причине ущербности в военной области. Впрочем, известно, что меж всеми тремя «державами» велись «торговые» и «таможенные» войны – не знаю деталей, но представляю, что это за очередной балаган лимитед...

Об уральский суверенах – кратко. Правили бал там целых четыре партии:

1. Партия народной свободы.
2. Трудовая народно-социалистическая.
3. Социалисты-революционеры.
4. Социал-демократы-меньшевики.

Как правили? Обыкновенно. Так, как только и могут править интеллигенты-либералы-социалисты: кнутом и пулеметом. Расстреливали не только членов партии большевиков, но и рядовых красноармейцев во множестве, а заодно их семьи и родственников. О происходящем исчерпывающее понятие дает отрывок из

заявления Центрального областного бюро профсоюзов Урала: «Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара беспричинных арестов, самосудов и расстрелов без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму, заполнены почти все здания, в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная и бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производятся как в Екатеринбурге, так и по заводам различными учреждениями и лицами, неизвестно какими выборными организациями уполномоченными. Арестовывают все кому не лень, как то: военный контроль, комендатура, городские и районные комиссии, чешская контрразведка, военно-уполномоченные заводских районов и различного рода должностные лица».

А что у нас в Архангельске?

Ну как же, Верховное управление северной области во главе с народным социалистом Чайковским, с ходу заявившее о своей приверженности идее Учредительного Собрания. А уж если пошли такие заявления, жди большой крови...

И она, конечно же, пролилась!

Не будем пользоваться «красными» материалами. Возьмем отрывок из письма, которое в 1922 г. «министр внутренних дел» правительства Чайковского отправил своему шефу в Париж: «Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Архангельск, где мы строили власть, где мы правили! И вы, и я были

против никаких казней, жестокостей, но разве их не было? Разве без нашего ведома на фронтах (например на Пинежском и Печоре) не творились военщиной ужасы, не заполнялись проруби живыми людьми? Да, мы этого, к сожалению, в свое время не знали, но это было, и не падает ли на нас, как на членов правительства, тень за эти злодеяния? Вспомните тюрьму на острове Мудьюг, в Белом море, основанную союзниками, где содержались «военнопленные», т. е. все, кто подозревался союзной военной властью в сочувствии большевикам. В этой тюрьме начальство – комендант и его помощник – были офицеры французского командования, что там, оказывается, творилось? 30% смертей арестованных за пять месяцев от цинги и тифа, держали арестованных впроголодь, избияния, холодный карцер в погребе и мерзлой земле...».

Классический нехитрый набор оправданий нашкочившего интеллигента: во-первых, он ничего такого не знал, а во-вторых, он ничего такого не хотел. Он хотел, как лучше, а получилось отчего-то, как всегда...

Немного цифр. При народном социалисте Чайковском за год на территории с населением в 400 тысяч человек только через одну архангельскую тюрьму прошло 38 000 арестованных – 8 тысяч из них расстреляно, более тысячи умерло от побоев и болезней. А ведь были еще пять тюрем в Мурманске и концлагерь на необитаемом острове Мудьюг...

Вот вам «социалистические» правительства: одни вышиблены большевиками, другие разогнаны белыми генералами. Но крови успели нацедить немеряно...

И таких вот противобольшевистских «правительств» в восемнадцатом году историки насчитыва-

ют около двух десятков. Все они действовали на схожий манер: указом номер один обещали немислимые и разнообразнейшие вольности в противовес злодеям и тиранам большевикам, указом номер два создавали свою ЧК и начинали лютовать... К девятнадцатому году их повсеместно, как уже говорилось, если не красные прихлопнули, то генералы разогнали.

С девятнадцатого, по сути, как раз и началось противостояние двух сторон, красных и белых (правда, в тылу у тех и у других разгуливали многочисленные «зеленые», озабоченные лишь собственным выживанием в это непростое время).

Что происходило у генералов? Начнем с Деникина. И слово предоставим ценнейшему свидетелю, уже поминавшемуся митрополиту Вениамину (Федченкову), занимавшему там немаленькие посты: «епископ армии и флота» при Деникине, член «совета министров» при Врангеле.

«Какими же принципами руководствовалось белое движение? ...Сознаюсь, у нас не было не только подробной политико-социальной программы, но даже самые основные принципы были не ясны с положительной стороны. Я и сейчас не помню каких-нибудь ярких лозунгов: а как бы я мог их забыть, если бы они были? А что помню, то было не сильно, не увлекало. Можно сказать, что наше движение руководилось скорее негативными, протестующими мотивами, чем ясными, положительными своими задачами. Мы боролись против большевиков – вот общая наша цель и психология... Что касается политического строя, то он был неясный, не предре-шенческий: вот покончить бы лишь с большевика-

ми, а там «все устроится». Как? Опять Учредительное Собрание, прежде разогнанное Железняковым? Нет! Об Учредительном Собрании и не упоминалось. Что же? Монархия с династией Романовых? И об этом не говорилось, скорее этого опасались, потому что едва ли народные массы воротились бы к старому. Конституция? Да, это скорее всего. Но какая, кто, как – было неизвестно... Какие социально-экономические задачи? Тут было ясно: восстановление собственности и собственности. Ничего нового при генерале Деникине не было слышно...»

«...когда зашла речь о династии Романовых, генерал Врангель в последующем обмене мнениями бросил горячую фразу, которая страшно поразила даже его сотрудников-генералов:

– Россия – не романовская вотчина!

Мне показалось, что народ наш смотрит на дело совсем просто, не с точки зрения идеалов политической философии славянофилов и не по рецептам революционеров, а также и не с религиозной высоты догмата Церкви о царе-помазаннике, а с разумной практической идеи – пользы. Была бы польза от царя, исполать ему! Не стало – или мало – пусть уйдет! Так и с другими властями – кадетскими, советскими. Здоровый простой взгляд».

Иными словами, от большевиков слишком многие могли рассчитывать получить *пользу*, которой не увидели от белых. Карл Радек писал сущую правду: «Троцкий сумел при помощи всего аппарата нашей партии внушить крестьянской армии, усталой от войны, глубочайшее убеждение в том, что она борется за свои интересы».

Практически то же самое говорил и митрополит Вениамин: «можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетия. А что же мы все (и я, конечно, в том числе), могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление "священной собственности", Учредительное Собрание или Земский Собор, который каким-то чудом все разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что здесь лежала одна из главных причин поражения нашего белого движения: в его безыдейности! В нашей бездумности!»

А вдобавок к безыдейности среди деникинцев процветала масса других пороков, смертельно опасных для организованной силы. Грабежи и «реквизиции», погромы и беззаконие достигли такого размаха, что сам Деникин в бессильном возмущении писал: «Каждый день – картины хищений, грабежей, насилий по всей территории вооруженных сил... Помощи в этом деле ниоткуда не жду. В бессильной злобе обещал каторгу и повешенье. Но не могу же я сам, один, ловить и вешать мародеров фронта и тыла».

Врангель, правда, время от времени вешал тех, кто попадался под горячую руку. Помогало плохо. В тылах царили невероятная спекуляция и коррупция, города были набиты здоровыми молодцами, в том числе и в офицерских погонах, увиливавшими от фронта.

Опухший от беспробудного пьянства Май-Маевский в разговоре с Врангелем подводил нечто вроде идеологической базы под мародерство и беззаконие:

– Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они воевать не станут...

Сам Деникин копейки себе не взял, первое время ходил в дырявых сапогах и старой шинели, пока его кое-как не приодели англичане, но какое значение имеют его высокие моральные качества на фоне того, что творилось в его армии?

Начальник штаба Деникина генерал Романовский в армии не пользовался ни малейшим уважением. Май-Маевского наконец-то выперли в отставку (но разоблаченный и посаженный в крепость чекист Макаров ухитрился оттуда бежать при странных обстоятельствах – у него даже не отобрали в тюрьме удостоверение помощника Май-Маевского!). Слащев, как говорилось выше, вел тайные переговоры с красными.

От Деникина все чаще и настойчивее собственное же окружение требовало определиться и сказать во всеуслышание: за монархическую Россию он сражается или республиканскую? Генерал вилял, кротко ответствуя: мол, как бы я ни ответил, половина офицеров армию тут же покинет, так что лучше давайте уж по-старому, на авось...

О земельной реформе и речи не шло – чтобы не оттолкнуть офицеров, в большинстве своем дворян и землевладельцев. Только в самом конце войны, когда Добровольческая армия была разбита на всех фронтах и у белых остался лишь крымский клочок, чем-то таким срочно озаботились, но объявленная реформа,

по словам того же Вениамина, была «компромиссной и запоздалой» и ничего уже не могла спасти.

В конце концов, собственные генералы буквально *вытихнули* Деникина в Константинополь вместе с Романовским, заставив передать командование Врангелю. Там же, в Константинополе, прямо в здании русского посольства, Романовского и пристукнули: кто-то среди бела дня *шарахнул* ему в спину пару раз из парабеллума. Посольство было битком набито офицерами, но стрелявшего так и не нашли – а может, и не искали.

Врангель тоже не добился ни малейших успехов – разве что Слащева из армии выкинул... Что ему нисколечко не помогло. И в Крым ворвалась Красная кавалерия...

Там и в самом деле чекисты пачками расстреливали потом офицеров – но необходимо уточнить, что подавляющую их часть составили не фронтовики (эти как раз эвакуировались в большинстве своем), а те самые эгоисты, что всю войну проторчали в тылу, рассчитывая и при красных как-нибудь отсидеться. Не получилось. Напомню еще раз разговор благородного дона Руматы с кузнецом:

«Кузнец оживился.

– И я так полагаю, что приспособимся. Я полагаю, главное – никого не трогай, и тебя не тронут, а?

Румата покачал головой.

– Ну нет, – сказал он. – Кто не трогает, тех больше всего и режут».

Так и вышло.

Колчак...

Можно бы его назвать совершенно опереточной фигурой, не будь на нем столько крови. Сухопутный

адмирал, не умевший и не способный руководить военными и гражданскими делами на суше, кокаинист, позер, истерик...

Поначалу ему везло. Так уж исторически сложилось благодаря сибирской специфике, что новоявленными «представителями победившего Октября» в той же Енисейской губернии (нынешний Красноярский край), да и в других местах, стало откровенное отребье, которое даже не воспринимали как *власть*, искренне полагая шайкой бандитов, под шумок пустившихся пограбить (как оно, кстати, и было). Даже благонамеренные советские историки более поздних лет писали, что Советская власть в Сибири «пала». Она именно «пала», как пьяный в лужу. А пришедшие ей на смену эсеры с меньшевиками были не лучше – и скинувший их Колчак сначала получил чуть ли не единодушную поддержку сибиряков. Но вот потом...

Начались все те же реквизиции, мобилизации и всеобщий террор, превосходивший все, что успели натворить и красные, и «временные областники». Чтобы не быть голословным, приведу два свидетельства, исходящих в свое время из колчаковского же лагеря.

Барон Будберг, министр в правительстве Колчака: «Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше; и, что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, не ждет от нас ничего доброго... Мальчишки думают, что если они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстано-

ление старого порядка вещей... Мальчики не понимают, что если они без разбора и удержу насильничают, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что большевики могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодарных для них союзников».

Начальник Уральского края инженер Постников ушел в отставку, подробно изложив в докладной записке Колчаку причины своего поступка: «Руководить краем голодным, удерживаемым в скрытом спокойствии штыками, не могу... Диктатура военной власти... незакономерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных "при побеге", аресты по доносам, предание гражданских дел военным властям, преследование по кляузам... – начальник края может быть только свидетелем происходящего. Мне неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном, а гражданских сажают в тюрьмы по одному наговору».

А вот воспоминания одного из упоминавшихся Будбергом «мальчишек», командира драгунского эскадрона в корпусе Каппеля штаб-ротмистра Фролова. Довольно высокий чин еще не означает солидного возраста – чинопроизводство у Колчака было прямо-таки фантазийным, не редкость чуть ли не двадцатилетние полковники, произведенные прямо из поручиков...

«Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню. Деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за сочувствие большевикам пришлось расстрелять всех мужиков от 18 до 55-летнего возраста,

после чего "пустить петуха". Убедившись, что от Каргалинска осталось пепелище, мы пошли в церковь... Был страстной четверг. На второй день Пасхи эскадрон ротмистра Касимова вступил в богатое село Боровое. На улицах чувствовалось праздничное настроение. Мужики вывесили белые флаги и вышли с хлебом-солью. Запоров несколько баб, расстреляв по доносу два-три десятка мужиков, Касимов собирался покинуть Боровое, но его "излишняя мягкость" была исправлена адъютантами начальника отряда поручиками Кумовым и Зыбиным. По их приказу была открыта по селу ружейная стрельба и часть села предана огню».

Это – не отдельные «перегибы» и не выходки каких-то особенных садистов. Подобное творилось *повсеместно*. Легко представить, как отреагировали на это коренные сибиряки, по характеру не склонные прогибаться перед какими бы то ни было властями, – а оружие и до войны имелось в каждом доме... Если в первые месяцы наблюдалось четкое разделение: столыпинские «новоселы» – за красных, коренные – за Колчака, то теперь положение изменилось самым решительным образом. Против колчаковцев выступили *все*. Без малейшего участия большевиков возникли партизанские армии в десятки тысяч человек и «свободные республики» вроде Тасеевской, занимавшей громадную территорию. Именно этому масштабнейшему движению, а не военным потугам бездарного Тухачевского, красные обязаны взятием Сибири...

В том, что партизанское движение никакого отношения к большевикам не имело, убеждают сохранившиеся документы. Невероятная путаница понятий, представлений и методов агитации! Один из повстан-

ческих вождей, штабс-капитан военного времени и агроном по основной профессии, Щетинкин и его ближайший сподвижник Кравченко действовали... царским именем! Вот одно из их подлинных воззваний: «Пора кончить с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным, продолжающими дело предателя Керенского. Надо всем встать на защиту поруганной Святой Руси и русского народа. Во Владивосток приехал уже Великий Князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над русским народом. Я получил от него приказ, посланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака... Ленин и Троцкий в Москве подчинились Великому князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами... Призываю всех православных людей к оружию за царя и советскую власть».

Кто-то, разумеется, может над этой листовкой вдоволь посмеяться – но Щетинкин и Кравченко были моими земляками, и я неплохо знаю историю родной страны... Именно эти прокламации привлекли к двум вождям многотысячную армию, освободившую несколько городов, в том числе мой родной Минусинск, где памятник Щетинкину стоит до сих пор, а улицу Кравченко так никто и не переименовывал. Правда, чуть позже, в середине двадцатых, и Щетинкин, и Кравченко как-то очень уж *нечаянно* погибли в Монголии, уже на службе в Красной армии – и это, как и репрессии против партизан в дальнейшем, лишний раз доказывает, что скинувшие Колчака сибирские партизаны были глубоко чуждым большевикам элементом...

Здесь еще и своя специфика. Например, в Сибири совершенно не работали европейские догмы: промыш-

ленность была слабой, из-за чего «пролетариат», собственно говоря, отсутствовал, представленный главным образом рабочими железнодорожных мастерских, а земля... В книге модного ныне Л. Млечина «Русская армия между Троцким и Сталиным» мне попалось фантастическое по своему невежеству высказывание: «Колчак хотел было раздать землю крестьянам, но так и не решился, и утерял поддержку крестьян, которые в Сибири были настроены против большевиков».

Это написано выпускником Московского государственного университета, заметьте! То ли с образованием там так уж поплохело, то ли дело в самом Млечине...

Интересно, *чью* землю, по Млечину, должен был раздать крестьянам Колчак, если помещиков в Сибири не было *вообще*? Вся пригодная для сельскохозяйственного использования земля и так была крестьянской! Поистине, беда с этими европейскими авторами, для которых уже за Волгой начинаются неведомые земли, населенные псоглавцами и драконами...

К сведению «историков», подобных г-ну Млечину: дойдя до Поволжья, Колчак, наоборот, стал *восстанавливать* в тех местах помещичье землевладение. После чего против него дружно поднялось не только тамошнее русское крестьянство, но татары и башкиры с черемисами, которым адмирал пытался посадить на шею прежних баев с нойонами, или как там они звались.

Большевики, кстати, отнюдь не главные виновники ареста и расстрела Колчака, брошенного всеми. Поднявший восстание в Иркутске и захвативший там власть Политический центр состоял, главным образом,

из эсеров с меньшевиками. Чрезвычайная следственная комиссия, допрашивавшая адмирала, имела следующий состав: председатель – большевик, заместитель – меньшевик, еще два члена – эсеры (один из них, Алексеевский, в 1921 г. как ни в чем ни бывало участвовал в парижском съезде бывших членов Учредительного собрания, где наравне со всеми ругательски ругал «узурпаторов и палачей большевиков»). Руководитель расстрелявшей Колчака Иркутской ЧК – эсер...

На допросах Колчак, что характерно, твердил: он, извольте видеть, «ничего не знал». Не знал, что в контрразведке пытаемых вздергивают на дыбу. Не знал, что деревни даже не за бунты, а просто в «назидание» выжигают артиллерийским огнем. Не знал, что любой сопливый прапорщик может посреди улицы расстрелять кого ему заблагорассудится. Ему и в голову не приходило, что таким образом он расписывается в своей полной никчемности как вождя и лидера. Подозреваю, это не приходило в голову иным нынешним апологетам адмирала, которые повторяют вслед за своим кумиром, как оправдание, что «полярный герой» ничего не знал. А однажды – вот уж отец народный! – собственной рукой подписал приказ об увольнении от должности некоего взяточника-коменданта... Подвиг, право!

Да, вот что еще. На многих фотографиях Колчак предстает с *двумя* Георгиевскими крестами. Да будет вам известно, что законным образом в первую мировую он получил только *один*. Второй ему попросту «преподнесла» некая организация георгиевских кавалеров уже в Сибири – и прококаиненный адмирал как

ни в чем не бывало повесил этот сувенир на грудь, да так и не снимал, пока с него не оборвали все побрякушки эсеровские чекисты, прежде чем спустить в про-рубь...

Такие дела. От Колчака осталась только родившаяся тогда же частушка:

– Эх, улица, улица!
Гад Деникин жмурится,
Что Иркутская Чека
Разменяла Колчака...

Придумали ее не красные пропагандисты, а простые сибирские мужики...

О белых атаманах, обитавших тогда же в Приморье и на Дальнем Востоке, сказать особенно и нечего – все то же самое. Настолько, что барон Будберг именовал их «белыми большевиками».

Ах да, ведь в Гражданской войне участвовали еще и господа союзники...

Не к ночи будь помянуты!

Англия твердо и последовательно проводила свою линию, о которой премьер Ллойд-Джордж по старой доброй британской традиции называть вещи своими именами не стеснялся говорить вслух, – расколоть Россию на несколько «бантустанов», чем больше, тем лучше, чтобы никогда более английские интересы в прилегающих к бывшей России регионах не оказались под угрозой. В осуществление этого британцы и устраивали *вялотекущую* помощь: то высадят где-нибудь батальон-другой своих солдатиков, то пришлют эшелон-другой винтовок, то пошлют какого-нибудь лихо-

го лейтенанта в деникинские окопы, чтобы он там вдоволь пошумел, собственноручно паля по красным и демонстрируя тем поддержку Великой Британией благородного белого дела... Вся эта «помощь и поддержка» осуществлялась строго дозировано, чтобы белые, не дай бог, не одержали по-настоящему серьезной победы. А попутно Ллойд-Джордж всю плешь белым генералам проел, требуя от них усесться за стол переговоров с Москвой и полюбовно договориться...

Вот его подлинные слова: «Традиции и жизненные интересы Англии требуют разрушения Российской империи, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и передней Азии».

Англичане, кроме всего прочего, не на шутку боялись, чтобы, не дай бог, *не сомкнулись* русские революционеры с германскими. Вот примечательный приказ английского адмирала, командовавшего эскадрой союзных сил на Белом море:

1. Топить без предупреждения все германские корабли, следующие под красным флагом.

2. Решительно топить корабли, находящиеся под командованием не офицеров, а депутатов-матросов.

3. Расстреливать экипажи, в числе которых обнаруживается хотя бы один большевик.

Не вчера сказано, что у Британии нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы, которые островитяне всегда и защищали изо всех сил, не обращая внимания на абстрактные понятия вроде гуманизма, демократии, чести...

Французы, будем к ним справедливы, относились к борьбе с большевиками не в пример серьезнее. Прав-

да, дело тут было не в душевном благородстве. Слишком много французских денежек было вложено в российскую экономику, и французы прекрасно понимали, что только единая сильная Россия может, во-первых, гарантировать возврат и сохранность этих денег, а во-вторых, послужить противовесом Германии.

Однако все французские усилия торпедировала та же Англия. Сначала французы, намеревавшиеся высадить в Крыму 12 дивизий, под нажимом Лондона вынуждены были ограничиться всего двумя. А там и их эвакуировать – не столько из-за разлагавшей войска пропаганды как красных агентов, так и французских левых вроде Жанны Лябурб (вопреки мифам, как иные утверждают, не расстрелянной французской контрразведкой, а попросту затраханной до смерти чернокожими зуавами), сколько из-за ультимативных требований Англии, опасавшейся усиления извечной соперницы Франции на юге России...

В свое время германские дипломаты вынуждены были признаться, что уже после свержения кайзера французский маршал Фош буквально с ножом у горла требовал от Германии развернуть широкомасштабные военные действия против Советской России. Тевтоны насилу втолковали бравому вояке, что Германия в нынешнем ее состоянии, сотрясаемая разрухой, инфляцией и двумя дюжинами революций сразу, не способна воевать, пожалуй, даже с африканскими зулусами...

Пожалуй, наиболее последовательно с коммунизмом как идеологией и большевиками как опасностью боролся лишь президент США Вудро Вильсон, человек незаурядный – крупный историк, религиозный, порядочный, честный, пытавшийся впоследствии рефор-

мировать «дикий», монополистический капитализм. За что его в родной стране и *сожрали* – а в СССР именно за последовательность и упорство в борьбе с большевизмом поливали грязью даже почище, чем любого из белогвардейских генералов. Однако Вильсон особых успехов не достиг – поскольку все его усилия сводил на нет американский же Сенат и «общественное мнение», отличавшееся невероятной левизной...

Кстати, именно Вильсон на Версальской мирной конференции не позволил премьеру Франции Клемансо прикарманить под видом «военных трофеев» те самые девяносто три с половиной тонны золота, отправленного большевиками в Германию. Он настоял, чтобы это золото было признано «конфискованным на временной основе» вплоть до разрешения вопроса всеми тремя заинтересованными странами – Францией, Россией и Германией. Клемансо очень обижался...

И, наконец, именно в США при Вильсоне перебравшиеся туда русские ветераны белого движения были полностью приравнены к американским ветеранам Первой мировой, получили военные пенсии, другие льготы, а в военный стаж им была включена служба в Сибири и на Дальнем Востоке.

Японцы... Ну, эти без затей – только и пытались захватить побольше, что им Сталин в сорок пятом и припомнил...

Три прибалтийских карлика, быстренько подписав мирные договоры с Москвой, разоружили на своей территории белые части.

Греки... Как я ни ломал голову, так и не смог понять, за каким чертом в Крым занесло греческие части. Не иначе играли в аргонавтов, комики.

Чехи? Не столько воевали с большевиками, сколько во исполнение секретной директивы своего новоиспеченного вождя Масарика старались нагрести побольше золота и вообще всего ценного, что могло пригодиться молодой республике. В обмен на разрешение вывезти без досмотра награбленное они и сдали Колчака Политцентру. Злые языки утверждают, что именно вывезенное из Сибири золото легло в подвалы созданного вскоре «Легия-банка», благодаря которому кукольная страна Чехословакия и просуществовала худо-бедно двадцать лет – а потом пришли немцы, цыкнули разок, и чехи послушно сбросили шапки перед новыми хозяевами.

Чехи, кстати, всегда оправдывались, что золота не воровали, но делали это как-то неубедительно. Как бы там ни было, память о себе они в Сибири оставили сквернейшую. В середине семидесятых (!) мне доводилось присутствовать в застольях, где еще, случалось, пели старую-престарую народную песню, сложенную в двадцатом:

– *Отца убили злые чехи,
А мать живьем в костре сожгли...*

Подобные *народные* песни рождаются неспроста! Достоверно известно, как вели себя чехи во время всеобщего отступления белых на восток: силой отобрали паровозы и первыми кинулись драпать. На путях – лютой зимой – осталось примерно *двести* поездов с беженцами, их семьями, ранеными. Погибли многие тысячи – не только русские, но жены, дети и раненые польской дивизии.

Кстати – вот парадокс! – поляки, никакой любви к русским не питавшие, были единственной иностранной воинской частью в Сибири, дравшейся с красными всерьез, самоотверженно и до самого конца. Впрочем, это большей частью были не «иностранцы», а сибиряки польского происхождения. Именно они потом сыграли большую роль и в обороне Варшавы от Тухачевского, и в перевороте Пилсудского, когда маршал наконец-то разогнал осточертевший всем парламент, где увлеченно бузили 112 (сто двенадцать!) политических партий...

Ну что же, очередной парадокс непростого времени. Поляки, записные русофобы, что уж там, себя в боях показали прекрасно – в отличие от чехов и сербов, неведомо с какого перепугу почитающихся у нас «братушками». Чехи с их поручиком Гайдой, самого себя назначившим в генералы, иного определения, чем «погань», не заслуживают. Сербы – не лучше. В Самаре, когда комучевцы захватили там власть, располагался так называемый Добровольческий полк сербов, хорватов и словенцев численностью в две с половиной тысячи человек. Означенные «братушки» обмундировались и вооружились с русских складов, заняли под казармы лучшие здания в городе, но на фронт против большевиков идти отказались, объясняя это «необходимостью сохранить солдат для обезлюдившей во время войны Сербии». Нижние чины «братушек» спекулировали на самарских базарах чем попало, а часть офицеров организовала контрразведку, добавившую крови в комучевский террор. При первой возможности эта шатия убралась восвояси строить Великую Сербию...

Что интересно, поначалу они требовали, чтобы проезд на родину им оплатили русским золотом – но это оказалось чересчур даже для КОМУЧа, и братьев-югославы послали по-русски...

И, наконец, нельзя не упомянуть о позиции церкви по отношению к большевикам. Всем известно – и это правда, – сколько православных священников красные погубили в революцию. Однако есть у проблемы и еще один аспект...

Свидетельствует все тот же митрополит Вениамин (участник Московского церковного собора 1917–1918 гг.): «...вторым, весьма важным моментом деятельности Собора было установление взгляда и поведения Церкви по отношению к советской власти. При борьбе Советов против предшествующей власти Керенского Церковь не проявила ни малейшего движения в пользу последнего. И не было к тому оснований. Когда Советы взяли верх, Церковь совершенно легко признала их власть. Не был исключением и митрополит Антоний, который после так ожесточенно и долго боролся против нее вопреки своему же прежнему воззрению. Но еще значительнее другой факт. При появлении новой власти всегда ставился вопрос о молитве за нее на общественных богослужениях. Так было при царях, так, по обычаю, перешло к правлению Керенского, когда Церковь вместо прежнего царя поминала "благоверное Временное правительство", так нужно было помянуть и новую власть. По этому вопросу Собором была выработана специальная формула, кажется, в таком виде: "О стране нашей российской и о предержавных властях ее"».

Добавлю, что тот же Собор под давлением своих членов из интеллигентов принял решение «об облегче-

нии и умножении поводов к брачным разводам» – как ни сопротивлялась фракция крестьянских депутатов...

Итак, церковь молилась за большевиков, церковь, как далее пишет Вениамин, участвовала в отпевании *всех* погибших во время Октябрьского переворота, как большевиков, так и их противников. В 1919 г. патриарх издал указ, согласно которому служители церкви не должны были вмешиваться в политическую борьбу, а «занимались бы своим прямым делом: богослужением, проповедью Евангелия, спасением души».

Одним словом, церковь оказалась в числе тех, кто добросовестно старался *отсидеться*...

Я не собираюсь ни осуждать, ни обличать, ни даже высказывать своего мнения – в полном соответствии с заветом «Не судите, и не судимы будете». Я просто-напросто, о чем бы ни шла речь, стараюсь давать полную картину событий. И факт остается фактом: русская православная церковь устранилась от участия в жизни страны на одном из переломных моментов истории, не положила на чашу весов свой все еще немалый авторитет. Хотя и в *первое* Смутное время, в годы не менее тяжелые и сложные, хватало таких среди иерархов кто стремился отсидеться, а то и прогнуться перед очередным самозванцем ради мирских благ – но все же нашлось немало отважных и честных людей, *ринувшихся* с пастырской поддержкой в самую гущу борьбы. *Тогда* церковь не устранилась. Священников убивали, морили голодом в темнице – но они не сдавались. Они были с народом – и народ их за это уважал...

И в заключение – опять-таки из Вениамина: «Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозно».

зным внутренне, а с того же Петра, секуляризация, отделение их – и юридическое, а тут еще более психологически жизненное – произошло более двухсот лет назад. И хотя цари не были безбожниками, а иные были даже и весьма религиозными, связь с духовенством у них была надорвана».

Это – *еще одна* из причин общего кризиса российской государственности, закончившегося двумя революциями. Их много, причин, гораздо больше, чем представляется любителям упрощать все сложное...

Итак, победили красные...

Совершеннейшей нелепостью было бы объяснять их победу «железной дисциплиной», «наемными китайцами» или пулеметами комиссаров, устроившихся за спинами бедолаг, которых под страхом смерти гонят в атаку.

В гражданской войне *такие* объяснения решительно не годятся, не имеют никакого значения, поскольку у гражданской свои законы. На гражданской невероятно облегчен переход к противнику. Это на *обычной* войне меж двумя соседними государствами всякий перебежчик прекрасно знает, что на родине он автоматически становится предателем, врагом, чужаком, что родины он более не увидит долго, быть может, никогда.

На гражданской ничего подобного нет. Обе стороны живут в одной и той же стране (сплошь и рядом – из одной и той же деревни, города, а то и семьи), а значит, перейти на другую сторону нетрудно при малейшем желании и самой мизерной к тому возможности. История Гражданской войны пестрит примерами, когда красные (и белые тоже) части, решив сменить

флаг, в два счета вырезали кто коммунистов и чекистов, кто – офицеров и уходили куда заблагорассудится. Или к противнику, или к «зеленым», а то и просто по домам...

Красные победили потому, что у них была идея – а у белых не имелось даже намек на таковую. Можно тысячу раз повторять, что идеи большевиков были ошибочными, ложными, лицемерными, маскировавшими их истинные намерения. Не в том суть. Большевики сумели предъявить населению убедительную идею, а их противники не смогли. Белые не смогли удовлетворить крестьян землей – а красные землю дали (и, нужно отметить, коллективизация вовсе не была задумана изначально, а стала, как мы позже увидим, импровизацией, вызванной серьезными обстоятельствами). У Ленина есть гениальное, на мой взгляд, высказывание: идея только тогда становится реальной силой, когда она овладевает массами.

Именно это и произошло. Красные провозгласили идею, которая постепенно овладела массами, а белые, не способные родить хотя бы тень идеи, канули в небытие...

2. Мудрецы и протоколы

Разумеется, невозможно в книге, посвященной революции, большевикам и Гражданской войне, пройти мимо попыток приписать Октябрьский переворот козням либо жидов, либо масонов, либо и тех и других вместе, обычно объединяемых под брэндом «жидомасоны». Эти теории, к которым нормальный человек

относится с брезгливым недоумением, все же занимают известное место в политической и общественной жизни, а потому требуют не механического отрицания и ругательных слов, а анализа.

Итак, масоны... После известных исторических событий, вроде подробно изложенного явления масонов народу во времена Парижской коммуны, я категорически не могу согласиться со сказками о вездесущности и всемогуществе масонства. Оставим эти сказки в мягких обложках фантастам невысокого полета. В нашей реальности удивительно мало «всеохватывающих» и «глобальных» заговоров. Прежде всего оттого, что на земном шаре чересчур уж много государств, наций, религий, банков, политических партий, промышленных корпораций и секретных служб – а это подразумевает такое многообразие интересов и стремлений, что единый «суперглобальный заговор» просто невозможен.

Давайте дадим слово надежным свидетелям. Жандармский генерал Спиридович, некогда начальник Московского охранного отделения, прямо говорил в беседе с Николаем II, что участие масонов в «расшатывании престола» – не более чем миф, не подтвержденный достоверной агентурной информацией.

Князь В. А. Оболенский, бывший член ЦК кадетской партии, в 1910–1916 гг. возглавлял одну из масонских лож Петербурга. Что же, попался, супостат? Не спешите. Давайте лучше посмотрим, что он писал.

«В России, собственно, настоящих масонов и не было, а было нечто вроде того, что-то похожее». По Оболенскому, русские масоны не представляли собой никакой политической силы и не имели никакого от-

ношения к революционному движению. Если говорить о реальных политических симпатиях, то «среди масонов было много противников революции. Большинство, к которому принадлежал и я, во всяком случае, было против революции».

Быть может, масонство хотело использовать революцию для каких-то своих целей?

«Я на этот вопрос должен ответить отрицательно, — пишет Оболенский. — Невозможно даже представить себе, чтобы масоны могли сыграть в Февральской революции какую бы то ни было роль, хотя бы уже по одному тому, что они принадлежали к различным взаимно враждовавшим партиям, сила же сцепления внутри любой из партий была неизмеримо прочнее, чем в так называемой масонской ложе... Вражда разделяла их такая, что в февральские дни я уже ни разу не смог собрать их вместе, они просто не смогли бы уже сидеть за одним столом. А в большевистскую революцию и Гражданскую войну наша ложа вообще прекратила свое существование».

Оболенскому можно верить по одной простой причине: то, что он пишет, прекрасно сочетается с психологическим портретом российской интеллигенции.

Куда ее ни собери, в кружок ли филателистов или масонскую ложу, она очень быстро распадется на дюжину смертельно враждующих фракций и перегрызется так надежно, что мировой масонский центр и за столет не приведет этот дурдом к подобию порядка... Может быть, где-то в загадочной Тьмутаракани и существуют связанные железной дисциплиной всемогущие масоны — но в России-матушке, с нашим народом, такие фокусы не проходят...

Иногда ссылаются на свидетельства о «мощи масонства» известного монархиста В. В. Шульгина. Однако в августе 1976 г. сам Шульгин говорил: «Никакой я тут не свидетель. Масонов не видел, с ними не встречался, что за люди – не знаю. Только раз в Париже заговорил о них при мне В. А. Маклаков. Что-то он о них рассказывал с насмешливой бравадой и себя к ним причислял, но болтовне его я не придал значения. Что болтуны они были и шуты гороховые, это еще у Толстого показано, где о Пьере Безухове».

Лично я, когда речь заходит о масонах, упорно требую одного – доказательств. Хотя бы чего-то, отдаленно похожего на доказательства. Но так и не дождался. Ни один из тех субъектов, что уверяли, будто Пушкина изничтожили зловредные масоны за раскрытие их тайн, не могли ответить на простейший вопрос: *каких* именно? Ведь, рассуждая логически, если Пушкин масонские тайны *разгласил*, они таким образом стали известны? Достаточно широкому кругу?

Теперь – о евреях. Копий тут сломано превеликое множество, да вот беда – копия какие-то гниловатые и на настоящие не похожие. Собственно говоря, и сторонники, и противники версии о революции как «еврейском заговоре» совместными усилиями загнали проблему в тупик. Одни тупо талдычат, что «все беды – от жидов», другие отвечают столь же примитивной руганью. Опус под названием «Двести лет вместе», который бородатый пророк полувымершей интеллигенции отчего-то считает «объективным трудом», только прибавил неразберихи...

А дело в том, что нам просто-напросто нужна подробная, объективная и свободная от любых перегибов

как со стороны «обличителей», так и «защитников» история российского еврейства: его жизни, политических и литературных течений, борьбы идей. Без этого просто не понять нашей же собственной истории. Вот, например, вольнодумное брожение в среде еврейства XVIII века, вызванное общей волной европейского движения умов. Об этом мы практически ничего не знаем. Совершенно забыт, например, Линецкий, автор нашумевшей в свое время антихасидской повести «Польский мальчик», или Шацкес, автор «Предпасхальных дней», направленных против ветхозаветного иудаизма...

Хорошо еще, что легко доступны воспоминания Голды Мейр. Что же она пишет о состоянии еврейской политической мысли начала века?

«Тоска евреев по собственной стране не была результатом погромов (идея заселения Палестины евреями возникла у евреев и даже у некоторых неевреев задолго до того, как слово "погром" вошло в словарь европейского еврейства); однако русские погромы времен моего детства придали идее сионистов ускорение, особенно когда стало ясно, что русское правительство использует евреев как козлов отпущения в своей борьбе с революционерами.

Большинство еврейской революционной молодежи в Пинске, объединенной огромной тягой к образованию, в котором они видели орудие освобождения угнетенных масс, и решимостью покончить с царским режимом, по этому вопросу разделились на две основных группы. С одной стороны, были члены Бунда (Союза еврейских рабочих), считавшие, что положение евреев в России и в других странах переменится, когда восторжествует социализм. Как только изменится

экономическая и социальная структура еврейства, говорили бундовцы, исчезнет и антисемитизм. В этом лучшем, просветленном, социалистическом мире евреи смогут, если пожелают, сохранять свою культуру: продолжать говорить на идиш, соблюдать традиции и обычаи, есть, что захотят.

Поалей Цион – сионисты-социалисты... смотрели на это по-другому. Разделяя социалистические убеждения, они сохраняли верность национальной идее, основанной на концепции единого еврейского народа и восстановлении его независимости. Оба эти направления были нелегальны и находились в подполье, но, по иронии судьбы, злейшими врагами сионистов были бундовцы...»

Это слова впоследствии подтвердились полностью, Бунд влился в партию большевиков, Поалей Цион в двадцатые годы раскололся из-за внутренних противоречий (за которыми явственно просматриваются ушки ГПУ). Вопреки распространенному мнению, будто «евреев террор не касался», в списках расстрелянных в Петербурге заложников мы находим немало имен, опровергающих это убеждение:

Самуил Шрейдер, эсер, бывший начальник милиции.

Лазарь Берман, правый эсер.

Соломон Ильич Марголин, купец второй гильдии.

Самуил Якобсон, купец Гостиного двора.

Бейлин, ювелир.

Израиль Берович Юдидево, владелец типографии.

Лившиц, купец второй гильдии.

Гликин Берл Матвеевич, фабрикант.

Лейман, прапорщик.

Когда в 1920 г. из Палестины в Советскую Россию неосмотрительно приехали члены так называемого Гдуд хаавода, отнюдь не во всем разделявшие большевистскую идеологию, с ними расправились быстро: часть сослали в Сибирь, часть расстреляли. В 1927 г. ОГПУ бросило в тюрьму главу хасидов, любавичского ребе Иосифа-Ицхока Шнеерсона – за его религиозную деятельность. Приговоренный сначала к расстрелу, а затем к ссылке, Шнеерсон был выпущен исключительно благодаря волне протестов из-за границы.

Идея сионизма в изложении одного из лидеров сионизма Владимира (Зеева) Жаботинского не содержит ни русофобии, ни человеконенавистничества. Это просто-напросто национализм – причем, что важно, не связанный с враждебностью к каким бы то ни было «инородцам». Жаботинский как раз отрицательно относился к идеям «ассимиляции» и «чрезмерного наплыва евреев» в русские культурные организации («не стоит быть музыкантами на чужой свадьбе, особенно если есть хозяева и гости давно ушли»). Выход он предлагал простой и достойный: если вас обижают *здесь*, нужно уехать в Палестину, создать там свою страну, окружить ее высокой стеной, после чего объявить остальному миру: мы не лезем в ваши дела, а вы не лезьте в наши... Это как раз и есть *здоровый* национализм, в противовес тому ущербному, больному и грязному, что всегда подразумевает восхваление и превосходство *своей* нации в сочетании с ненавистью к *другим*...

Именно Жаботинский в июле 1917-го, выступая в Таврическом дворце перед полупьяной революционной толпой, смело и открыто признался, что считает свержение монархии большим несчастьем для России.

Чуть позже, когда на Украине несколько красных полков восстали против Советов, Жаботинский дал срочную телеграмму еврейским общинам: помочь восставшим чем только можно, одновременно уничтожать красных комиссаров без малейшего колебания, что ему обеспечило устойчивую, не улегшуюся за много десятилетий ненависть советских пропагандистов, независимо от национальности таковых. Тогда же, в двадцатые, в Европе на Жаботинского было совершено несколько покушений, так и оставшихся загадкой: он крайне мешал как британцам, так и ОГПУ, поскольку своей деятельностью отвлекал часть советских евреев от трудов на благо мировой революции...

Интересно, где были чисто русские по крови, когда Жаботинский выступал в Таврическом дворце?

Кстати, в том же дворце 25 октября 1917 г. состоялся Второй съезд Советов. Из пятнадцати человек, выступивших от имени своих партий с протестом против большевистского переворота, четырнадцать опять-таки были евреями. Пятнадцатый, правда, русский — тот самый, знакомый нам Суханов. Но он-то как раз позже перешел к большевикам...

Евреи в Гражданскую войну воевали и на *другой* стороне. Как раз Жаботинский и создал Еврейский легион, подразделения которого воевали в Архангельске против красных. В белой армии воевал и Д. Пасманик, впоследствии создавший в Париже Еврейский антибольшевистский комитет. Совет министров при Врангеле возглавлял Соломон Крым. И это далеко не единственные примеры. Тысячи евреев воевали за белых, тысячи эмигрировали после победы красных. Наконец, чекиста Урицкого застрелил молодой поэт Ле-

онид Канегиссер, еврей по национальности и русский офицер. Сохранилось его заявление после ареста: «Я еврей. Я убил вампира-еврея, каплю за каплей пившего кровь русского народа. Я стремился показать русскому народу, что для нас Урицкий – не еврей. Он – отщепенец. Я убил его в надежде восстановить доброе имя русских евреев».

Одним из мотивов Канегиссера была еще и месть за друга Перельмутера, расстрелянного по приказу Урицкого. Когда Перельмутера доставили в ЧК, Урицкий стал его уговаривать перейти к большевикам, упирая на еврейское происхождение собеседника. Перельмутер (протоколы сохранились) послал Урицкого по матушке и заявил, что он в первую очередь русский офицер, а уж во вторую – еврей...

Вся беда, по-моему, в пресловутой «черте оседлости». Будь у евреев возможность жить не в гетто, без всяких «процентных норм», наверняка не было бы и такого количества революционно настроенной молодежи. Нытье некоторых, что в этом случае еврей-де «захватили» бы, «погубили» и «заполонили» Святую Русь, на самом деле – не более чем комплекс неполноценности. Человек сильный, состоявшийся, уверенный в себе не боится никакой конкуренции с кем бы то ни было и в жизни не поверит, что его «заполонят»...

Ведь никакой другой страны (а повсюду, кроме России, евреи жили без всяких «черт оседлости»), евреи не «заполонили», не «развалили». Скорее даже наоборот: Британская империя достигла наивысшего расцвета и наибольшего приращения территорий, когда премьер-министром был не британский пэр, а крещеный еврей Дизраэли.

Английская писательница Канне Хьюитт так и пишет: «Никакого особого еврейского "политического лобби" здесь не существует».

Есть у британцев интересная особенность: они каким-то образом ухитряются *вбирать* в себя представителей любых иных народов. Там, собственного говоря, существует одна «национальность» – британец. «Считаете ли вы себя при этом шотландцем, ирландцем или валлийцем, подозреваете ли, что ваша бабушка была француженкой или дедушка – русским, были ли ваши родители беглецами из нацистской Германии по причине своего еврейского происхождения – все это не имеет значения» (Хьюитт).

Напрашивается вывод: есть в британцах нечто, позволяющее им добиваться успеха и процветания безо всякого нытья об «уннутреннем супостате». И, соответственно, немало русских, увы, обладают кое-чем совершенно противоположным: привычкой сплошь и рядом сваливать собственную лень на козни «супостатов». А ведь для успеха нужно так мало: всего лишь не считать себя заранее слабее, глупее и бездарнее еврея. И все приложится!

И не стоит придавать такого уж большого значения тем деньгам, что давал на революцию многократно обруганный американский банкир Яков Шифф. Потому что вопрос следует поставить совершенно иначе: какие цели преследовал Шифф и достиг ли он таковых?

Цель Шиффа ясна: свобода и равноправие российских евреев. Но ведь она не была достигнута!

Свобода евреев при большевиках обернулась свободой заключенного в концлагере. Их дореволюционная, традиционная культура была бесповоротно раз-

рушена. Иудаизм подвергался преследованиям с тем же рвением, что и прочие религии, — есть много воспоминаний бывших пионеров всех национальностей о том, как они с одинаковым усердием буянили и в православных церквях, и в синагогах. Древнееврейский язык, иврит, был объявлен реакционным и запрещен — а с ним, легко догадаться, угодил под запрет и огромный пласт литературы. Капиталисты-евреи лишились своих «заводов, газет, пароходов» столь же быстро, как и их русские коллеги. Многим еврейским интеллектуалам пришлось бежать за границу, это касалось не только *борцов* Жаботинского и Пасманика, но и поэта Саши Черного, чье единственное преступление заключалось в том, что он решительно не мог ужиться с Советской властью...

Евреев, выражаясь фигурально, переодели в казенное, обрили, сунули в руки винтовку и поставили в шеренгу «борцов за дело мирового пролетариата» — где они и в самом деле были вполне равноправны с русским или калмыцким соседом по строю... *Этого* хотел Шифф? Позвольте усомниться. Выходит, что не он использовал большевиков, а они — его.

Одним словом, как мудро подметил главный раввин Москвы Яков Мозес: «Революцию делают Троцкие, а расплачиваются Бронштейны».

Ведь «комиссары в пыльных шлемах» сами себя евреями уже не считали, никоим образом...

Что интересно, увлекшись вопросом о «германских сребрениках» и «золоте Шиффа», мало кто додумывается поискать совсем *другие* деньги...

Быть может, это и навязло у кого-то в зубах, но я не устану повторять вслед за М. Покровским: эконо-

мика – превыше всего. Во всем, что только в мировой истории происходит, надо в первую очередь искать экономическую подоплеку, а не сбиваться на романтично-демонические сказки о масонах и сионских мудрецах.

Так вот, давайте сядем и задумаемся: существовала ли к 1917 году какая-нибудь сила, которой царская Россия была крайне опасна, как конкурент в тех или иных областях экономики?

Англия, только Англия, в первую очередь Англия!

Я другой такой страны не знаю, которая бы *так* опасалась усиления России...

Уже давно всплывают туманные упоминания о том, что в начале двадцатого столетия российская нефтяная промышленность всерьез начинала вытеснять из Европы английского конкурента и не на шутку ущемляла интересы небезызвестной «Ройял Датч Шелл» с сэром Генри Детердингом во главе...

«Нефть» – уже тогда было магическим словом! Уже тогда нефтяные войны начинали понемногу разгораться, потому что начинался век моторов. Уже тогда в этом бизнесе крутились капиталы, по сравнению с которыми все субсидии германского генерального штаба, все взносы Шиффа на революцию выглядят карманными серебряшками юной гимназистки. Конечно, нет точных данных, что именно английские нефтепромышленники субсидировали большевиков, но если учесть, кому в первую голову принес выгоды уход России с европейского нефтяного рынка... По крайней мере, это *версия!*

И еще одна любопытная *связка*: помимо всего прочего, появление Советской России еще и *отодвинуло*

на на несколько десятков лет провозглашение Израиля. *Теперь* кое-кто получил в руки мощнейший аргумент против создания в Палестине еврейского государства. Зачем, если уж на карте мира появилась страна, якобы ставшая для евреев Эдемом?

Тот же вопрос: *кому выгодно?*

Да опять-таки Великобритании! Ей, и только ей!

Голда Меир: «Всего несколько лет прошло с тех пор, как Великобритания получила мандат на Палестину – а правительство уже проявляло довольно сильную враждебность к евреям. Хуже того, оно стала сворачивать еврейскую иммиграцию в Палестину и в 1930 г. угрожало вообще ее временно прекратить... В 1929 г. опять поднялась волна арабских беспорядков, и хотя британцы восстановили порядок, они сделали это с расчетом создать у арабов впечатление, что никто не будет особенно сурово наказан за убийство или ограбление евреев... Оказалось, что англичане куда более озабочены умиротворением арабов, чем выполнением своих обязанностей перед евреями... В Лондоне мне цинично сказали: "Вы, евреи, хотели получить во владение национальный дом, а получили всего-навсего квартиру в нем". Но правда была еще горше. Начинало казаться, что квартирохозяин хочет и вовсе разорвать контракт...

...долгий, тяжкий и порою трагический конфликт между нами и британцами...».

Даже не конфликт – неприкрытый террор британцев против евреев в Палестине. В стране, где арабы ходили увешанные оружием, телохранитель одного из сионистских лидеров получил несколько лет тюрьмы за найденный у него патрон...

Таковы уж британцы. Подобное отношение к чужим бедам касалось не одних лишь евреев. Голда Меир о временах гражданской войны в Испании: «Я вспомнила, что на конгрессе Социалистического Интернационала год назад я увидела, как плачут члены испанской делегации, умоляя о помощи, чтобы спасти Мадрид». Эрнст Бевин только и сказал: «Британские лейбористы не готовы воевать за вас». Другими словами, не готовы воевать с Гитлером, пока не затронуты их постоянные интересы...

Вновь о Палестине: «Тысячу раз с самого 1939 г. я пыталась объяснить себе и, конечно, другим, каким образом британцы в те самые годы, когда они с таким мужеством и решимостью противостояли нацистам, находили время, энергию и ресурсы для долгой и жестокой борьбы против еврейских беженцев от тех же нацистов. Но я так и не нашла разумного объяснения – а может быть, его и не существует. Знаю только, что государство Израиль, возможно, родилось бы только много лет спустя, если бы британская "война внутри страны" велась не с таким ожесточением и безумным упорством.

Что мы требовали от британцев и в чем они нам так упорно отказывали? Даже мне ответ на это сегодня представляется невероятным. С 1939 по 1945 гг. мы хотели только одного: принять в страну всех евреев, которых хотели спасти. Вот и все... Британцы были непоколебимы».

Ну а после 1945 г. англичане установили морскую и воздушную блокаду, чтобы перехватывать идущие в Палестину корабли с еврейскими репатриантами на борту. И то, что после образования государства Изра-

иль на него буквально моментально напали семеро арабских соседей, координируя действия с совершенно не арабской четкостью, если добавить к тому же, что все арабские страны были насыщены английской агентурой бог знает с каких времен... Поневоле призадумался.

Нет никаких достоверных данных, будто британская разведка имела какое-то отношение к устранению Николая II, а в Лондоне рассчитывали, что деятельность большевиков автоматически приведет к уменьшению выезда евреев в Палестину. Однако исторический опыт убеждает, что британцы всегда и везде, во-первых, руководствовались своей выгодой, во-вторых, издавна умели просчитывать долгосрочную стратегию.

Вообще на протяжении 1855–1908 гг. Российская империя и Великобритания фактически находились в состоянии войны, пусть и не объявлявшейся официально. У России тогда не было врага ожесточеннее и непримиримее, чем Британия. В последние годы опубликовано несколько аргументированных и обширных книг, подробно освещающих эту необъявленную войну, поэтому я не буду на этой теме останавливаться.

Напомню лишь, что 1908 г., когда началось англо-русское сближение, всего-навсего эту необъявленную войну прекратил – но означало это лишь то, что англичане теперь стали действовать более тонко.

А иногда – и без всяких дипломатических тонкостей, как это было в 1917 г., когда Великобритания, собственно, оказалась прямо причастной к расстрелу Николая и его семьи. Дело в том, что Керенский одно время пытался *сплавить* свергнутого самодержца с его семейством английскому королю (как-никак, родствен-

ник Романовых). Англичане сначала согласились, но 10 апреля 1917 г. последовал холодный полуофициальный ответ английского Форин оффис: «Правительство Его Величества не настаивает на прежнем приглашении царской семьи». Более того, когда распространилась информация, что Николая с семьей вроде бы готова принять Франция, английский посол в Париже лорд Френсис Берти срочно отправил письмо с протестом в секретариат французского МИД, где об Алисе высказался так: «Она должна рассматриваться как преступница или преступная одержимая, а бывший император – как преступник за свою слабость и покорность ее подкачкам».

(Справедливости ради нужно уточнить, что тевтоны повели себя в этой истории не лучше. Когда к германскому послу Мирбаху пришли русские монархисты, умоляя вызволить царя из Екатеринбурга, тот преспокойно заявил: «Судьба русского императора в руках его народа. Раз мы проиграли, лучшего мы не стоим. Это старая, старая история – горе побежденному!»).

Мирбах тогда и не подозревал, что и его судьба – в руках русского народа, точнее, чекистов, которые его немного позже и пристукнули, разыгрывая какие-то не совсем понятные до сих пор комбинации...)

Так что и в Гражданскую войну англичане вели себя в полном соответствии с приговоркой о постоянных британских интересах: подбрасывали Деникину ровно столько оружия, чтобы конфликт был в состоянии продолжаться. На севере, в Архангельске, они высадились отнюдь не для борьбы с большевиками, а чтобы прибрать к рукам огромные склады вооружения и военного имущества, которые могли, по их мнению,

попасть к немцам. После капитуляции Германии англичане преспокойно снялись с якорей и уплыли восвояси. А на Балтике, в гавани Кронштадта, английские торпедные катера устроили налет на русские корабли в первую очередь для того, чтобы устранить силу, способную конкурировать в том регионе с их «Ройял Флит»... Типичная британская логика.

Которая порой бывает весьма своеобразной. Давным-давно опубликована рассекреченная переписка двух британских дипломатов периода, предшествовавшего Семилетней войне. Английский посол в Петербурге Уильям интересуется у своего берлинского коллеги Митчелла, как тот смотрит на идею снабдить паспортом английского дипломатического курьера, отправляемого в Россию прусского разведчика Ламберта. Митчелл категорически против и мотивирует это следующим образом: «Такая варварская нация, как Россия, способна будет на всякие крайности из-за подобного нарушения международного права».

Красиво, верно? Русские – варварская нация, потому что не терпят нарушений международного права...

И напоследок, возвращаясь к евреям, закончим упоминанием о знаменитых «Протоколах сионских мудрецов», поскольку у меня насчет них есть своя собственная точка зрения.

Признаться, я совершенно не верю, что они написаны коварными жидомасонами – но точно так же не верится, что они сочинены жаждавшими поощрения чинами российского охранного отделения. По моему глубокому убеждению, истина лежит в совершенно иной плоскости. Во-первых, «Протоколы», что давно подмечено, по своему содержанию, по множеству мел-

ких деталей самым решительным образом противоречат всему *еврейскому* – менталитету, культурным и политическим традициям. Там, например, присутствуют совершенно не свойственные двухтысячелетней еврейской традиции *монархические* нотки. Тщательный анализ убеждает, что «Протоколы» написаны человеком – или людьми – со светским, монархическим, христианским менталитетом.

Во-вторых, «Протоколы» насыщены той стопроцентной, неподдельной, бьющей через край *интеллигентщиной*, которую вряд ли смогли бы имитировать чиновники охранного. Содержание «Протоколов» – это своеобразная смесь идейного манифеста и прожектерства кучки интеллигентов со всеми присущими этому подвиду фауны признаками: диким самомнением, невероятным апломбом, тягой к самым глобальным планам, массой неудачных прогнозов и т. д., и т. п. И эта кучка – никоим образом не еврейская! – полное впечатление, реально существовала, занимаясь обильным словоблудием.

Мне думается, истина такова: был в Европе какой-то кружок болтунов, по известной интеллигентской привычке одержимый тягой строить прожекты мирового масштаба, ни больше ни меньше, как это у интеллигенции водится. Не исключено, что они и в самом деле пышно именовали себя «Сионскими мудрецами». Дело ведь еще и в том, что «Сион» вовсе не обязательно должен иметь отношение к евреям, к иудаизму, к Палестине, к сионизму. «Сион» в ряде случаев – это не более чем один из ходовых мистических терминов, употребляющихся сплошь и рядом не евреями. Скажем, при Александре I легально вы-

ходил журнал под названием «Столп Сиона». Ни одного еврея там и близко не стояло – это был печатный орган группочки великосветских *мистиков*, вроде баронессы Крюденер. А ведь можно еще и вспомнить, что гимн Российской империи «Боже, царя храни» начинался так: «Коль славен господь наш в *Сионе*». Но даже, думается мне, и Шафаревич (или все же *Шофаревич*?) не станет уверять, будто России этот текст подсунули сионисты...

Одном словом, «Сион» – не более чем расхожий *престижный* термин, к которому охотно прибегали в самых разных случаях люди, не имевшие ни малейшего отношения к еврейству. Могло быть и так: где-то во Франции существовала в свое время кучка интеллигентных болтунов под названием «Сионские мудрецы». Собираясь по воскресеньям за стаканчиком бордо, чесали языками всласть, составляли планы переустройства мира (что интеллигенты обожают), на мелочи не размениваясь, упиваясь собственными размахом и смелостью. Картина, знакомая по нашему любезному Отечеству: сейчас эта мода как-то отошла, но в перестроечные времена случалось наблюдать, как кучка задрипанных интеллигентов, не способных заработать себе на новые штаны, часами решала мировые проблемы, ухитряясь это делать серьезно и искренне.

Поскольку подобные «Протоколы» интеллигенция разрабатывает где попало, ничего удивительного нет в том, что однажды они попали к тайной полиции. А вот дальше возможны варианты: то ли кто-то по слабой подготовленности и в самом деле решил, что слово «Сион» может относиться исключительно к

«жидомасонам», то ли захотелось сделать карьеру на разоблачении происков. И опереточные «Протоколы» зажили самостоятельной жизнью, и завертелась машина...

Как версия эта моя идея безусловно имеет право на существование – хотя я прекрасно отдаю себе отчет, что упертых национал-патриотов никакие версии, кроме их собственной, убедить не в состоянии. Но книга эта писана не для них, так что пусть потерпят...

В общем, самая страшная тайна жидомасонов в том, что их не существует. И хватит об этом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРОЙКА НА ПОЖАРИЩЕ

1. И завещал Ильич однажды...

Теперь кончается разговор о времени. Он был долгим и обстоятельным, но добрую половину книги пришлось ему отвести, чтобы понятнее было, какое наследство досталось Сталину. Та самая обезлюдившая, разоренная, полыхающая пожарищами страна, где все, все, все пришлось начинать сначала. А многое – создавать впервые, потому что ничего подобного прежде не было.

После того мутного потока, что несколько лет хлестал со страниц перестроечных газет и с экранов, в сознание многих оказались прочно вбиты даже не какие-то критические материалы о жизни и деятельности Сталина, что было бы еще понятно (у кого не бывает недостатков, кто не дает повода для критики?), а выдумки, мифы, сплетни и басни, ничего общего не имевшие ни с реальным Сталиным, ни с историческими событиями.

Многим как-то трудно осознать, что подавляющая часть этих басен – запущенных в обиход еще во вре-

мена Хрущева – была вызвана к жизни несколькими насквозь шкурными соображениями, прямо-таки вынуждавшими Никиту к самой дикой и нелепой лжи...

Во-первых, он стремился к абсолютной власти, но чувствовал себя неуверенно: как-никак был далеко не самой крупной фигурой из ближайшего окружения покойного вождя. Самосохранения ради следовало отодвинуть, унижить, оклеветать, сломать более крупных.

Отсюда прямо-таки автоматически вытекает «вторых»: давно известно, что самый простой и надежный способ укрепиться – представить себя светлым рыцарем в сверкающих доспехах, не щадя жизни борющимся с грязью и мерзостью прошлого правления. Вдолбить стране, что прежде все было невероятно плохо, даже ужасно, что все делалось не так, неправильно – но вот теперь пришел гигант мысли и отец партийной демократии, намеренный исправить все недостатки, разоблачить все преступления и семимильными шагами повести страну в светлое будущее.

Иного пути у Хрущева просто не было. Во всем, что касалось *нормальной* работы, он был бездарен и косорук. Профессиональный партаппаратчик, и не более того. Вся его многолетняя «работа» – это старательное выполнение указаний свыше – и доведение их, в стремлении выслужиться, до полного абсурда. Как это было в период «большого террора», когда не кто иной, как Хрущев, стахановскими темпами перевыполнял план по арестам и расстрелам (свидетельств предостаточно).

Реальным делом – промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, наукой, разведкой – всегда

занимались другие, кто угодно, только не Хрущев. В Отечественную войну, будучи членом военных советов ряда фронтов, он прямо причастен к серьезнейшим провалам вроде Киевской катастрофы.

Но вот язык у него всегда был хорошо подвешен, не отнять единственного, хотя и несколько сомнительного достоинства. И фантазия работала. И хитрости хватало. А потому «дорогой Никита Сергеевич» (был холуйский «документальный» фильм с таким названием, я его еще застал, будучи школьником) вместе с почуявшими выгоду подручными в два счета сочинил устный роман в стиле «хоррор» – о злодее всех времен и народов Сталине, всю сознательную жизнь одержимом жаждой власти, из-за чего якобы он и проливал реки крови, уничтожая честнейших, невиннейших людей (речь, понятно, в первую очередь шла о старых большевиках из «ленинской гвардии», красных маршалах и прочих представителях элиты).

Ну а дальше подключились и молва, и склонность принимать на веру самые дурацкие выдумки, и извечное стремление людей к разоблачениям всего и вся. В особенности когда речь идет о персонах крупных. Как давным-давно подмечено в другой стране, для лакея его хозяин никогда не будет великим человеком. В полном соответствии с этой поговоркой действовал и Хрущев, лакей по натуре...

Собственно, сам он мало что выдумывал – в основном заимствовал *фактуру* для посмертных разоблачений Сталина у Троцкого, немало в свое время написавшего против Сталина всякого вздора. *Этого* тоже как-то не принимают во внимание, полагая, будто Хрущев все придумывал сам...

Доходило до форменной шизофрении. В 1961 г. на очередном съезде КПСС, когда обсуждали вопрос о выносе Сталина из Мавзолея, на стороне тех, кто это предложение внес, оказалась старая большевичка Дора Лазуркина, лично знавшая Ленина. И заявила она следующее: «Вчера я советовалась с Ильичем, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии».

Тот, кто решит, что к бабушке позвали психиатра, крупно ошибется. Реакцией зала, как зафиксировала стенограмма, были «бурные, продолжительные аплодисменты».

(«Просто, по-моему, ведьма какая-то, – возмущался по этому поводу опальный В. М. Молотов. – Во сне видит, как Ленин ругает Сталина!»)

По большому счету, вся подобная «критика», все «разоблачения» примерно по такому рецепту и сработаны. Беда лишь в том, что выдумки и сплетни зажили самостоятельной жизнью в качестве «исторических свидетельств», о которых «все знают». Потому что при достаточно долгом повторении любая ложь как-то незаметно превращается в святую истину. Ведь *все знают!*

Но вот что интересно: стоит только изучить любую из многочисленных завлекательных легенд вдумчиво и серьезно, опираясь на источники и сообщения свидетелей, как любая сказка мгновенно рассыпается, словно карточный домик...

Возьмем пока что один-единственный, довольно известный пример. Давным-давно «все знают», что в начале двадцатых годов в Грузии расследовалось так называемое «дело с мордобоем»: некие старые боль-

шевики решительно выступили против набиравшего силу культа личности Сталина и его тиранических наклонностей. Один из этих смельчаков, товарищ Кабахидзе, прилюдно назвал Серго Орджоникидзе «сталинским ишаком», за что Серго его беззастенчиво избил. Расследовавшие это дело Сталин и Дзержинский всячески выгораживали сталинского прихвостня Серго. Дело дошло до Ленина, который взял его на особый контроль, расследовал лично и устроил всем троим серьезную головомойку.

Это так сказать, «верхний слой», для широкого пользования. Менее известно – но это опять-таки «все знают» – что руководство грузинских большевиков (поголовно старые партийцы, верные ленинцы, испытанные бойцы) тогда же не дало в обиду своего товарища Кабахидзе, самым энергичным образом защищая его перед Сталиным. Тот, сатрап и параноик, затаил на них нешуточную злобу и в тридцать седьмом расстрелял по вымышленным обвинениям, обвинив в мифическом «национал-уклонизме».

Так выглядит легенда.

Правда, как выясняется, не имеет с ней ничего общего. Абсолютно ничего!

Историк, доцент МГУ В. А. Сахаров в противоположность нашей перестроечной интеллигенции не демократические газеты штудировал, а предпринял поиски в архивах. И отыскал *подлинные* свидетельства двух очевидцев склоки: Рыкова (тогда члена Политбюро ЦК РКП(б)) и члена Центральной Контрольной комиссии компартии Грузии Ртвиладзе.

Осенью 1922 г. в Тифлисе, на квартире Орджоникидзе, где все и разыгралось, шел поначалу самый бе-

зобидный разговор, в котором участвовали трое вышепоименованных и большевик с дореволюционным стажем Акакий Кабахидзе. В конце концов он стал горько сетовать, что материальное положение рядовых партийцев и сейчас не поправилось – зато товарищ Серго за казенный счет содержит лошадь, на которой и разъезжает по делам. Судя по тональности, упреки напоминали неприкрытую базарную склоку: мы, мол, революцию делали, кандалами гремели, кровь проливали и вынуждены теперь шлепать пешком по грязи. А товарищ Серго, зазнавшийся и зажравшийся, на лошадке разъезжает, как старорежимный князь. За что боролись?!

И это *все*, из-за чего возник конфликт! Ни словечка о Сталине и его методах работы! Сыр-бор разгорелся из-за этой несчастной лошади. Которая, добавлю от себя, была для Серго Орджоникидзе, конечно же, не роскошью, а средством передвижения: он занимал видные посты, у него было немало серьезных и важных дел, как тут без лошади? Не «роллс-ройс», в конце концов...

Серго сгоряча заехал товарищу Акакию в ухо. Товарищ Акакий дал сдачи. Присутствующие, при поддержке жены Рыкова, их кое-как растащили, попросили Кабахидзе уйти по-хорошему, а Серго долго успокаивали – с ним случилась форменная истерика, очень уж нервы были расшатаны к тому времени, внутри партии бушевал долгий и острый конфликт, и Серго был в гуще событий...

Это *все*, что тогда произошло! И если бы Кабахидзе не кинулся жаловаться с базарными воплями: «Старого большевика до смерти убивают!», дело тем и кон-

чилося бы, поскольку, согласитесь, яйца выеденного не стоило: один мужик ляпнул не то, другой дал ему по шее, потрясли друг друга за грудки и разошлись...

Но Кабахидзе начал кляузничать, а грузинское руководство раздуло этот мелкий инцидент до небес – у них тогда шла долгая и ожесточенная склока с Москвой, о сути которой чуть позже, и тут уж всякое лыко было в строку...

Комиссия из Москвы и в самом деле ездила в Тифлис. Но Сталина там и близко не было: послали Дзержинского, Мануильского и Мицкявичюса-Капсукаса. Они быстро разобрались, что имеют дело с форменной ерундой без малейшей политической подоплеки, – так и доложили, вернувшись.

(Даже сегодня, замечу в скобках, «прегрешение» Серго не тянет и на пятнадцать суток – драка была обоюдная, как принято выражаться, «на почве личных неприязненных отношений».)

И наконец, в обширных архивах нет ни *единого* клочка бумаги, свидетельствующего о том, что Ленин придавал «грузинскому инциденту» значение и обращал на него особое внимание. У Ленина тогда была масса дел поважнее – вопрос о монополии внешней торговли, бюджет 1923 г. и т. д.

Так рождаются сказки, не выдерживающие мимолетного соприкосновения с научным анализом и архивными изысканиями...

Теперь присмотримся ближе к «национал-уклонистам». Их насчитывалось с дюжину, но главными были Мдивани, Кавтарадзе, Цинцадзе, Окуджава (отец знаменитого барда).

Что же это была за публика и какими делами славна?

Сталин говорил как-то по поводу тех, кто особых усилий не прилагает, но любит приходить на готовенькое: «Вообще-то я должен сказать, что в период победоносного восстания, когда враг изолирован, а восстание нарастает, нетрудно драться хорошо. В такие моменты даже отсталые становятся героями».

Эти слова прекрасно характеризуют партайгенацвале Мдивани, Окуджаву и прочих. В семнадцатом году они себя совершенно никак не проявили в качестве нестигаемых большевистских борцов за народное счастье. Наоборот. Они смирнехонько сдали Тифлисский арсенал взявшим власть в Грузии меньшевикам и несколько лет сидели тихонько, как тараканы за печкой, пока меньшевики творили, что хотели – например, кроваво, с артиллерией подавляли выступления за автономию осетин, абхазцев и аджарцев...

Их поведение самым решительным образом изменилось, когда в Грузию вошла Красная армия. Очень быстро как-то само собой получилось, что «тараканы запечные» заняли едва ли не все высшие посты в партийных и советских органах Грузии, став верховной властью.

И тут уж они развернулись на славу!

Во-первых, они, как могли, оттягивали предоставление автономии Южной Осетии, Аджаристану и Абхазии. Мдивани, в частности, положил немало трудов, чтобы вывести Цхинвали из состава Осетии, поскольку, по его глубокому убеждению, это был исключительно грузинский город, а осетинам в качестве столицы сойдет и деревушка поплоче...

Во-вторых, они устроили из Грузии этакий заповедник «раньшего времени», как выражался незабвен-

ный М. С. Паниковский. В 1922 г. там как ни в чем не бывало обитали в своих обширных имениях князя и царские генералы, графы вроде Кученбуха – полными хозяевами. Доходило даже до того, что они не давали новой власти проводить дороги по своей священной и неприкосновенной территории. И, что гораздо важнее, продолжали, как будто на троне все еще восседал Николай, *драть* с крестьян все царские дани, поборы и прочие экономические повинности! Так *было*...

В-третьих, «национал-уклонисты» на полном серьезе намеревались создать на территории Советского Союза, в который входили, свою собственную микро-сверхдержаву, изолированную от всей остальной страны. Для начала они закрыли границы, объявив, что отныне на территорию Грузии не допускаются «беженцы», т. е. все, кто возымел желание туда переехать. Грузия предназначалась исключительно для грузин. В марте 1922 г. за подписью Махарадзе (как председателя ЦИК) и Окуджавы (зам. предсовнаркома) разослали всем примыкающим республикам и областям обширную телеграмму-манифест, подробно разъясняющую все правила введенной Грузией самоизоляции. Попутно там же декларировалось, что отныне грузинское гражданство теряет всякая грузинка, рискнувшая выйти замуж за «иностранца» (т. е. – не грузина по крови).

Такие милые, приятные люди, истинные большевики... Буквально несколькими днями позже они начали «разгрузку» Тифлиса – «иностранцев», в первую очередь армян (с которыми меньшевистское правительство Грузии в свое время развязало нелепую и бессмысленную войну), под штыками вели на вокзал, сажали в телячьи вагоны и вывозили за пределы Грузии.

В 1981 г. мне довелось беседовать на Урале со старым армянином. Он был тогда мальчишкой и прекрасно помнил, как его с родными, соседями и друзьями вели на вокзал в кольце вооруженной охраны, как оскорбляли и издевались. Даже через шестьдесят лет он отзывался о грузинах, мягко скажем, без особого дружелюбия...

Напоминаю: Мдивани, Окуджава, Махарадзе и прочая шобла были в Грузии руководителями *большевиков* и Советской властью!

Шум в партии поднялся страшный. Тогдашние большевики, конечно, вызывают отторжение своими отрицательными чертами – жестокостью, фанатизмом, нетерпимостью к малейшему инакомыслию. Но была у них и положительная черта, которую лично я в этих людях уважаю: они были лишены и намека на шовинизм и искренне полагали все существующие на планете народы равноправными братьями. Как хотите, а это в людях следует уважать.

В общем, партия при таких экспериментах в области строительства отдельно взятой сверхдержавочки, где «высшей расой» были бы грузины, а все остальные – недочеловеками, взвилась на дыбки, рыча, как рассерженный медведь. На XII съезде партии Мдивани с компанией все припомнили: и «декрет о разгрузке», и новации касавшие браков грузинок с «иностранцами», и подавление автономий, и то, как они добивались, чтобы батумские нефтепромыслы денационализировали и отдали в концессию американской «Стандарт Ойл» (я, конечно, уверен, что это решение Мдивани, Окуджава и прочие проталкивали совершенно бескорыстно. Как и идею открыть в Тифлисе частный банк известного фи-

нансового авантюриста Хоштарии, тогдашнего Березовского. Бескорыстно. Какие же еще могут быть мотивы?).

Вот *эти* закидоны и получили тогда название «национал-уклонизма». Сталин говорил на съезде в своем докладе по национальному вопросу: «Возьмем Грузию. Там имеется более 30% негрузинского населения. Среди них армяне, абхазцы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузинских коммунистов родилась и развивается идея – не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развиты, а посему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм – шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую грузинскую республику в арену склоки. Впрочем, он уже превратил ее в арену склоки» (И. В. Сталин, собр. соч. т. 5, стр. 249–250).

Положа руку на сердце – вам не кажется, что это написано о *сегодняшней* Грузии? Разве что у власти там не коммунисты, а Саакашвили (армянин по происхождению, кстати. У грузин нет и не было имени Саак. Саак – *армянское* имя!)

Есть у проблемы и еще один немаловажный – а быть может, и самый важный аспект. «Национал-уклонисты» отнюдь не ради эмоций устраивали всю эту заварушку. Они отказывались входить в состав так называемой Закавказской федерации по гораздо более весомым причинам... Сталин на том же съезде вскрыл этот механизм и назвал вещи своими именами: «Дело в том, что узы федерации Закавказья лишают Грузию той доли привилегированного положения, которое она могла бы занять по своему географическому положению. Судите сами. Грузия имеет свой порт – Батум,

куда притекают товары с Запада. Грузия имеет такой железнодорожный узел, как Тифлис, которого не минуют армяне, не минует Азербайджан, получающий свои товары из Батума. Если бы Грузия была отдельной республикой, если бы она не входила в Закавказскую федерацию, она могла бы некоторый маленький ультиматум поставить Армении, которая без Тифлиса не может обойтись, и Азербайджану, который без Батума не может обойтись... Затем, тут есть еще и другая причина. Тифлис – столица Грузии, но в нем грузин не более 30%, армян не менее 35%, затем идут все остальные национальности. Вот вам и столица Грузии. Ежели бы Грузия представляла из себя отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторое перемещение населения – например, армянского из Тифлиса...» (И. В. Сталин, собр. соч. т. 5, стр. 253).

Как видим, Мдивани с компанией хотели просто-напросто выкроить себе в составе СССР этакий привилегированный *оазис* – с этнически однородным населением, где всеми правами обладают лишь чистокровные грузины, а все прочие их лишены... Вам это не напоминает кое-какие европейские эксперименты второй половины тридцатых? С измерением черепов и «Законом о чистоте расы»?

Знаете, что самое примечательное? Добиваясь для Грузии самого привилегированного положения, для Российской Федерации Мдивани, Окуджава и компания предлагали кое-что совсем другое!

Они внесли проект *ликвидации РСФСР!*

Точнее говоря, «немедленный переход к системе разложения РСФСР на составные части, превращение составных частей в независимые республики».

Тот самый двойной стандарт, который «на холмах Грузии» торжествует и сегодня. На территории Российской Федерации любое, даже самое крохотное национальное меньшинство имеет право организовать собственную независимую республику. На территории Грузии и речи быть не может не то что о независимых Осетии, Абхазии и Аджарии, но даже о малейшей автономии...

Мдивани с Махарадзе озвучили эту идею на том самом XII съезде...

И получили по сопатке – качественно и обстоятельно. Против них в первую голову выступили даже не русские – грузины Сталин и Элиава, армянин Микоян, азербайджанец Ахундов и многие другие, от Енукидзе до Фрунзе. Поддержал грузинских новаторов лишь татарин Султан-Галиев – но неприятие идеи Мдивани было столь всеобъемлющим и яростным, что даже Троцкий, на поддержку которого «национал-уклонисты» рассчитывали, отмолчался...

Безоговорочно победила точка зрения Сталина. РСФСР никто не собирался раскалывать на три десятка независимых республик. И Мдивани со своими партайгенацвале так и не смогли построить тот самостоятельный грузинский Эдем для избранной расы, о котором мечтали.

За что они Сталина возненавидели на всю оставшуюся жизнь – и боролись против него со всей ожесточенностью. Какая бы оппозиция ни *гуртовалась* впоследствии, на каком бы партийном съезде ни вспыхивали дискуссии, какие бы подпольные заговоры ни плелись – повсюду оказывались Мдивани, Окуджава и прочие. Они спелись с Троцким, продолжали под-

держивать с ним связь, когда он оказался в эмиграции, — а заодно и с бывшим меньшевистским президентом Грузии Жорданией, обретавшимся в Париже.

В тридцать шестом году эту компанию Сталин наконец-то *достал*...

А еще через двадцать лет Хрущев сочинил сказочку о безвинных грузинских коммунистах, чистых как родник, верных ленинцах, поплатившихся жизнью исключительно за то, что они «боролись против тирании Сталина»... За что они кончили жизнь в расстрельных подвалах, я вам только что рассказал. Все документы сохранились. Живых свидетелей я еще застал в молодости... Стенограммы XII съезда вполне доступны.

Кстати, о жестокости Сталина...

Нельзя отрицать, что, начиная с определенного времени, он и впрямь был жесток. Но именно что — с определенного времени, под давлением непростых жизненных обстоятельств, ожесточавших людей до предела.

Сначала — и очень долгое время — Сталин числился не среди «ястребов революции», а как раз среди «умеренных». Можно утверждать со всей уверенностью, что *поначалу* он был вовсе не жесток. В это можно не верить, но факты — вещь упрямая. Прямо-таки закономерность: если в руководстве большевиков кто-то выдвигает самое мягкое, компромиссное решение, заранее можно утверждать, что это — Сталин.

Именно Сталин в свое время предлагал войти в социалистическое правительство Керенского в качестве одной из фракций. Именно Сталин, как уже упоминалось, *разруливал* грозивший перейти в вооруженное столкновение конфликт меж Петросоветом и Военно-

революционным комитетом. Именно Сталин, когда обсуждался вопрос о судьбе Учредительного Собрания, предлагал не применять к нему репрессии, а отсрочить созыв. Однако тогда победила точка зрения Ленина и Троцкого. Вызвали Железнякова с его анархистами, «Учредилку» разогнали, а по демонстрации в ее защиту резанули из пулеметов...

Любопытно, что Сталин (как и многие близкие к нему люди – Фрунзе, Ворошилов, Котовский) во время Гражданской войны совершенно не замечен в репрессиях против мирного населения. Факт многозначительный после того, что нам сегодня известно о деятельности на Дону Свердлова и Колегаева, о подавлении Тухачевским и Антоновым-Овсеенко крестьянских восстаний, когда заложников расстреливали целыми деревнями, а укрывшихся в лесах обрабатывали ядовитыми газами. Ничего подобного за Сталиным нет. Известно, что он жестокими мерами навел порядок на *фронтах* – в Петрограде во время наступления Юденича, на Урале, когда красные отступали перед колчаковцами, в Царицыне, где налаживал оборону и поставки продовольствия. Но все это – исключительно меры по укреплению *армии*, неизбежные в любой стране во времена военных неудач. Да и здесь Сталину далеко до Троцкого с его знаменитыми расстрелами каждого десятого.

Вот разве что знаменитые «царицынские баржи», о которых столько писано-говорено...

Когда Сталин руководил обороной Царицына (а также всеми делами гражданского управления), начальником штаба тамошнего военного округа был бывший полковник Носович, присланный на этот пост

с мандатом Троцкого. Попутно, параллельно со своими официальными обязанностями, у Носовича была и вторая, совершенно неофициальная должность – он был одним из руководителей готовившего переворот белогвардейского подполья. На этой второй, потаенной, должности Носович, благодаря царившей до приезда Сталина неразберихе и бесконтрольности, увлеченно трудился добрых два месяца.

В конце концов чекисты его арестовали вместе с другими попавшими под подозрение. Узнав о неприятностях своего протеже, Троцкий добился его освобождения. Носовича выпустили: против него не было твердых улик, одни подозрения. Оказавшись на свободе, Носович, не будь дурак, решил более не испытывать судьбу и *дернул* к белым.

Остальным не так везло. По приказу Сталина были расстреляны участники заговора – инженер Алексеев, два его сына, много бывших офицеров. Заговор реально существовал – об этом позже писал в своих мемуарах сам Носович. Кроме белых в нем были замешаны эсеры и все три иностранных консула, обретавшихся тогда в Царицыне: французский, американский и сербский.

Алексеев с сыновьями были заговорщиками *реальными*, как и некоторые из казненных. Но какое-то их количество было все же ни в чем не замешано и под расстрел пошло по чистому подозрению...

Это и есть та знаменитая «царицынская баржа», о которой упоминается там и сям, как о доказательстве «зверств» Сталина.

Но тут есть свои примечательные нюансы. Даже публикаторы, упоенно предающиеся самой бездока-

зательной и яростной критике Сталина, никогда и нигде не приводили точную цифру расстрелянных понапрасну. Даже не пытались взять устраивающие их числа «с потолка» – и это во времена перестроечного словоблудия, когда нисколько не заботились ни о логике, ни об убедительности доказательств, сплошь и рядом высосанных из пальца.

Это неспроста. Напрашивается подозрение, что где-то в архивах все же значится точное количество безвинно казненных, оно, надо полагать, невелико, и любители сенсаций знали, что могут оказаться в неловком положении, высасывая цифры из пальца... Другого объяснения решительному нежеланию обойтись без цифр попросту нет.

Что тут скажешь? Конечно, расстрел невинных никого не красит. Однако нужно, никого не оправдывая, все же понимать *ситуацию*. Шла война, вдобавок – гражданская, со своими специфическими правилами и законами. На любой подобной войне, в каком бы уголке света она ни происходила, были, есть и, полагаю, будут подобные безвинные жертвы. Существует некий «военный психоз», толкающий людей на необдуманные поступки вроде скорой расправы. Есть воспоминания, как в Англии во времена второй мировой волокли в каталажку безвинных хозяек домиков на побережье – кому-то бдительному показалось, что белье на просушку они вывешивают «особым образом», подавая тем самым, дескать, сигналы немецким агентам, наблюдающим в бинокли с подводных лодок. Есть воспоминания, как в Польше во времена сентябрьского разгрома 1939-го толпа набросилась на человека, который... вытряхивал песок из сапог, колотя голенища-

ми по земле. Он, дескать, подавал таким образом сигналы... немецким самолетам. Пока он не снял сапоги, самолетов не было, а как только он начал стучать голенищами по земле, самолеты и налетели. Шпион поганый!

В общем, у войны свои суровые законы. Оправдания им нет, но *понимать* эту жестокую закономерность необходимо.

Что любопытно, Носович в своих статьях, опубликованных тогда же в белоказачьем журнале «Донская война», дал Сталину не то что объективную, а самую комплиментарную характеристику. Дословно: «Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим».

Это практически совпадает с оценкой Сталина, которую уже в наши дни дал профессор Гарвардского университета Адам Улам, автор капитальной книги «Большевики»: «У него было два ценных качества, необходимых политическому деятелю. Сталин умел учиться и обладал чувством времени. Он был типичным ленинцем, но без тех внутренних противоречий и следов западных социалистических традиций, которые до конца жизни преследовали Ленина».

К сожалению, профессор тут же пишет, что «из всех учеников Ленина только Сталин был фанатиком». Сдается мне, это – не более чем умственные метастазы XX съезда, обосновавшиеся в мозгах не одних лишь наших земляков. Хотя бы потому, что Улам тут противоречит сам себе: фанатик как раз не умеет учиться и не обладает чувством времени. Ярчайший пример –

Троцкий, классический фанатик: именно он в 1940 г., за считанные месяцы до смерти, по-прежнему увлеченно повторял устаревшие догмы двадцатых годов о неизбежности мировой революции под предводительством пролетариата, хотя жизнь этим пыльным тезисам решительно противоречила...

Вот об этом и нужно в первую очередь поговорить — о потрясающей, беспримерной, достойной самых хвалебных эпитетов работоспособности Сталина. Не принимая его как личность, политика и идеолога, критикуя его преступления (а они были, смешно отрицать), тем не менее всякий противник просто обязан отдать должное Сталину как великому трудоголику. Быть может, величайшему *пахарю* всех времен и народов. Нелепо отрицать, что Наполеон был *великим* полководцем. Столь же нелепо отрицать, что Сталин умел работать, как никто.

Он приходил на пустое место — и в считанные месяцы там, фигурально выражаясь, возникало исправно функционирующее здание, построенное с нуля.

Так было сразу после революции, когда именно Сталина назначили наркомом по делам национальностей.

Другим повезло больше — они, собственно, приходили на готовое. Наркому по военным и морским делам Троцкому было не в пример легче: уже существовали всевозможные генеральные и главные штабы, органы управления армией и флотом, склады с вооружением и амуницией, здания, системы связи, документация, и, главное, огромное количество генералов и офицеров старого времени, которые с ходу, без малейших колебаний, не за страх, а за совесть

начинали работать с новой властью (вспомните, что писал генерал Потапов).

Примерно так же обстояло с наркоматами иностранных дел и финансов: были сложившиеся структуры со зданиями, архивами, сейфами. Конечно, старый чиновничий аппарат сплошь и рядом от сотрудничества с большевиками уклонялся, но это было уже второстепенным делом, вопросом техники – найти новых сотрудников, способных вскрыть сейфы и разобраться в документации.

Нельзя сказать, чтобы очень уж трудно пришлось и наркому путей сообщения: вокзалы, водокачки, вагонные депо и стальные магистрали остались на своем месте, саботажник еще может выбросить в сортир ключ от сейфа или перепутать папки с документами, но паровоз он в кармане не унесет и рельсу не утащит, чтобы насолить большевикам...

Сталину пришлось гораздо труднее: ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего министерство по делам многочисленных национальностей Российской империи, в природе ранее не существовало. У Сталина был только мандат в кармане – то есть клочок бумаги с тусклой машинописью и смазанной печатью, чуть ли не из подметки вырезанной. Сохранились воспоминания первого – и долгое время единственного – сотрудника Сталина в новорожденном наркомате Станислава Пестковского о том, как создавали новое учреждение. Нашли большую комнату, стол, пару стульев, написали на большом листе бумаги название нового наркомата. Мимоходом Пестковский поймал за рукав в коридоре Смольного старого товарища Сенюту и без формальностей назна-

чил его «заведующим канцелярией Наркомнаца». На собственные деньги заказали в городе бланки и печать, ухлопав до копейки все, что нашлось в карманах. Позвали Сталина посмотреть наркомат, то бишь комнату с листом бумаги на стене и парой стульев у единственного стола. Сталину наркомат понравился – лучше, чем ничего. На текущие расходы заимообразно взяли у Троцкого три тысячи рублей – Троцкий к тому времени наткнулся в бывшем МИДе на сейф с деньгами и без колебаний их национализировал на нужды революции.

Так они *начинали*. И очень быстро, благодаря железной воле и организаторскому гению Сталина, Наркомнац превратился в реальное учреждение с большим штатом сотрудников. Работа там шла огромная и серьезная. Именно Наркомнац под руководством Сталина готовил решения правительства о создании национальных республик, автономий и областей, определял их границы, разрешал многочисленные споры. А споров хватало: казахи, например, требовали себе в качестве столицы Ташкент, город отнюдь не казахский. Пришлось улаживать все Сталину. Он же решил головоломнейшую задачу по размежеванию на Кавказе чеченских и казачьих земель – можете себе представить, что это была за головная боль...

В общем, о деятельности Сталина в течение этих шести лет (Наркомнац, выполнивший свои задачи, был упразднен в 1923 г.), можно написать отдельную толстенную книгу. Правда, это будет скучная книга – как и любой подробный рассказ о громадной, систематической, неподъемной, но именно в силу этого абсолютно лишенной романтики работе...

А ведь Сталин еще в течение нескольких лет руководит Наркоматом государственного контроля, присматривавшим за работой огромного советского аппарата. Мало того, что ему и здесь многое приходилось создавать с нуля, эта работа была еще неблагодарнее, чем в Наркомнаце: в любой стране мира, при любом режиме к контролирующим органам относятся, мягко скажем, без особой теплоты...

И *параллельно* с руководством этими двумя наркоматами Сталин еще метался по фронтам, выправляя там положение, исправляя чужие промахи... Нечеловеческий труд!

Сила Сталина была в том, что он оказался прекрасным организатором и строителем *мирного* времени, что далеко не всем дано. Блистательный (без дураков!) и энергичный Троцкий был ему полной противоположностью, потому что цены ему не было в кризисные моменты – но вот к той самой мирной, спокойной работе Лев Давыдович был категорически не способен. Известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер дал ему меткую характеристику: «Троцкий представляется мне типичным только-революционером, очень полезный во времена патетической борьбы, он ни к чему не пригоден там, где требуется спокойная, упорная, планомерная работа вместо патетических вспышек».

Что самым блестящим образом подтвердила история с так называемым Московским комбинированным кустом, о которой у нас как-то забыли – поскольку в забвении долгое время пребывал и сам Троцкий.

Московский комбинированный куст – это своеобразный полигон, экономический эксперимент, начатый Троцким с одобрения Ленина летом 1921 г. В МКК

входило немалое число фабрик, заводов, совхозов, ремесленных артелей, кооперативов и т. д.

Уже через полгода пришлось признать, что эксперимент с треском провалился, а руководителем Троцкий оказался никудышным, что установила большая и авторитетная комиссия, состоявшая из самых разных специалистов. Она констатировала, что нормально работавшие до того предприятия, оказавшись в системе «куста», попали в «жалкое состояние» и стали совершенно убыточными. Инспекторы писали: «Торговые обороты Москуста имели совершенно обратные результаты перекачивания государственных запасов на вольный рынок. Это не отрицает и Председатель правления Москуста (т. е. Троцкий. – А. Б.)».

«Материальный п/отдел оказался не в лучшем состоянии. Систематизации требований и наблюдения за их использованием не было... бухгалтерия МКК в настоящем своем виде является пустым местом, которое своими неграмотно составленными отчетами способно лишь ввести в заблуждение... торговая деятельность велась в ущерб государству и с нарушением законов... весь опыт ведения промышленных и сельскохозяйственных предприятий... оказался неудачным... суррогат хозяйственной работы... с тем подходом к хозяйственным вопросам, какой есть у тов. Троцкого, хозяйство можно только погубить».

Словом, эксперимент прикрыли. Историк Сахаров, подробно описавший эту историю в своей монографии, делает недвусмысленный намек, что Троцкий немало попользовался этой «кормушкой». Позволю себе не согласиться. Вот уж кого я не могу представить украдкой складывающим в карман уворованные

у государства червонцы, так это Троцкого. Он мне не симпатичен – начиная с определенного времени. Он причинил немало зла стране, людям, собственной партии. Но вот казнокрадство – совершенно не в стиле «демона революции». Не тот человек.

Это просто-напросто брандмейстер, который заменим на любом большом пожаре, когда требуется мастерски сбить пламя и разметать по бревнышку горящую крышу, так, чтобы она не рухнула на головы зевакам. Но этот профессионал, великолепный посреди бушующего пламени, для *спокойной* постройки чего бы то ни было абсолютно не годится. Вот и все... К *раннему* Троцкому я порой склонен относиться, пожалуй что, с восхищением и уважением за его роль в революции и незаурядный писательский талант. К *позднему* – битому, проигравшему, брюзжащему интригану – разве что с брезгливостью. Но, как бы там ни было, воровство казенных денег с личностью Троцкого решительно несовместимо...

Вернемся к Сталину. В 1922 г. его избрали генеральным секретарем партии как раз за его организаторские и деловые качества. *Тогда* это был третьеразрядный, чисто технический пост. Занимавший его человек опять-таки должен был с головой погрузиться в необозримую рутинную работу.

Сам Троцкий писал: «Пост секретаря в тогдашних условиях имел совершенно подчиненное значение... пока оставалось у власти старое Политбюро, генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой».

Однако Сталин с его работоспособностью, умом и энергией не спеша *превратил* этот пост в ключевой. Вдумайтесь: он не «захватывал» никаких «рычагов

власти». Он *создал* систему, которая стала успешно руководить партийными делами – настолько эффективно, надежно и умело, что в этой системе партия невольно стала *подчиняться*. Не место красит человека, а человек – место. Незаметно во главе партии и страны оказался человек, чей пост вовсе не давал на то официальных прав. Официальным руководителем советского аппарата был как раз товарищ Рыков, а главой Коминтерна, «всемирного Политбюро» – товарищ Зиновьев. У них тоже были в руках совершенно реальные рычаги.

Но эти люди не стали вождями, а Сталин – стал. Его *признала* вождем достаточно большая часть партийного и советского руководства, видевшая результаты реальной работы. Именно это и кроется за знаменитой формулой: «Сталин сосредоточил в руках необъятную власть».

Все мы эту формулу знаем. Много лет считалось, что ее придумал Ленин, в своем известнейшем «Завещании».

Но в последнее время возникли серьезные сомнения в том, что «Завещание» писал именно Ленин...

В прошлом году уже несколько раз упоминавшийся мной доцент МГУ Сахаров выпустил семисотстраничную монографию, где доказывает, что Ленин к своему навязшему у всех в зубах «Завещанию» не имеет никакого отношения. Вывод, надо признать, сенсационный даже в наше время, когда никакими сенсациями никого удивить вроде бы уже невозможно.

Я не могу подробно пересказывать аргументацию историка – его книга, повторяю, насчитывает семь сотен страниц и написана в стиле классической научной

работы. Попробую дать лишь краткий пересказ основных тезисов – а те, у кого возникнет желание ознакомиться с первоисточником, имеют к тому полную возможность.

Сахаров утверждает, что на основании известного сегодня историкам материала невозможно доказать ленинское авторство «Завещания». Оригиналов такового не существует – все «ленинские» тексты им «надиктованы» третьим лицам, что, согласитесь, открывает безбрежный простор для фальсификаций. Подозрения падают в первую очередь на Крупскую – вовсе не безликую «супружницу вождя», а личность крупную, с самостоятельной политической позицией, придерживавшуюся скорее стороны Троцкого, нежели Сталина.

В ряде мест, подчеркивает Сахаров, Ленин высказывает убеждения, тезисы, мнения... категорически не согласующиеся с его прежними, многолетними взглядами. Используемая там терминология присуща скорее Троцкому.

Рассуждения о «необъятной власти генсека» опять-таки скорее повторяют высказывания Троцкого, чем мнение Ленина и реальное положение дел. Ни в каком *другом* ленинском тексте нет упоминаний о «грубости» Сталина – таких материалов вообще нет в партийных архивах, а потому высказывание это выглядит голословным (совпадающим, кстати, как две капли воды с *личным* мнением Крупской). Характеристики видных партийных деятелей той эпохи – Каменева, Зиновьева, Бухарина – полны несообразностей, которых *сам* Ленин написать просто не мог, потому что это опять-таки шло вразрез с его прежними убеждениями на сей

счет. Ленинские «отрицательные отзывы» направлены исключительно против тех, кто мог представлять опасность в первую очередь для *Троцкого* как конкурент, – партийного идеолога и теоретика Бухарина, администратора Пятакова. Сахаров делает недвусмысленный вывод: «В результате мы имеем сравнение всех членов ленинской группы в Политбюро с Троцким, демонстрирующее бесспорное превосходство его над всеми остальными членами Политбюро – главными сторонниками Ленина».

И более того – Сахаров уверен, что фальсифицированы и знаменитые «ультимативные письма» Ленина и Крупской к Сталину после известного инцидента меж двумя последними. Странно выглядят в первую очередь *подписи*. Ленин всегда подписывался не «Н. Ленин», а «В. Ленин», а Крупская – не «Н. К. Ульянова», а «Н. Крупская» или «Н. К.». *Подлинников* этих писем опять-таки нет: в архиве Троцкого – копия с копии, в архиве Ленина и того чище: копия копии с копии... Письмо Ленина к Сталину не зарегистрировано как исходящее в ленинском секретариате. Сахаров, таким образом, считает, что эти фальшивки создавались позже, «вдогонку», в 1925–1926 гг., когда обострилась борьба в партии.

И еще. Ленин попросту не мог обращаться к съезду партии с просьбой об отрешении Сталина от поста генсека – поскольку всегда отстаивал тезис, что именно ЦК, а не съезд партии, вправе производить подобные назначения-отрешения!

Между прочим, все эти «ленинские документы» появились тогда, когда сам Ленин был уже неспособен что-либо подтвердить или опровергнуть...

И наконец, сама Крупская со временем совершенно запуталась в «показаниях». В журнале «Большевик» она писала: «Все члены съезда ознакомились, как хотел В. И., с письмами. Их неправильно называть "завещанием", так как завещание Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире – оно заключается в последних статьях и касается основных вопросов партии и советской работы».

Каков пассаж! Крупская сама признает, что завещание – никакое не завещание. Что настоящее завещание в последних статьях, писанных Лениным еще собственноручно, а не в записанных кем-то «диктовках» под неведомо кем данным названием «Письмо к съезду»...

Надежда Константиновна виляла, путала, хитрила... Ни единая живая душа, кроме нее, не слышала, что именно Ленин просил сделать с этим «Письмом к съезду», так что полагаться приходилось исключительно на слова Крупской. А она виляла! В мае 1923-го говорила, что «Письмо» следует передать *только* в ЦК, да и не письмо к съезду это, а «завещание». Но через год она начинает твердить прямо противоположное: это не «завещание», а «письмо», которое, согласно последней воле Ильича, следует передать *съезду*... А еще через два года начала талдычить, что необходимо «доведение до *партии* этого документа». И проговаривается вовсе уж простодушно: «Я... считала, что форма зачитать на съезде наиболее подходящая. ПРЯМОГО УКАЗАНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ОТНОСИТЕЛЬНО ФОРМЫ НЕ БЫЛО».

Короче говоря, Ленин написал то ли письмо, то ли завещание, но его истинное завещание совсем не в этом

завещании, которое нужно передать то ли в ЦК, то ли съезду партии, то ли всей партии – причем точных указаний Ильич не оставил...

Окончательно завралась порфиноносная вдова... Должно быть, уже тогда многие прекрасно понимали, что с этим письмом-завещанием дело весьма нечисто. И XIII съезд ВКП(б) принял трезвую и взвешенную резолюцию. Вот три ее первых пункта:

1. Письмо В. И. Ленина в части первоначальных характеристик могло иметь актуальное значение в тот момент, к которому оно относилось и в той обстановке, в которой находилась партия к моменту написания писем в связи с болезнью В. И. Ленина.

2. В части персональных оценок опыт истекшей работы партии и, в особенности, партдискуссии показал, что руководящая группа ЦК, за исключением Троцкого, вполне правильно руководила политикой партии и умела сплотить всю партию вокруг ЦК.

3. Опасения В. И. Ленина о том, что генеральный секретарь партии т. Сталин по своему характеру может неправильно использовать свою власть, не подтвердились».

Кто бы ни состряпал «завещание» – сделать это могли только Троцкий с Крупской. Они своей цели не добились. Сталин остался на прежнем месте в прежней должности, а вот Троцкого изрядно потеснили. Смешно думать, что этому решению съезда партия была обязана «всевластием» Сталина – в то время он был бесконечно далек от того, чтобы быть единоличным диктатором. До большого террора и «единогласного одобрения» еще оставались годы и годы. Все руководство ВКП(б) пребывало в полном здравии и при ре-

альной власти – немалое количество крупных, авторитетных деятелей, ярких индивидуальностей, личностей, вождей, трибунов...

И на многое они смотрели совершенно *иначе*, чем Сталин. Это необходимо уяснить, чтобы понять последовавшее, в том числе и репрессии 1936–1937 гг.

В том случае, если в партии, в советском аппарате, в армии полнейшее единодушие и строжайшее подчинение генсеку, сталинские репрессии и в самом деле выглядят то ли бредом параноика, то ли произволом сатрапа: только сумасшедший или законченный тиран начнет уничтожать по ложным обвинениям тех, кто ему преданно подчиняется, не имеет собственного мнения, никаких разногласий...

Но в том-то и соль, что *реальное* положение дел не имело ничего общего с измышленной Хрущевым и его холуями благостной картинкой полного единомыслия и всеобщего подчинения. Не было ни тени единомыслия, преданности, спокойствия!

Против Сталин шла *борьба*, и борьба жесточайшая! И самым опасным было то, что выступавшие против него люди были яркими, сильными, очень деятельными. Это не схватка карликов с великаном или мордобой, учиняемый циничным хамом кучке безобиднейших книжечеев. Ничего подобного. Все обстояло как раз наоборот.

Это была драка нескольких медведей в одной берлоге – и все как на подбор, оказались сильными, свирепыми, клыкастыми, и все до одного готовы были драться *на смерть!* Сошлись могучие, сильные, не знающие жалости и не понимающие, что такое отступление, *звери*.

И ставки были невероятно велики!

2. Министерство мировой революции

Сталина слишком многие, не понимая, о чем, собственно, говорят, обвиняют в том, что он «жаждал» власти. Но ведь в *стремлении* к власти нет ничего постыдного, плохого, отрицательного!

Так уж устроен человек во все века, в любых странах, при любых режимах, что он стремится занять в той или иной области как можно более высокое положение. Это естественное свойство и человеческой природы, и общества. Везде, где существуют системы, структуры, предоставляющие своим членам возможность подниматься вверх по служебной лестнице (неважно, армия это, разведка, министерство соцобеспечения или общество книголюбов), означенные члены стремятся подняться выше. Само по себе это стремление – вещь понятная и никак не заслуживающая порицания.

Другое дело, что мотивы, побуждения и методы могут быть абсолютно разными, от прощительных до неприемлемых...

Допустим, в некоей дивизии служит полковник, который, что вполне естественно, мечтает стать генералом. Для этого он неустанно, прилагая все силы и время, выводит свой полк в самые лучшие и передовые. Повернется ли у кого-нибудь язык его осуждать за подобные стремления? В особенности, если он и впрямь достоин генеральских погон?

Есть и второй полковник. Этот гораздо менее профессионален и далеко не так толков, но он прекрасно изучил привычки начальства и вьюном вьется вокруг командира дивизии: подарки дарит, бытовые пробле-

мы решает, коньячок преподносит, устраивает вечеринки в бане со стговорчивыми девочками, с которыми расплачивается из своего кармана. Он гораздо хуже второго, согласитесь, – потому что добивается нечестными методами поста, которого по профессиональным качествам более достоин первый.

Есть еще и третий, вовсе уж бездарный командир. Но он пишет политические доносы на первого, подстраивает компрометирующие ситуации: напоит, например, и вытолкнет на улицу так, чтобы тот попался офицерскому патрулю или вышестоящему начальству, украдкой напакостит, как может. Банные развлечения второго он тайком снимает на пленку и подсовывает ее начальству, копая тем самым и под командира дивизии. Или, наоборот, женится на перезрелой и страшненькой комдивской дочке. А то и атропина подольет в чай солдатам конкурента, чтобы те на состязаниях по стрельбе оскандалились...

Этот даже хуже второго: во-первых, претендует на пост, занимать который не способен, во-вторых, добивается этого вовсе уж грязными методами...

Есть меж первым и вторым, меж вторым и третьим, меж всеми ними существенная разница? Вот то-то...

Проще говоря, пристальное знакомство с жизнью и биографией Сталина позволяет сделать недвусмысленный вывод: к власти он, конечно, стремился, но нисколько ее *не жаждал*. Во-первых, он несколько раз подавал в отставку с поста генсека в условиях, когда вовсе не имел *полной* власти, и отставку вполне могли принять. Во-вторых, что гораздо существеннее, Сталин всегда выбирал для себя – или ему поручали, а он принимал без малейшего сопротивления – те участки, где

требовалась незаметная публике, вовсе неведомая большинству, зато неподъемная, адски тяжелая работа.

Люди, стремящиеся к власти ради власти, охваченные той самой *жаждой* властолюбия, ведут себя совершенно иначе. И выбирают *другие* области, где карьере можно сделать в сто раз быстрее, затратив в сто раз меньше трудов и пота...

В начале двадцатых в Советском Союзе этакие теплые местечки не просто были – те, кто сумел к ним пристроиться, благоденствовали, купались в известности, почете, благах, не принося своей бурной деятельностью ни малейшей пользы...

Я говорю о Коминтерне. Полное название – Коммунистический Интернационал. Так называлась организация, поставившая своей задачей ни много ни мало – мировую революцию...

Власти, почета и благ там было неизмеримо больше, чем у обладателя самого высокого партийного или государственного поста в Советском Союзе...

Потому что СССР занимал по отношению к Коминтерну, строго говоря, *подчиненное* положение. Коминтерн был неким «министерством мировой революции», органом, «ведавшим» *всей* планетой! Именно так, без малейших натяжек или преувеличений. ВКП(б) считалась всего лишь *секцией* Коминтерна, а следовательно, по партийной линии Сталин был подчиненным председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева. Даже в 1939 г. на обложке нового партийного устава ВКП(б) еще значилась «секцией Коминтерна».

Это был даже не монстр, а нечто запредельное. Сотни тысяч состоящих на жалованье функционеров как в СССР, так и за рубежом. Численность персонала

Народного комиссариата иностранных дел – три тысячи человек, от дипломатов до технических работников. Численность Коминтерна – *триста* тысяч, и это далеко не в рекордный год...

О бюджете Коминтерна достаточно говорят данные за один лишь год, 1922-й – два с половиной миллиона рублей золотом, но всего через месяц эта сумма увеличена до 3 млн 150 тыс. 600 рублей. Естественно, главным источником дохода для столь жирного содержания служил бюджет СССР. Других источников попросту не было...

Коминтерн – это еще и множество собственных, весьма специфических учебных заведений:

Международная Ленинская школа (своеобразная академия);

Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского (готовил кадры коминтерновских аппаратчиков для Скандинавии, Прибалтики, Восточной и Балканской Европы);

Коммунистический университет трудящихся Востока с многочисленными филиалами (то же самое, что и предыдущий, только направление работы другое, ясное из названия);

Коммунистический университет трудящихся китайцев.

А кроме того – многочисленные военные школы, где для работы за рубежом готовили разведчиков, радистов, подрывников и других столь же полезных для борьбы за мировую революцию спецов...

Сотни тысяч членов на неплохой зарплате, многочисленные учебные заведения, свои средства массовой информации и прочее, и прочее, и прочее. Запре-

дельный монстр. Вот *туда* как раз и стекались жаждавшие власти, поскольку Коминтерн мог прекрасно удовлетворять их потребности: *реальных* дел никто большей частью не спрашивает, отчитываться не перед кем – но почет, известность, блага...

У нас последние несколько десятков лет об этом охватившем весь мир спруте как-то редко упоминали, и многие даже забыли, что это была за шарашка. Тем, кто хочет изучить историю Коминтерна подробнее, рекомендую толстенный фолиант, написанный сыном бывшего главы Коминтерна Пятницкого, которого в 1937 г. тоже свели в известные подвалы. Пятницкий-младший пылает праведным гневом, усердно обличая злодея Сталина, безжалостно разогнавшего контору, где было так сытно, весело и почетно подвизаться – но при этом он обрушивает на голову читателя массу подробнейшей информации, от которой волосы встают дыбом и рука поневоле тянется к кобуре: мать вашу, *какие* деньги, выжатые из разоренной страны, уходили совершенно впустую!

Троцкий проговорился как-то: «Чтобы выиграть Гражданскую войну, мы ограбили Россию». Теперь страну грабили ради сомнительных перспектив «земшарной республики Советов».

В двадцатые годы Коминтерн откровенно *подминал* под себя все прочие государственные структуры. Одно время в состав зарубежных представительств Наркомдела, Наркомвнешторга, отдельных торговых миссий *впихивали* сотрудников Коминтерна, которым вышеназванные ведомства давали крышу в прямом и переносном смысле, вынуждены были поить-кормить и всячески содействовать.

Доходило до курьезов. Иностранный отдел ГПУ (зарубежная разведка) частенько обращался в Отдел международных связей Коминтерна, чтобы там изготовить загранпаспорта для своих резидентов – у ГПУ было меньше и технических возможностей, и квалифицированных кадров. Все лучшее шло Коминтерну...

Естественно, это министерство мировой революции мировой революцией и занималось. Причем ничего особенно и не скрывалось – ни бюджет Коминтерна, ни существование школ диверсантов, ни намерения, ни связи. Глава чехословацкой компартии Клемент Готвальд не на маевке в парке, а в стенах Национального Собрания преспокойно заявлял с трибуны: «Нашим внешним революционным штабом действительно является Москва. Мы ездим в Москву для того, чтобы научиться у русских большевиков, как свернуть вам шею. А вы знаете, что русские большевики мастера это делать...». Эрнст Тельман, многолетний клиент Коминтерна, во время своих побывок в Москве, не стесняясь, щеголял в красноармейской форме. Другие «зарубежные друзья» были не лучше и уж никак не скромнее...

Коминтерн *вовсю действовал*, не ограничиваясь детскими шалостями в виде пропаганды и агитации. Размах был посерьезнее...

В Болгарии устроили взрыв в Софийском соборе. И подняли вооруженное восстание. Правда, его не поддержала многочисленная и влиятельная Крестьянская партия, против которой коминтерновцы как раз и выступали, не стесняясь в выражениях, и мятежников оказалось довольно мало. В Болгарии тогда стояли белогвардейские части, которых хлебом не корми, дай

только порубать красных независимо от национальности. Они главным образом и стали той ударной силой, что с «революцией» покончила.

В тот же год – 1923-й – Коминтерн стянул в Германию немаленькие силы, чтобы устроить там революционный переворот. Золота и оружия было затрачено изрядно, но сколько-нибудь масштабных боев не случилось, на призыв товарища Тельмана откликнулось до обидного мало народа...

Годом позже коминтерновские «красные бригады» атаковали здания правительства, казармы и узлы связи в Таллине, намереваясь поднять более-менее масштабную заварушку, чтобы тут же «пригласить» стоящие наготове у границы регулярные части РККА и ввести в Эстонии Советскую власть. Провалилась и эта затея – никто боевиков не поддержал, и с ними, вопреки анекдотам об извечной эстонской медлительности, покончили так быстро, что никакого «революционного правительства» они создать не успели.

Когда в 1926 г. забастовали английские шахтеры, Коминтерн откликнулся мгновенно: перевел им громадные суммы в валюте, организовал в СССР массовые манифестации в поддержку. И кончилось все это тем, что обозленное английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР. Да вдобавок во время полицейского налета на британско-советскую торговую организацию (очередную «крышу» Коминтерна) была захвачена масса крайне пикантных бумаг – директивы Зиновьева по развитию английской революции, детальные, подробные. Кое-кто до сих пор упорно уверяет, будто эти бумаги были поддельными...

Это – самые крупные акции. Хватало других, более мелких, по всему свету. Примечательная деталь: повсюду с завидной регулярностью коминтерновские авантюры проваливались одна за другой. Огромные деньги тратились безо всякой пользы. Мало того – их вульгарно и примитивно разворовывали. Вокруг Коминтерна крутилось множество авантюристов, усмотревших прекрасную возможность поднажиться.

Один характерный пример. Некий Яков Рейс, он же «товарищ Томас», представитель Коминтерна в Германии, так замотался с текущими делами, что мимоходом задевал куда-то двести тысяч золотых рублей, в которых не смог отчитаться перед московским начальством. Сначала он утверждал, что никаких таких двухсот тысяч у него не было. Не получал. Когда ему доказали с документами в руках, что получал все же, товарищ Томас через некоторое время заявил, что «нашел их заделанными в стуле или столе». Между прочим, 200 000 рублей золотом – это примерно сто пятьдесят пять *килограммов* золота, ни в какой стол или стул физически не поместятся...

Самое комическое – это вердикт комиссии. «Личной корысти» со стороны Томаса она не обнаружила. И бесшестипетной рукой подмахнула такое заключение: «Комиссия затрудняется найти для всего инцидента правдоподобное и заслуживающее доверия объяснение».

Лично я назвал бы членов этой комиссии шизофрениками, хотя Пятницкий-младший предпочитает именовать их гораздо более возвышенно...

Когда чуть позже Сталин все же создал *настоящую* комиссию для проверки этой и ей подобных махинаций, моментально выяснилось, что «товарищ Томас»

в жизни не был членом какой бы то ни было коммунистической партии. Верхушка Коминтерна – Зиновьев, Бухарин, Рыков – твердила, что это ошибка, что Томас старый партиец, хотя никаких документов у него нет. Эта *бражка* тогда еще была достаточно сильна, и дело кончилось ничем – Томас благополучно смылся из Москвы, хотя за ним числились и другие махинации...

Примерно та же картина наблюдалась в Южной Америке. Там коминтерновцы наметили широчайший план подрывных мероприятий. В Бразилии предполагалось использовать тамошнюю легальную компартию (естественно, взяв ее на полное обеспечение, как и все прочие), в Боливии – поднять восстание индейцев и метисов, среди которых большое влияние имели анархисты. Были свои, столь же эпохальные, замыслы для Аргентины и Уругвая, Чили и Перу.

Кончилось все это пшиком. Разве что где-то витрину разбили на пару песо, а где-то пальнули в окно полицейскому сержанту. И все бы ничего, но на эти латиноамериканские утопии было ухлопано примерно двести тысяч долларов (а тогдашний доллар равнялся примерно десяти нынешним), причем часть денег, как в Коминтерне водилось, растратил тамошний представитель Краевский: банкеты закатывал, жену бриллиантами увешивал, платил местным газетам, печатавшим о нем хвалебные статьи, где его ставили рядом с Лениным...

И этот бардак творился по всему белу свету! Миллионы в золоте выбрасывались на бессмысленные проекты, на утопические планы, ни один из которых, даже самый пустяковый, самый мелкий, не привел к успеху.

Зато как приятно было восседать в президиумах «всемирных съездов», толкать громовые цветистые речи, протягивать ручку для лобызания многочисленным зарубежным холуям, прекрасно понимавшим, кому они обязаны столь сытой и вольготной жизнью в качестве «доверенных лиц Коминтерна»! Все бездельники, пустомели, позеры и любители сладкой жизни, какие только имелись среди большевиков, концентрировались в Коминтерне. Ставки, повторяю, были грандиознейшие: средства для имитации бурной деятельности выделялись немереные, а вот отчет перед кем бы то ни было держать не приходилось...

Создалась классическая картина, обстоятельно описанная как английским писателем С. Паркинсоном, так и его многочисленными коллегами по перу: существовала огромная, вхолостую крутившаяся бюрократическая машина, согласно «законам Паркинсона» озабоченная лишь собственным бесперебойным процветанием...

Понемногу ее взялся *прижимать* Сталин. К середине двадцатых в партии окончательно оформились две точки зрения: согласно одной следовало и дальше бросать все, что возможно, в бездонную топку «мировой революции». Ее отстаивали Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятницкий и дюжина вождишек помельче.

Была и другая, которую стали проводить в жизнь Сталин и те, кто его взгляды разделял. Они открыто говорили, что надежды на «мировую революцию» беспочвенны и напрасны. В своем докладе на XIV съезде ВКП(б) Сталин подробно и аргументированно объяснял, что произошла стабилизация капиталистической

системы, что в Европе наступил «отлив революционных волн». Он, конечно, отдавал дань штампам (на дворе стоял пока что 1925 год), но недвусмысленно выступал за строительство социализма в одной стране. На *это* и следовало направить все средства, ресурсы и силы, а не на прежние утопические эксперименты...

Если внимательно изучить то, что публиковалось Сталиным в партийной печати уже в 1920 г., после провала программы «на штыках принести революцию в Европу через труп белой Польши», то ясно видно: уже тогда Сталин понял, что коминтерновские догмы *не работают*. Несмотря на все заклинания и призывы, польские рабочие и крестьяне не проявили ни малейшего желания помогать «братьям по классу», наоборот, они отчего-то изо всех сил защищали свою землю от красных братьев.

Сталин умел учиться – и польская катастрофа для него послужила уроком и наглядным примером. Кроме того, был еще один немаловажный аспект: деятельность Коминтерна адски мешала выстраивать нормальные отношения с зарубежными странами. О каких нормальных отношениях вообще могла идти речь, когда в противовес тому, что говорили советские дипломаты и торговые представители, в то же самое время, в той же самой стране коминтерновские посланцы (прибывшие из Москвы) выкрадывали секретные документы, шпионили, устраивали взрывы и поджоги, практически в открытую сколачивали штурмовые отряды для захвата власти?

Сталин и Коминтерн начинали мешать друг другу. Между ними не могло быть никакого компромисса: Сталин не собирался отказываться от своих планов

поднимать СССР из разрухи, а коминтерновцы, в свою очередь, просто не могли собственными руками закрыть столь привлекательную кормушку, где они были царями и богами. Только в Коминтерне они могли быть кем-то повыше старшего помощника младшего дворника...

Здесь главным образом и лежат причины ожесточенной борьбы, длившейся не менее пятнадцати лет. С 1925 г. она шла практически в открытую: Зиновьев и его сподвижники, обозвав сталинские планы подъема СССР «кельей под елью», начали их в голос *полоскать* на всех пленумах Коминтерна, апеллируя к «мировому коммунистическому мнению». И, надо сказать, поддержку они из-за рубежа получали мощную – там сидели свои бездельники и пустомели, привыкшие сладко жить на коминтерновское золото и не хотевшие никакой другой жизни...

Вся эта *кодла* в поисках вождя сплотилась вокруг Троцкого, хотя многие его в глубине души ненавидели, – лучше такое знамя, чем никакого... Теоретиком выступал прижившийся в Советской России венгр, будущий академик Варга: «Существует опасность, что Россия перестанет быть двигателем международной революции. Ибо нельзя умолчать о следующем: в России есть коммунисты, у которых не хватает терпения ждать европейской революции и которые хотят взять курс на окончательную изоляцию России. Это означает заключение мира с империалистами, регулярный товарообмен с капиталистическими странами и организацию всякого рода концессий... Это течение, которое стремится к тому, чтобы пролетарское государство России и его пролетарское хозяйство стабилизировались

внутри капиталистического мира, сегодня еще слабо и незначительно. Однако оно может стать сильным, если пролетарская Россия останется длительное время в изоляции».

«Изоляцией», как легко догадаться, обрусевший мадьяр именовал как раз урезание appetitов Коминтерна... Забегая вперед, можно сказать, что «слабое и незначительное» течение со временем таковым быть перестало – потому что во главе его стоял Сталин, олицетворение энергии и работоспособности. Оно и победило в борьбе. Причем пикантности ради стоит упомянуть, что сам Варга вовремя успел «перековаться», от коминтерновцев откачнулся, благодаря чему остался не просто в живых – пошел в гору, стал академиком, директором института АН СССР, пережил Сталина, Ленинскую премию получил уже при Хрущеве...

А вот те, кого он идеологически подкармливал, главари Коминтерна, перековаться не могли и не хотели. Они *воевали*. Против Сталина, против его направления, против его планов, оказываясь во главе всех и всяческих оппозиций и уклонов. Коминтерновская мафия – а как ее еще прикажете называть? – боролась против Сталина и после высылки Троцкого, перетягивая на свою сторону военных и чинов спецслужб, конспирируя и агитируя. За *дела*, а не за «инакомыслие» их и перестреляли в тридцать седьмом...

Не было ни «инакомыслия», ни «борьбы за чистоту ленинских идеалов». Банда бездельников и трепачей ожесточенно боролась за свои немаленькие привилегии, за право и дальше швырять миллионы на раздувание *мнимого* «всемирного пожара», красоваться в президиумах, пустословить с трибун.

Говорят, Сталин называл Коминтерн «лавочкой». Говорят, в 1937 г. он сказал на заседании Политбюро: «Кто они, эти люди из Коминтерна? Ничего больше, как наймиты, живущие за наш счет. И через 90 лет они не смогут сделать нигде ни одной революции». Никаких стенограмм не существует, но эти слова, во-первых, похожи на обычный стиль Сталина, а во-вторых, полностью отвечают реальному положению дел...

Бюрократический монстр отчаянно боролся за право и далее грохотать вхолостую. «Сталинские репрессии» – не более чем работа по его демонтажу.

Вот вам *истина*.

3. Крадек по имени Радек

Рассмотрим для примера «типичного представителя», как писали по другому поводу в учебниках литературы (а может быть, и сейчас пишут), одного из коминтерновских вождей – Карла Бернгардовича Радека. Настоящая фамилия – Собельсон. Родился в Германии, в еврейской семье, но евреем от этого не стал, а стал профессиональным революционером. Вот уж поистине, как писалось в классическом детективном романе, «господин Никто. Национальность – без национальности».

К социалистам прибился еще в начале двадцатого века. От товарищей по партии получил кличку «Крадек» («KRADEK» – по-польски «вор»). По одним источникам – за то, что обладал болезненной страстью таскать из библиотек друзей нужные ему книги. По другим – за то, что питал порочное влечение к день-

гам из партийной кассы. Точно установить невозможно: вся политическая биография Радека – сплошная цепь сплетен, слухов, конфликтов и непонятностей. Был активным деятелем германской, австрийской, польской и российской социал-демократии. С первыми тремя последовательно то ли расплевался сам, то ли был попросту изгнан за авантюризм и другие, более серьезные прегрешения, о которых чуть позже. В конце концов прочно обосновался у большевиков. Его называли «гениальным авантюристом в большой политике», «умнейшей и хитрейшей головой своего времени».

Взлет его начался с Германии: направленный туда по поручению Ленина, чтобы организовать революцию, Радек очень быстро оказался в центре серьезных скандалов...

Тогда в Германии попытались устроить переворот члены так называемого «Спартака», германские двойники большевиков. Восстание подавили – причем руководил репрессиями опять-таки социал-демократ, только другого толка, по фамилии Носке, вполне по заслугам прозванный левыми «кровавой собакой». «Спартаковцев», вышедших на митинги и демонстрации, даже не из винтовок расстреливали, а саблями рубили в капусту отряды кавалеристов, о чем сохранились воспоминания Дзержинского, своими глазами это наблюдавшего (Железный Феликс, понятное дело, оказался среди тех, кто из-за угла руководил действиями немецких братьев).

«Группа реакционных офицеров» бывшей кайзеровской армии, как их в советской историографии принято было именовать (вообще-то соответствующий по-

ложению термин), без суда и следствия убила где-то в подворотне вождей германской социал-демократии Карла Либкнехта и Розу Люксембург...

И вот тут-то начинаются непонятности и загадки!

Родной брат убитого Либкнехта Теодор, известный берлинский адвокат, открыто обвинил Радека в том, что тот... выдал упомянутым реакционным офицерам укрытие Либкнехта и Люксембург! И даже добился его ареста...

Ситуация, казалось бы, нелепейшая: эмиссар красной Москвы выдает силам реакции двух виднейших германских левых...

Однако при тщательном изучении выясняется, что никаких нелепостей тут и нет. Не кто иной, как Роза Люксембург, баба энергичная и волевая, черт в юбке, еще в 1908 г. добилась исключения Радека из германской социал-демократической партии «за тесные и подозрительные связи с германской и австро-венгерской тайной полицией»...

Но дело даже не в этих личных счетах. Еще в 1907 г., на пятом съезде РСДРП (еще не расколовшейся на большевиков и меньшевиков), «неистовая Роза» довольно жестко выступала против Ленина. А после Октября семнадцатого вместе с Либкнехтом опять-таки стала во всеуслышание нести по кочкам Ильича и его компанию — по мнению немцев, отступивших от светлых идеалов социал-демократии. Роза и Карл были в Европе людьми влиятельными, и у Ленина появилась нешуточная головная боль. Тут, как по волшебству, в Германии и появился Радек — с известным результатом...

Однако Радек не только не понес никакого наказания, как ни старался Теодор Либкнехт, но и вел жизнь

не совсем обычного заключенного. Прямо в тюремной камере он встречался с высшими представителями германской элиты...

Подробности неизвестны до сих пор. Но известно *главное* – именно тогда, именно там, именно Радеком были достигнуты первые договоренности, которые потом и легли в основу советско-германского сотрудничества как в экономике, так и в военной области. Обе страны были в тогдашней Европе изгоями, париями, этакими прокаженными, изгнанными из «нормального» общества. И стремились дружить, поскольку это было выгодно обеим.

Именно ради столь жизненно насущной цели немцы и закрыли глаза на темную историю с убийством двух социал-демократических вождей. Это было, конечно, печально, – столь наглое убийство! – но мало что стоило перед лицом высоких целей германо-советской дружбы...

В общем, у Радека были многолетние, теснейшие связи с германскими секретными службами.

И не только с ними, а даже с... нацистами!

Какими бы противоестественными эти *шашни* кому-то ни казались, ничего удивительного тут нет. Радек, строго говоря, никаким «евреем» не был вовсе. Он был революционером, и только. А нацисты, в начале двадцатых еще слабенькие и относительно тихие, были слишком большими прагматиками, чтобы ссориться со столь сильным и влиятельным союзником, как Радек, только оттого, что у него что-то там не в порядке с пятой графой.

Исторические факты таковы: 20 июня 1923 г. на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна в Москве

Радек толкнул поистине сенсационную речь, предложив вступить в военно-политический союз с нацистами против Антанты. Начал он с того, что предложил воздать честь памяти «мученика» – молодого нациста Лео Шлагетера, только что расстрелянного французскими оккупационными властями в Рейнской области (не за политические убеждения, а за конкретные террористические акты). Цитирую Радека дословно: «Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика немецкого национализма, имя его много говорит немецкому народу... Шлагетер, мужественный солдат революции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его. Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить германскому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром...».

И далее: «Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения германского и русского народов?»

Дальнейшее подробно описал израильский публицист М. Агурский: «Речь Радека произвела бурю в Германии. Граф фон Ревентлов, один из ведущих лидеров правого национализма, впоследствии примкнувший к нацистам, и некоторые другие националисты стали обсуждать возможность сотрудничества с коммунистами, а главный коммунистический орган «Роте Фане» предоставлял им место. Коммунисты выступали на собраниях нацистов, а нацисты – на собраниях коммунистов. Тогдашний лидер немецкой компартии

еврейка Рут Фишер призывала к борьбе против еврейских капиталистов, а нацисты призывали коммунистов избавиться от их еврейских лидеров, обещая взамен полную поддержку...».

Хорошенькое сердечное согласие! Торжествует голый расчет, без всяких заскоков на национальной почве... Сам Радек, объясняя свою позицию товарищам по партии (не на шутку потрясенным такими новшествами), так и говорил: ни о каких сантиментах тут и речи не идет, это вопрос «трезвого политического расчета». И тут же уточнил: «люди, которые могут погибнуть за фашизм, гораздо симпатичнее людей, которые лишь борются за свои кресла».

Необходимо уточнить, что Радек после этой встречи не подвергся критике. Наоборот. Зиновьев, глава Коминтерна, Радека всецело поддерживал. Бухарин еще парой месяцев раньше отмечал сходство большевистских методов и фашистов Муссолини (Муссолини по прошлой жизни – такой же социалист, приятель многих большевистских вождей, даже любовницей у него одно время была русская анархистка Анжелика Балабанова).

В тот же клубок оказался замешан и болгарский вождь Георгий Димитров. На скамью подсудимых нацисты его посадили гораздо позже, а за десять лет до того он вел себя совершенно иначе со своими будущими судьями. Большую свинью Димитрову подложил бежавший в 1938 г. в США от сложностей жизни Ян Валтин (псевдоним в Коминтерне – Рихард Кребс), запутавшийся в двойной работе и на Коминтерн, и на гестапо. Именно он, циник, опубликовал в своих мемуарах совершенно секретную инструкцию секретаря-

ря Исполкома Коминтерна г. Димитрова, в которой товарищ секретарь писал о необходимости теснейшего союза нацистов и германских коммунистов в деле свержения Веймарской республики.

Одним словом, политика «революционной целесообразности» на деле, в ее практическом применении. Какое-то время большевики, как русские, так и германские, пребывали в самых добрых отношениях с нацистами Гитлера. Отношения дали трещину после 1923 г., когда в Германии провалились и коммунистический путч, и гитлеровский (что любопытно, по какому-то загадочному совпадению грянувшие в один и тот же день).

Помните, модно было винить *Сталина* в приятельстве с Гитлером? Нет уж, началось это задолго до Сталина и совершенно другими людьми...

В общем, сердечного согласия меж ВКП(б) и НСДАП не получилось. Неизвестно точно, какую роль в попытках таковое установить играл Троцкий, но достоверно известно, что Радек был одним из самых близких соратников Троцкого, преданным ему не на шутку...

Правда, в том же 1923 г. именно Радека сделали козлом отпущения за «чересчур опрометчивые» заявления. После неудачи «двойного путча» товарищ Зиновьев, политик изрядный, моментально от Радека отмежевался, представил его «фашистские» речи как личную самодеятельность и вышиб не только из Коминтерна, но и из ЦК ВКП(б).

Радек совсем немного времени спустя отомстил – натравил на Зиновьева целую толпу влиятельных европейских коминтерновцев – немцев, итальянцев и прочих. На сей раз уже Зиновьева сняли с поста «министра мировой революции».

А Радек сыграл столь огромную роль в налаживании советско-германского сотрудничества, что закреплявший его протокол 1923 г. называли даже пактом Секта – Радека (генерал фон Сект – тогдашний глава официально вроде бы не существующего германского Генштаба). После этого протокола и начала фирма «Юнкерс» строить в Филях свои самолеты, в Липецке был создан центр подготовки германских летчиков, в Саратове – школа химической войны, в Казани – бронетанковая школа и танкодром рейхсвера, в городе Троцк (бывшая Гатчина) – завод по производству боевых газов. Об этом и без меня много написано, так что не буду углубляться в детали.

Скажу лишь, что Радек в дальнейшем так и остался виднейшим сподвижником Троцкого. Вместе с ним участвовал в заговорах против Сталина и в 1936 г. был осужден на десять лет, в том числе и за «связи с германскими разведслужбами».

После XX съезда стали наперебой писать, что обвинения эти были беспочвенными и насквозь вымышленными – поскольку-де «еврей» Радек и германские «антисемиты» никогда и ни за что не стали бы сотрудничать.

Вы этому верите после всего, что только что о товарище Радеке узнали?

4. Красная конница – в Гималаи!

Итак, уже после провала наступления на Варшаву в 1920 г. наиболее трезвомыслящим в большевистском руководстве стало ясно, что теория «классовой соли-

дарности» попросту не работает. Никакого «интернационального братства эксплуатируемых буржуазией трудящихся» в Польше усмотреть не удалось. Все обстояло с точностью до наоборот. Сталин и член Реввоенсовета 15-й армии Полуян (едва ноги унесший от польских «братьев по классу»), а также полковые комиссары Юренев и Ходорковский, выступая на партконференции, подробно изложили реальное положение дел: никакой опоры среди местного населения найти не удалось, созданная впопыхах польская милиция, едва получив оружие, моментально повернула его против красных. Полуян говорил: «В польской армии национальная идея спаивает и буржуа, и рабочего, и крестьянина, и это приходится наблюдать везде. Боязнь, что мы придем завоевателями, что мы будем насаждать Советскую власть, – эта боязнь была свойственна всем».

Однако *прежняя* точка зрения – что мировой пожар все-таки следует раздувать – была по инерции невероятно сильна. Хуже всего то, что романтические юноши верили всерьез... Вот что писал впоследствии один из молодых поэтов:

*– Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя...*

Он был слишком молод и осуждения не заслуживает (еще и оттого, что погиб с винтовкой в руках все же не на Ганге, а на Великой Отечественной). Как не стоит и порицать Маяковского, мечтавшего «в мире

без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием».

Это были поэты, люди восторженные. Гораздо хуже те вполне серьезные, матерые политики, которые, несмотря на отрицательный опыт, опровергавший теорию, ни за что не хотели уняться и остановиться...

Б. Соколов в книге «Сталин» *сморозил* следующее: «В экспорт мировой революции на штыках Красной армии Лев Давыдович после неудачи польского похода уже не верил».

Господь с вами, батенька! Это *Троцкий-то?!*

Сразу после «неудачи польского похода» Троцкий стал инициатором «советизации» Персии, нынешнего Ирана. Туда под видом «местных бунтовщиков» браво вторглись регулярные подразделения Красной Армии, с ходу основав Гилянскую советскую республику. Однако и эта затея с треском провалилась: местное население, к идеям марксизма совершенно равнодушное, стало не на шутку сопротивляться, персидские «надежнейшие товарищи» оказались авантюристами и жуликами, так что красным конникам под командой знаменитого Примакова пришлось убраться восвояси. О том, что они там вообще были, велено было на самом высоком уровне забыть раз и навсегда. И забыли. Так надежно, что это впоследствии доставляло немало хлопот советским литературоведам. Дело в том, что при штабе Примакова был и Сергей Есенин, там же и написавший свой знаменитый «персидский» цикл. Но поскольку о советском вторжении в Персию и словом велено было не заикаться, вплоть до развала СССР литературоведам пришлось талдычить, что «персидские стихи» Есенина

созданы не на основе «творческой командировки», а по «заочной любви» к далекой загадочной Персии, где поэт, конечно же, в жизни не бывал...

А в двадцать третьем году Троцкий и его сторонники всерьез готовили *вторжение* в Германию!

В самом узком кругу были приняты секретнейшие решения...

Троцкий формировал так называемую «2-ю РККА им. Коминтерна» из двухсот тысяч (!) конников. На финансирование германской революции выделили 300 000 рублей золотом. По всему Союзу провели тайную мобилизацию коммунистов немецкого происхождения, а также всех, кто свободно владел немецким. Морскому флоту был отдан секретный приказ собрать в балтийских портах десятки сухогрузов и подготовить их к загрузке зерном и продовольствием. Наркомат железных дорог составлял график движения многочисленных «литерных» воинских эшелонов к Петроградскому морскому порту и границам с Польшей и Литвой. По распоряжению Троцкого отменили намеченную было демобилизацию в Красной армии и начали переброску конницы к границам.

В полном соответствии с принципом революционной целесообразности один из доверенных порученцев Троцкого Евгений Беренс отправился в Париж к... бывшему военному министру Временного правительства Гучкову, склонявшемуся к сотрудничеству с большевиками. Речь шла о конкретной операции: у Гучкова были обширные связи в русских эмигрантских кругах Польши и Литвы. По расчетам Троцкого, именно эти эмигранты должны были с подачи Гучкова стать

«пятой колонной» большевиков в этих двух странах, когда туда хлынет красная кавалерия.

Достоверных данных нет (все происходило в глубочайшей тайне), но, если снова «качать на косвенных», можно с уверенностью сказать, для чего тогда, летом 1923 г., Троцкий через Радека налаживал связи с нацистами.

Бросок в Германию неминуемо вызвал бы ответные действия против СССР со стороны Англии и Франции. Вот *тогда*, в качестве второго эшелона, «армии имени Коминтерна» и пригодились бы нацисты, обремененные на победителей в первой мировой, жаждавшие реванша...

Вне всяких сомнений, в Европе вспыхнула бы серьезная и крупная война с участием как минимум полдюжины государств. И можно говорить со всей уверенностью, что последствия для тогдашнего СССР, пребывавшего в жуткой разрухе, были бы самыми печальными.

Большинство в руководстве партии были против (и даже кое-кто из руководства Коминтерна), но Троцкого их резонные возражения совершенно не волновали. Именно он, а не Сталин, был фанатиком, заикленным на мировой революции. Судьба СССР его не интересовала. Главное было – разжечь пожары на всю Европу.

К счастью, эти планы провалились.

Весь расчет строился на внезапности удара. Однако к сентябрю 1923 г. по каналам всех без исключения спецслужб стала поступать информация: на Западе *все знают!*

Верховный совет Антанты (была такая шарага) каким-то «непостижимым образом» проведал о секрет-

нейших решениях, принятых в Москве узким кругом вождей. И срочно принял меры. Французы усилили свой оккупационный корпус на Рейне большим количеством танков и броневиков. Антанта пожарными темпами сконцентрировала в Польше крупные подразделения белогвардейцев (тогда еще представлявших серьезную силу). Поляки принялись лихорадочно оборудовать инженерные заграждения, окопы, пулеметные гнезда. Одним словом, блицкрига ни за что не получилось бы. Красная кавалерия напоролась бы на укрепленные и оборудованные позиции и еще на территории Польши увязла бы в затяжных боях, а далее ее ждали отлично вооруженные войска Антанты.

«Бросок на Германию» пришлось отменить со скрежетом зубным. Ярость Троцкого описанию не поддается. Историки до сих пор ломают голову, каким образом Антанта пронюхала...

А что тут голову ломать, друзья мои? Нужно только посмотреть, кому было выгодно остановить «блицкриг Троцкого».

Сталину и его сторонникам. Тем, кто видел полное крушение надежд на мировую революцию и собирался строить социализм в одной, отдельно взятой стране. Лично у меня нет ни малейших сомнений, что именно люди Сталина по своим каналам *слили* информацию в Европу.

И поступили совершенно правильно. Ничего хорошего из этой войны для страны не вышло бы. Так что Сталин если кого в этой истории и предал, так исключительно Коминтерн.

И правильно. Туда Коминтерну и дорога.

5. Долог путь до Штирлица...

Я уже говорил, что нормальные отношения Советского Союза с другими странами осложняла неприкрытая «двойственность» – советские дипломаты провозглашали одно, а коминтерновские боевики тут же устраивали нечто совершенно другое... Первые налаживали мирное сосуществование, вторые в том же городе подрывали бомбы и устраивали путчи...

Так вот, это даже не двойственность. И даже не тройственность. В наследство Сталину досталась система, когда любая контора, имевшая на то право, творила за рубежом, что хотела, нисколько не оглядываясь ни на руководство страны и партии, ни на государственные интересы, ни на протесты «смежников».

В Австрии, например, всюду разгулялся представитель ЧК при дипломатической миссии польский коммунист Красный, личный друг Дзержинского. Его агенты в открытую «совращали» полуголодных австрийских чиновников, ушибленных дороговизной и инфляцией, предлагая им продать секретные государственные бумаги, – причем происходил этот *флирт* прямо в кафешках в центре Вены, и никто особенно не старался говорить шепотом. На этом Красный не остановился. Благодаря тогдашним, совершенно фантазийным порядкам, он был назначен еще и представителем Коминтерна в Австрии и Венгрии и, чтобы не сидеть сложа руки, решил устроить восстание в спорной области Бургенланде, на границе двух стран. Ухлопал двести тысяч долларов, но так ничего и не добился. От огорчения бросил жену и сошелся с девицей семнадцати лет, секретуткой миссии. Девочка тут же потребовала,

чтобы ее впредь пускали на дипломатические приемы (хотя законная жена присутствовала тут же, в Вене). Посланник Бронский (еще один польский коммунист) попытался деликатно объяснить чекисту-коминтерновцу, что нужно жить скромнее, но тот в присутствии сотрудников послал посланника по матушке.

А тут, чтобы жизнь Бронскому медом не казалась, нагрянул еще и резидент Разведупра (военной разведки) товарищ Инков (тоже коммунист, только болгарский) и с ходу принялся набивать свои комнаты в миссии ящиками со взрывчаткой, которую переправлял на Балканы, чтобы там с нею вдоволь позабавились доверенные лица. Бронский забеспокоился. Инков по сложившейся традиции уже привычно обматюгал его и подчиняться отказался, предложив адресовать все претензии в Разведупр.

В Польше ребятки из Разведупра резвились не менее беззастенчиво. По распоряжению Уншлихта организовали группу бомбистов с двумя польскими офицерами во главе (коммунистами, понятно). И понеслось... Чтобы создать *атмосферу* полнейшей неуверенности и видимость, будто сами поляки начали решать политические проблемы взрывчаткой, эта компания подрывала бомбы в редакциях газет и штаб-квартирах всех политических направлений. Польский Генеральный штаб взорвать не удалось, но *рванули* склады со взрывчаткой в Варшавской цитадели...

Самое пикантное, что громче и решительнее всех против этих уншлихтовских забав выступал не кто иной, как Дзержинский. Пилсудского он ненавидел и мечтал, что сам его расстреляет в случае победы мировой революции, но все эти взрывы считал экстре-

мизмом, несовместимым с политической ситуацией (в чем полностью сходиллся со Сталиным).

Уншлихт гнул свое, но со взрывами пришлось все же завязать по чисто техническим причинам – польская контрразведка в конце концов перехватала почти всех бомбистов. То ли их выдал *некто*, с методами Уншлихта не согласный, то ли это был чисто польский успех: о конспирации терминаторы Уншлихта имели самое отдаленное представление, чемоданы с динамитом и пакеты с долларами таскали чуть ли не в открытую...

Гораздо больше везло какое-то время действовавшим в Польше «народным партизанам». На самом деле, понятно, это были никакие не местные, а кадровые сотрудники ЧК и Разведупра. Один из таких героев невидимого фронта К. Орловский писал в автобиографии откровенно: «с 1920 г. по 1925 г. по заданию Разведупра работал в тылу белополяков... был организатором и командиром краснопартизанских отрядов и диверсионных групп, где за пять лет мною было сделано несколько десятков боевых операций, а именно: 1. Было остановлено три пассажирских поезда. 2. Взорван один желдормост... 6. За один только 1924 год по моей инициативе и лично мной было убито более 100 чел. жандармов и помещиков».

Чекисты тоже не отставали: еще лет тридцать назад были изданы воспоминания старого спеца Ваупшасова, где он подробно описывал свои партизанские будни...

Кончилось это предприятие нешуточным конфузом. Одним из «партизанских отрядов» командовал некто Хмара, человек смелый и решительный, прямо-таки

легендарный, но вот идейно, как оказалось, нестойкий. В один прекрасный момент он обнаружил, что на советской Украине народу живется совсем не блестяще. После чего со всем своим отрядом вернулся в СССР и начал громить советские исполкомы и райотделы милиции так, как совсем недавно проделывал это в Польше с полицейскими участками и «зажондами повятовыми». Кавалерийские отряды войск ОГПУ гонялись за ним долго – профессионал! – но все-таки окружили и уничтожили...

После этого «партизанское движение» пошло на убыль – но некоторое количество диверсионных групп все же оставили. Тем, кто помнит старый фильм «Красные листья», разъясняю: главный герой – никакой не подпольщик, а именно штатный террорист ГПУ...

Ради исторической объективности необходимо упомянуть, что Польша в данной ситуации уж никак не была безвинной жертвой, этакой белой и воздушной гимназисткой, которую в темном переулке безжалостно притиснул пьяный унтер. Вовсе даже наоборот, в этой увлекательной игре с рейдами через границу, поджогами и взрывами участвовали обе стороны. Польша точно так же засылала к нам своих «терминаторов». В одном из фильмов сериала «Государственная граница» это показано с максимальным приближением к реальности...

Работали то ли халтурно, то ли совершенно обнаглев. В Литву удалось внедрить чекиста Григановича – и не куда-нибудь, а в тамошнюю военную разведку, где он устроился начальником одного из приграничных пунктов означенной разведки. И начал прямо у себя на квартире собирать заседания подпольного ЦК

компартии Литвы, где долго, шумно и увлеченно обсуждалось, как устроить вооруженное восстание. Кто-то из соседей настучал в контрразведку об этих странных посиделках. Григанович едва успел сбежать в Союз...

Да и дома, в Советской России, с безопасностью обстояло порой весьма анекдотично. В конце 1924 г. «Огонек», один из самых массовых и многотиражных тогда журналов, опубликовал отлично выполненный групповой снимок свежееиспеченных выпускников Военной академии и ее восточного отдела. На случай, если кто-то не понял: на восточном отделении готовили высококвалифицированных *разведчиков* для стран Востока (их, правда, деликатно именовали «военными дипломатами», но суть от этого не меняется).

Очень быстро из Харбинской резидентуры пришло сообщение, в котором, помимо прочего, говорилось, что сюда поступил из Шанхая тот самый номер «Огонька» с прекрасно выполненным снимком «восточников» – который, конечно же, будет пользоваться большой популярностью среди японских контрразведчиков...

Интересно, хоть кого-нибудь наказали? Могли просто погрозить пальчиком, не более того. Очень уж «квалифицированными» были кадры. Куда уж дальше, если Леонид Красин (сам боевик с огромным опытом, мастер темных дел) в 1921 г. жаловался Ленину на злобных и невежественных чекистов, которые-де беззастенчиво гноят по тюрьмам инженеров и техников «по обвинениям в каких-то нелепых, невежественными же людьми изобретенных преступлениях – "техническом саботаже" или "экономическом шпионаже"»...

Тут уж, братцы, нет слов! Весь мир знаком с такими недугами, как технический саботаж и экономический шпионаж – а тут товарищ Красин, не студентик-идеалист, а *волчара* нелегальной работы, объявляет эти вещи вымышленными. Воля ваша, что-то крутит тут товарищ Красин, дитем прикидываясь... Ох, крутит! Но ведь уже не спросишь, отчего это он дурачка из себя строил...

При схожих обстоятельствах провалился один из самых ценных агентов ОГПУ в Литве Клещинский, вхожий в тамошнюю элиту, три года даже прослуживший... начальником Генштаба Литвы! Вроде бы взрослый человек, офицер с многолетним послужным списком... А *замели* его не потому, что вычислили, а оттого что он часто и принародно хвалил Советскую власть и большевиков. Ну арестовали, выяснили, расстреляли...

Доходило до курьезов... Агент Разведупра во Франции, видный парижский коммунист Готье в мае 1932 г. *поперся* на антикоммунистический митинг на военную базу в Сен-Мазер и, не стерпев контрреволюционных речей, начал бить по морде очередного оратора. Все бы ничего, Готье оттуда благополучно унес ноги, но оставил портфель с секретными материалами о французских арсеналах, подводных лодках, авиазаводах, боевых кораблях. Сам он отвертелся потом (знать ничего не знаю, и портфель не мой, подбросили, ироды!), но кое-какие *каналы* оказались спаленными...

В общем, всякое ведомство творило за рубежом, что хотело, совершенно не задумываясь, насколько их забавы увязываются с насущными государственными интересами. Когда нарком иностранных дел Чичерин

начал слишком уж активно выступать против мешавших его ведомству нормально работать чекистов, не только устраивавших многочисленные авантюры, но и набивавших аппарат посольств осведомителями, лихие ребята из ГПУ в отместку начали распускать слухи, что нарком – закоренелый педераст (сплетня оказалась настолько хорошо поставленной, что дотянула до нашего времени, порой всплывая кое-где в исторических трудах).

Легко догадаться, что чередой пошли провалы – в Польше, во Франции, в Германии. Вена, Стамбул, Пекин... Широко известный в свое время в узких кругах «копенгагенский провал» 1935 г. произошел опять-таки из-за наивного головотяпства. Подробнее об этом чуть позже.

Но, пожалуй, самый крупный «прокол» случился в 1927 г. по вине «великого чекиста» А. Х. Артузова, руководившего знаменитой операцией «Трест». «Великий чекист» кадры подбирать не умел совершенно. Один из самых информированных секретных сотрудников контрразведки ОГПУ Стауниц *рванул* за кордон и добросовестно там растрепал, что «Трест» – никакая не подпольная антисоветская организация, а провокация ГПУ... Получив такой подарок, разведки противников СССР предприняли грандиозную ревизию своих агентурных сетей и работали впредь не в пример осторожнее с поступающей из Советской России информацией. А закордонные боевики, которых Артузов упустил, устроили в Питере взрыв центрального партийного клуба и подорвали в Белоруссии железнодорожное полотно – в результате чего погиб заместитель полпреда ОГПУ по Белоруссии Опанский...

Да вдобавок произошел еще один скандал, о котором до сих пор имеются лишь самые скудные сведения. Что там случилось, в точности неизвестно, но Коллегия ОГПУ «поставила Артузову и его помощнику Стырне на вид за допущенный побег важного политического преступника, наблюдение за которым было возложено на контрразведывательный отдел».

И вышибли «великого чекиста» на третьестепенную должность, бумажки перебирать. Потом он немного приподнялся, но связался с «заговором Ягоды» и кончил *подвалом*...

Нужно уточнить, что у военных дела обстояли не лучше. Вот перечень провалов только за 1933–1934 гг.: провал резидента и большой группы агентов во Франции; арест агента-вербовщика в Гамбурге; разгром финнами резидентуры в Хельсинки; еще один провал в Париже, из-за которого пришлось законсервировать агентуру в США и Англии; провалы легальных и нелегальных сотрудников в Латвии, Турции, Маньчжурии, Эстонии, Италии, Румынии.

Со временем Сталин принялся наводить порядок и в этой области – поскольку дело было не только в головотяпстве, иные закордонные сотрудники работали не на родное учреждение, а на Троцкого.

И начался великий драп! Обладатели немалых чинов дружно рванули кто куда, прихватив огромные суммы казенных долларов, – Рейсс, Кривицкий, Орлов... До сих пор их порой именуют «идейными борцами со сталинской тиранией».

Разогнав неумех, прямых предателей и *повязанных* с заговорами внутри страны интриганов, Сталин посадил на их места молодых и неопытных майоров с

капитанами. Соль в том, что именно эти молодые и неопытные «выдвиженцы» очень быстро создали мощнейшую разведслужбу мира, которая проникла куда только возможно – в окружение американского президента и английской королевы, в атомные центры и военные министерства, в гестапо и Интеллидженс Сервис. Считанные единицы из сталинских суперагентов стали известны широкой публике – но исключительно *провалившиеся*. О тех, кто благополучно отработал свое, мы не узнаем, пожалуй, никогда, потому что самые серьезные операции разведки сроков давности не имеют из-за специфики ремесла...

6. Либо нас сомнут...

А теперь самое время поговорить о коллективизации. До сих пор слышатся голоса, которые ее объясняют примитивной «ненавистью» Сталина к свободным хлебопашцам, которые-де могли, усердно работая на своих частных полях, завалить хлебом страну. Но тиран и параноик Сталин, органически чуждый любым проявлениям «свободы» и «независимости», согнал крестьян в колхозы исключительно потому, что вынести не мог чьих-то вольностей...

На самом деле это вздор чистейшей воды. Оправдывать опять-таки ничего нельзя (в конце концов, и мои собственные предки попали под этот каток), но необходимо понимать: организация колхозов была не произволом Сталина, а жестокой необходимостью. Потому что в противном случае страна могла просто-напросто прекратить свое существование...

Рассмотрим обстановку, сложившуюся к концу двадцатых, подробно и обстоятельно.

Цели откровенно сформулировал сам Сталин в речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «...мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было выгодно, доходно и сходило безнаказанно... Таков уж волчий закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб, значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч – значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нам нельзя больше отставать... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». (И. В. Сталин, собр. соч., т. 13, стр. 38–39).

То же самое – в речи 1935 г. : «...мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну. Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная тремя годами Гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонущими сре-

ди моря мельчайших крестьянских хозяйств, – вот такую страну мы получили в наследство от прошлого. Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства» (Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.).

Сталин совершенно точно обрисовал положение дел. Страна пребывала в разрухе. Военная промышленность не модернизировалась со времен первой мировой, а «гражданская» вообще с довоенных. Производство винтовок было втрое меньше уровня 1916 г., а что до «мирных» товаров – из сопредельных стран приходилось завозить даже серпы и косы. Даже! Не было *ничего!* Еще в 1933 г. Ворошилов (военный министр!) писал отдохавшему за границей секретарю ЦК (!) Енукидзе, прося купить там для детей *чулки и носки*. Легко представить, как обстояло в конце двадцатых с предметами первой необходимости...

Угроза войны против СССР была не выдумкой кремлевских пропагандистов, а вполне реальной опасностью. Во-первых, все без исключения соседи питали территориальные претензии. Во-вторых, действовали те самые волчьи законы, о которых Сталин говорил в вышепротитированной речи: слабого грабят и бьют, если у него есть что отнять, неважно, об Африке ли идет речь, о Китае, Абиссинии или Советской России...

Сталин писал в «Правде» в июне 1927 г.: «Едва ли можно сомневаться, что основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны. Речь идет о реальной и един-

ственной угрозе новой войны вообще, войны против СССР – в особенности».

Быть может, он сгущал краски или попросту врал, чтобы «удержать власть»?

Ничего подобного. Присмотримся поближе к тому, что происходило в Европе – которая, как уверяют нас иные борзописцы, была настолько ослаблена морально и физически первой мировой войной, что намеревалась жить в идиллическом мире...

«В прошлой войне оставалось немало людей, энергия которых не была отдана войне. Последняя война не была "полной войной". Но "полной войной", несомненно, будет следующая война. Здесь будет мобилизована целая нация. Каждому человеку без различия возраста и пола назначается точная и определенная роль в деле обороны. Именно такой мобилизационный план мы и будем создавать в ближайшие годы... Никакой импровизации! Никакой свободы выбора! Во время будущей войны весь народ абсолютно должен подчиняться распоряжению властей. Власть заблаговременно составит расписание для каждого гражданина. Основная мысль нашего нового закона состоит в том, что, готовясь к "полной войне", власти должны будут разработать полный план мобилизации для каждого человека, учитывая его пол, возраст, индивидуальные способности, знания, состояние здоровья, род деятельности и силы. Во время войны свободных людей со свободой выбора работы нет. Все заранее учтено. Расписания составлены. И в момент объявления мобилизации каждый немедленно отправляется и начинает намеченную для него и обязательную работу».

Это не Гитлер. Это – отрывок из выступления во французском парламенте генерала Жиро, основного докладчика по военным вопросам, «связного» меж депутатами и военным министерством. Он говорил это в том же 1927 г. «Новый закон», о котором генерал упоминает, – это так называемый «Закон о подготовке нации к войне», который был тогда же *принят*. Как видим, всю страну готовились превратить в военный лагерь, где каждому человеку предстоит работать на милитарию – и это за двенадцать лет до знаменитых указов Сталина о запрещении менять место работы, об уголовной ответственности за прогулы! Полное впечатление, что свои планы Сталин лишь заимствовал у тех же французов.

Или у поляков: там был создан Комитет обороны государства, учредивший буквально в каждом министерстве, в каждом мало-мальски крупном учреждении мобилизационные отделы.

Или у американцев: в те же годы за океаном тоже происходили весьма любопытные процессы. Еще в 1924–1925 гг. там провели так называемую «пробную мобилизацию», грандиозную репетицию, в которой участвовали 17 миллионов человек. Задача была – проверить мобилизационные возможности промышленных предприятий на случай крупной войны. Председатель Стального треста и другие промышленники создали «Главный индустриальный штаб», который получал «военные заказы» от военного министерства, от морского и воздушного ведомств и распределял их по фабрикам и заводам. Классическая «штабная игра», только проведенная не военными, а промышленниками.

Кроме того, военный министр, министры внутренних дел и земледелия образовали «комитет по электрификации». Задача: следить, чтобы ни одна фирма, крупная или мелкая, не имела права построить самолично электростанцию, даже самую крохотную. Желающие обязаны были подавать заявки в комитет, а тот заранее разрабатывал для новостройки специальное задание на случай войны. Ни о каких «законах свободного рынка», как видим, речь не шла...

И наконец, были созданы Управление гражданской мобилизации и Управление индустриальной стратегии. Семь тысяч американских заводов и фабрик, от крупных до крохотных, были занесены в «Списки по производству для военных надобностей» с определением продукции, которую они начнут вырабатывать в случае войны.

Именно благодаря этим мерам Америка после Пирл-Харбора и вступления в войну буквально за несколько дней перевела громадные отрасли производства на военные рельсы. Не было никакой импровизации, все было задумано и разработано за пятнадцать-шестнадцать лет до Пирл-Харбора...

А кстати, с кем это французы собирались воевать? Генерал Жиро *чирикнул* что-то об «обороне» – но явно для того, чтобы прикинуться голубком. *Никто* в то время не мог представлять реальную опасность для Франции как агрессор – не Германия же, чья армия, превращенная Версальскими соглашениями в нечто опереточное, не способна была воевать даже с Монако. Не Испания же? И не СССР, не Швейцария, не Бельгия. Французы определенно готовились *наступать*. И нужно ли объяснять, на кого?

Что происходило тогда? Налет в Пекине на советское посольство, разрыв Англией дипломатических отношений с СССР, убийство в Варшаве советского посла, налеты в поездах на советских дипкурьеров. В июне 1927 г. в Женеве состоялась секретная встреча министров иностранных дел Великобритании, Германии, Франции, Бельгии и Японии, целиком посвященная «русскому вопросу», – там планировались опять-таки *акции* против нашей страны. Надо отдать должное веймарской Германии – ее представители заявили, что ничего *плести* против СССР не намерены, и покинули заседание. Но остальные сели *работать*. А наш старый знакомый Генри Детерлинг, владелец «Ройял Датч Шелл», вместе с генералом Гофманом (как раз противником нормальных отношений СССР и Германии) всерьез обсуждал интервенцию против Советской России. Никакой романтики – просто-напросто *нефть!* А для успеха предприятия Детерлинг профинансировал во Франции масштабную кампанию в прессе и парламенте за разрыв всяких отношений с СССР (что ему не удалось).

Донесение так и оставшегося неизвестным агента, попавшее к Сталину: «Турецкий штаб в Анкаре получил из Германии, Польши и Англии сведения, что война СССР с Польшей произойдет в начале 1930 г. ... Польша через шведское посольство в Берлине обращалась к немцам с просьбой в момент войны пропустить через территорию Германии все то, что требует Польша из Франции в момент войны, включая войска... Немцы категорически отказали... Англичане предлагают туркам в момент войны или быть нейтральными, открыв свободный проход в Дарданеллы

английскому флоту, или принять участие в войне против СССР».

Такие дела. Это не дезинформация: согласно другим донесениям, начальник польского Генштаба Гонсяровский упоминал, что существуют соглашения Польши с японцами – в случае, если японцы вторгнутся в СССР, поляки ударят со своей стороны. Он же вел переговоры с английскими и французскими штабами...

(Что интересно, советский агент, несомненно, входил в ближайшее окружение начальника польского Генштаба, поскольку из донесений недвусмысленно следует: сведения получены в *личной* беседе разведчика с Гонсяровским. Фамилия этого штирлица неизвестна.)

Все эти идеи были подробно разработаны в солидном теоретическом труде близкого к Пилсудскому В. Студницкого. В его книге «Политическая система Европы и Польша» (1935 г.) подробно излагается, что следует напасть на СССР соединенными усилиями Польши, Германии, Японии и Финляндии, оторвать Украину, Крым, Карелию, Закавказье и Туркестан, а японцам отдать Дальний Восток до озера Байкал (это к вопросу о белой и пушистой, невинной и миролюбивой Польше, подвергшейся в 1939 г. ну абсолютно ничем не спровоцированному советскому нападению...)

Тогда же польские генералы вели переговоры с Герингом, затягивая его в эту комбинацию. Не договорились. Германия в то время предпочитала с СССР дружить, а не воевать. Вероятнее всего, из-за ее позиции предполагаемое вторжение и не вылилось в нечто реальное – Польше вполне могли двинуть дубиной по

спине и Германия, и Литва, из-за старых счетов с Речью Посполитой поддерживавшая с СССР очень тесные связи вплоть до обмена разведданными... Да и Чехословакия с Венгрией, имевшие к Польше территориальные претензии, в случае большой войны не остались бы в стороне...

А каково же было соотношение сил? Это *сегодня* смешно и предположить, что прибалтийские государства могут предпринять что-то серьезное против России. Но *тогда* дело обстояло совершенно иначе. По состоянию на 1927 г. Польша, Финляндия, Румыния, Латвия, Литва и Эстония могли выставить 113 стрелковых дивизий и 77 кавалерийских полков, Япония – 64 пехотных дивизии и 16 кавалерийских бригад.

Чему СССР мог противопоставить (да и то только при условии ВСЕОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ) 92 стрелковые дивизии (из них всего 22 кадровых) и 74 кавалерийских полка. К тому же значительную часть этих войск пришлось бы передвигать из внутренних районов России и Сибири.

Соотношение по танкам: 483 – у «коалиции», 60 – у СССР. Соотношение по боевой авиации: 1157 самолетов у «коалиции» и 689 у СССР. Соотношение по живой силе: 2,5 млн у «коалиции» и 1,2 млн у СССР. Только в отношении пушек соблюдалось примерное равенство. Но необходимо уточнить: СССР пребывал в разрухе, а все вышеперечисленные страны ничего подобного не знали, их промышленность была развитой, сельское хозяйство процветало, тылы, таким образом, были в сто раз крепче – в отличие от Советской России, у которой никаких «тылов», собственно, и не имелось.

И современной армии, по большому счету, не было. После обследования в 1924 г. положения дел в РККА специальная комиссия ЦК вынесла страшный вердикт: «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной запасами силы у нас в настоящее время нет». И это – несмотря на то, что у Троцкого, еще не убранный с поста наркомвоенмора, под ружьем имелось 5 миллионов человек!

Положение никак не могли спасти бодрые песни, которые тогда звучали чуточку иначе. Вот, например, знаменитая «Белая армия, черный барон»:

– *Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой!
С отрядом флотским
Товарищ Троцкий
Нас поведет в последний бой!*

Очень похоже, бой, в случае чего, мог и впрямь оказаться *последним*, но отнюдь не для европейских армий...

На особом заседании то же, только разными словами, говорили Фрунзе, Уншлихт, Гусев-Драбкин.

В 1926 г. заместитель наркомвоенмора Тухачевский повторил то же самое: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы».

Но война тем не менее *шла!* Пусть и необъявленная...

На всех границах!

Вот сухие цифры: с февраля 1921 г. по февраль 1941 г. на границах было задержано 932 *тысячи* нарушите-

лей. Разумеется, в это число тогда, несомненно, попадали люди, которые попросту бежали куда подальше от сложностей жизни. Быть может, и несколько преувеличена цифра в 30 000 шпионов, диверсантов и террористов. Но в том, что они были (как мы увидим позже), сомневаться не приходится. Пограничные войска ликвидировали 1319 вооруженных банд, в которых насчитывалось более 40 000 бандитов. На границе задержано контрабанды на сумму более 132 млн рублей, кроме того, изъято 2363 кг золота и 3904 кг серебра, много других ценностей. Уничтожено 7 тысяч вооруженных нарушителей.

За эти двадцать лет пограничники только убитыми потеряли 2443 человека.

Это война!

Самая настоящая, как это было в 1929 г. на Дальнем Востоке, когда напали китайцы. Как в Средней Азии, где бушевало басмачество. Разумеется, некоторое количество басмачей и в самом деле были «вольными стрелками», искренне поднявшимися против всевозможных перегибов. Но ведь существовал еще и эмир Бухарский, который, сидя в Афганистане и мечтая воссоздать свое средневековое государство, тратил массу денег на организацию банд. Были и англичане, которые в рамках прежней глобальной стратегии подпитывали басмачей деньгами и оружием, всерьез рассчитывая *влезть* в советскую Среднюю Азию...

Вот рядовое донесение с германского пограничного участка от 21 сентября 1921 г. Пограничный наряд из пяти человек заметил, что несколько персов гонят на сопредельную сторону стадо верблюдов и коров.

После окрика «Стой!» «погонщики» открыли огонь из винтовок. Перестрелка продолжалась около часа, после чего персы отступили, бросив скот. Но через пару часов с той стороны границы нагрянули пятьдесят вооруженных всадников, и завязался бой...

Это самое рядовое, ничем не примечательное донесение. Такие случаи считались *буднями!*

Вот случай посерьезнее. Май 1922 г., Туркмения. Три тысячи джигитов под командованием муллы Абду Кагара окружили городок Гыдж-дуван. Взвод пехоты и пулеметный взвод с одним орудием отбивались долго и успешно. Потом через сплошное кольцо осаждавших все же пробрался красноармеец Хисматулин, подошло подкрепление, и лихой мулла увел свое войско...

На Дальнем Востоке подобные инциденты, хотя и мелкие, происходили практически непрерывно...

Когда Сталин говорил о волчьих законах, по которым сильный грабит слабого, он нисколько не преувеличивал. Советскую Россию как слабую и в самом деле увлеченно *грабили!*

На севере Норвегия посылала в наши территориальные воды *сотни* промысловых судов, которые вели хищнический бой тюленей, вопреки международным правилам уничтожая и самок, и детенышей. Только в 1922 г. *норвеги*, как их именуют в наших северных краях, перебили 900 000 тюленей – наминаю, на *нашей* территории. Когда на перехват выходили суденышки пограничников, вооруженные в лучшем случае пулеметами, по ним – в *советских* водах! – беззастенчиво лупили из орудий боевые норвежские корабли. Дошло до того, что в Белое море прикры-

вать своих браконьеров пришел норвежский броненосец береговой охраны с пушками калибром 210 миллиметров...

И эта вольготная грабировка продолжалась до 1933 г. — потом Сталин перевел с Балтийского флота на Северный несколько эсминцев и подводных лодок с приказом не церемониться — и норвегов как ветром сдуло из наших вод...

На Дальнем Востоке японцы грабили вовсе уж фантастическим образом. Рыбу и морского зверя они добывали в наших водах, как у себя дома, высаживались на берег, где только хотели.

Вот рапорт пограничного начальства, где добытые японцами в наших водах крабы пересчитаны на ящики консервов:

1923 — 35 960 ящичков

1924 — 47 000 »

1925 — 88 000 »

1926 — 230 000 ».

Впечатляет, не правда ли? А ведь это — малая частичка захваченного у нас *нашего* достояния! Слабого бьют и грабят без всяких церемоний...

В июне 1930 г. сторожевик ОГПУ «Воровский» попытался отогнать браконьеров от устья реки Сопочная. В советские территориальные воды тут же вошел японский эсминец типа «Хакодате» и *прикрыл* своих.

Два эсминца того же типа в тот же год преспокойно подошли к советскому берегу возле села Усть-Большерецкое и бросили якорь...

19 краболовных пароходов, действующих у западного и восточного побережья Камчатки, получили дома для «самозащиты» 400 боевых винтовок и 16 пулеметов...

Всего же за сезон к советским берегам выходило примерно полторы тысячи браконьерских судов, которые прикрывал десяток вооруженных шхун, два дивизиона эсминцев, а порой и подводные лодки. Приходили даже легкие крейсера. Случалось иногда, что японские военные моряки «прессовали» *свои* же, японские суда, принадлежащие японским фирмам, которые вели промысел в советских водах совершенно законно, на основе договоров. Видимо, чтобы не выпендривались и ловили «как все», то есть самым незаконным образом...

Японские директора *законно* работавших фирм даже ездили в Токио жаловаться, наивные, но ничего не добились. Какая может быть законность, когда есть слабый, но богатый сосед, которого можно безнаказанно грабить...

Это была *война!*

Вот в таких условиях Сталин с единомышленниками и приняли решение о коллективизации. Это было продиктовано не киношным «тиранством», а житейскими – и насущнейшими! – проблемами. Чтобы создать промышленность, нужно было продать за границу хлеб. А чтобы продать, его нужно было *взять*.

В который раз повторяю для непонятливых: я никого и ничего не оправдываю. Я просто объясняю *реальные* мотивы поступков Сталина.

Давайте проведем подобие «штабной игры». Представьте себя на месте Сталина, стоявшего во главе страны, которую беззастенчиво грабят, против которой, вполне возможно, может состояться серьезнейшая агрессия. Ваша задача – сделать страну сильной, для чего

следует в кратчайшие сроки (иначе вас сомнут!) создать промышленность...

Одно немаловажное уточнение: вы не можете ни застрелиться, ни уехать в эмиграцию, подобно Троцкому, ни даже подать в отставку. Потому что вы внутренне убеждены, что обязаны оставаться во главе страны – и обязаны ее поднять из разрухи *любой* ценой.

Так вот, ваши действия? У вас есть одна-единственная возможность: взять в деревне много-много хлеба и продать его за рубеж, получить за это валюту, а уж на нее купить оборудование для становления промышленности.

Ну же, ваши действия?

Только, я вас умоляю, без всякого придурочного интеллигентского лепета о том, что хлеб у крестьян надо *купить*, предложив взамен необходимые деревне товары. У вас совершенно *не на что* покупать хлеб. Ваша казна пуста, потому что миллиарды золотых рублей растрочены впустую на коминтерновские авантюры. Вам *негде* взять товары для деревни. Хлеб вы можете только отобрать – потому что деревня уже придерживает хлеб, не желая сдавать его городу по существующим невысоким ценам. Уже придерживает! У вас на столе лежат секретнейшие сводки, которые сообщают: скоро в миллионных – и не миллионных тоже – городах начнется *голод*. И тогда, не исключено (память о Гражданской войне слишком свежа и необходимые навыки не утрачены) начнется сама собой война города против деревни. Город самочинно кинется в деревню за хлебом – как это было в Австрии всего десять лет назад.

Вам нужно получить зерно для индустриализации. Вам нужно создать систему сельского хозяйства, которая обеспечит бесперебойные поставки продовольствия в города, не зависящую от капризов *собственника*...

Ну же, ваши действия?

Вот то-то, хорошие мои, гуманные мои... Будь вы ангелом во плоти, хлеб вы *возьмете*... Потому что ситуация, собственно, не содержит ничего нового. Несколько человек в лодке посреди океана, провизии нет. Либо они съедят самого слабого, либо сдохнут. Им не хочется подышать... *На суше*, где-нибудь в благополучной Швейцарии, их действия заставили бы весь мир замереть от ужаса и отвращения – но в лодочке посреди моря многое смотрится совершенно по-другому...

У Советской России не было колоний, которые можно старательно и систематически грабить, как это проделывали чуть ли не все европейские страны. *Кем-то* нужно было пожертвовать. Крайними оказались крестьяне. Как в Англии за четыреста лет до того. Там, если кто помнит, сложилась похожая ситуация, правда, без особых предшествующих кризисных явлений: чтобы создать сильную и конкурентоспособную промышленность (а таковой на данный момент было лишь производство сукна) нужно разводить огромные стада овец. Но места для пастбищ нет, потому что крестьянские общины их под это дело не собираются отдавать. Вывод? Либо отказаться от индустриализации и сберечь земляков, либо применить...

Силу!

Вот оно! Ее и применили. Крестьян согнали с земли, огородив ее под пастбища. Овцы съели людей. Два с половиной процента населения тогдашней Англии,

72 000 человек, были уничтожены «за бродяжничество», хотя бродягами они стали не по своей воле, а в результате политики короля Генриха, опять-таки не имевшей ничего общего с опереточным «тиранством». Самое жуткое, что все происходило *обыденно*. Нужно было создать промышленность, не считаясь с жертвами, – и ее создали...

Сталин, между прочим, в силу своей всегдашней тяги к умеренным решениям, до последнего момента придерживался самых мягких вариантов. Об этом сохранилось достаточно документов, и только «дети XX съезда» могут твердить, будто Сталин «лицемерил». Ничего подобного. Он вполне искренне полагал, что можно обойтись без *грабежа*. Но наступил момент, когда другого выхода просто не было: либо создавать колхозы и выгребать хлеб, либо страна сорвется в совершеннейший хаос, и сама собой начнется вторая гражданская. Уже не за идеи будут воевать, а просто-напросто за выживание.

И Сталин дал команду...

Да, мы упустили еще один «альтернативный» вариант. Иные на голубом глазу твердят, что «можно было взять займы» на Западе.

Ну что же, в последние годы спорить с такой постановкой вопроса не просто легко, а очень легко. Сколько было взято займов на Западе в ельцинские времена? И что, жить стало лучше хоть чуточку? А почему вы полагаете, что в двадцать девятом дело обстояло бы иначе?

Бесплатного сыра не бывает. Любой кредитор потребовал бы и политических уступок, и, не мудрствуя, какого-то *куска* страны – не обязательно в смысле тер-

риторий. Для того займы в основном и даются в подобных исторических ситуациях, чтобы загнать должника в кабалу...

И потом, в то время на Западе *не было* свободных денег. В те годы как раз бушевал серьезнейший экономический кризис, грянувший в США и распространившийся на Европу (благодаря чему, в частности СССР, вероятнее всего, и не подвергся нашествию новой Антанты). Запад был обеспокоен собственным выживанием.

И потому там охотно, порой дешевле рыночных цен, продавали Сталину все, что он желал, – от автомобильных заводов до оборудования нефтепромыслов.

Из выступления Сталина на объединенном пленуме в январе 1933 г.:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последней месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна-единственная угольно-металлургическая база – на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу – на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну-единственную базу текстильной промышленности – на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности – в Средней Азии и в Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии». (И. В. Сталин, собр. соч., т. 13, стр. 178–179)

Это была правда. Так и стало.

А посему еще раз приведу вынесенные в эпиграф слова Ленина:

«Вам не по душе это варварство? Не прогневайтесь – отвечает вам история: чем богата, тем и рада. Это только выводы из всего, что предшествовало».

Вот то-то и оно. Убедительная просьба не забывать, *что* Сталину досталось в наследство. Ему пришлось идти на колоссальные жертвы исключительно потому, что Россию до столь убогого состояния довели его предшественники – и коронованные особы, и тупые сановники, и трепливая интеллигенция. Они развалили все, что можно было развалить, и

Сталину пришлось все *выправлять*. В отличие, например, от Петра I, который получил во владение благополучную, мирную, ничуть не отсталую, вопреки мифам, страну – и развалил ее ради идиотских экспериментов...

Запад, уважающий лишь *силу*, моментально сменил тональность. Не угодно ли ознакомиться с кратким обзором иностранных отзывов, причем сделанных отнюдь не левой прессой?

Франция, газета «Тан»: «Коммунизм гигантскими темпами завершает реконструкцию, в то время, как капиталистический строй позволяет двигаться только медленными шагами... Во Франции, где земельная собственность разделена до бесконечности между отдельными собственниками, невозможно механизировать сельское хозяйство; Советы же, индустриализуя сельское хозяйство, сумели разрешить проблему... В состязании с нами большевики оказались победителями».

Англия, журнал «Раунд Тэйбл»: «Достижения пятилетнего плана представляют собой изумительное явление. Тракторные заводы Харькова и Сталинграда, автомобильный завод АМО в Москве, автомобильный завод в Нижнем Новгороде, Днепропетровская гидроэлектростанция, грандиозные сталелитейные заводы в Магнитогорске и Кузнецке, целая сеть машиностроительных и химических заводов на Урале, который превращается в советский Рур, – все эти и другие промышленные достижения по всей стране свидетельствуют, что, каковы бы ни были трудности, советская промышленность, как хорошо орошаемое растение, растет и крепнет»...

Тот, кому не лень будет заглянуть в Приложение, познакомится со многими аналогичными отзывами, которые я туда перенес.

Теперь и в *самом деле* если не все «трудящиеся мира», то значительная их часть смотрела на СССР, как на *пример*. Нас уважали, нами восхищались – не благодаря проплаченным золотом агентам Коминтерна, а оттого, что в результате тяжелейших жертв страна все же стала жить *лучше*. Окажись иначе, Сталина и его сподвижников попросту смел бы всенародный мятеж.

А они остались на своих местах. Вновь, как и в рассказе о Гражданской войне, приходится категорически выступить против побасенок, будто новое победило исключительно в результате вооруженного террора. Позвольте не согласиться. Вернее будет говорить, что нашлось множество людей, которые считали перемены *своими*. И выступали за них достаточно активно. Именно потому, что идея, овладев массами, стала реальной силой. Сталин победил и на этот раз.

А ведь ему мешали не только *внутри*...

7. Переходил границу враг, шпион и диверсант...

Это строчки из довоенного еще стихотворения совсем молодого тогда Сергея Михалкова:

*В глухую ночь, в холодный мрак,
посланцем белых банд
переходил границу враг –
шпион и диверсант...*

Тут нет ровным счетом ничего ни от поэтического преувеличения, ни от искусственно раздутой «шпиономании», якобы свойственной сталинскому правлению.

Поскольку через границу и в самом деле то и дело пытались *просквозить* весьма примечательные личности, и некоторым это удавалось...

В 1924 г. бывшие белогвардейцы создали за границей Русский общевоинский союз (РОВС). Контора эта ничуть не напоминала мирные землячества и занималась отнюдь не устройством вечеров воспоминаний с пельменями, водочкой и ностальгическими слезами под цыганскую скрипку.

Разведывательная работа, диверсии и террор – вот чем они занимались. Возглавлял РОВС боевой генерал Кутепов (а после его похищения чекистами в 1930 г. и загадочной кончины – генерал Миллер, участник Гражданской войны в Архангельске). Спецслужбой руководил тоже человек серьезный – выпускник Академии Генерального штаба генерал-майор К. Глобачев, во время первой мировой войны возглавлявший охранные отделения Варшавы и Петрограда.

Отделения РОВСа существовали на всех континентах. Это была целая армия, пусть и переведенная на гражданское положение, со своими диверсионными школами и печатными органами (журнал «Часовой» закрылся только в 1989 г.!).

Боевики этой ничуть не опереточной организации и ходили через границу, в чем им старательно помогали разведки стран Прибалтики, Румынии, Польши, Финляндии, разумеется, не из сентиментальных побуждений: спецслужбы давали оружие, деньги, обес-

печивали «окна» на границе, а «ходоки» исправно таскали хозяевам всю разведывательную информацию, какую только удавалось собрать. Сами себя они, конечно же, называли не наемниками, а «идейными борцами с большевизмом».

Краткий перечень их наиболее известных дел, описанных в открытой печати.

7 июня 1927 г. бросили гранату в зал Ленинградского партклуба на Мойке, где, вопреки названию, не Маркса зубрили, а в тот день слушали лекцию об американском неореализме. Ранено 26 человек, из них 14 – тяжело.

Примерно в те же дни небезызвестная Мария Захарченко пыталась взорвать общежитие ГПУ на Малой Лубянке. Отрываясь от погони, застрелила случайного встречного.

Летом 1928 г. бросили бомбу в бюро пропусков ОГПУ.

В том же году – неудачные покушения на Бухарина, Крыленко, попытка взорвать здание МОПР.

О железнодорожной катастрофе, в результате которой погиб высокопоставленный чекист Опанский, я уже писал.

И это – только *известные* случаи. Не счесть массы инцидентов помельче, когда боевики гибли в перестрелках или, не прорвавшись в СССР, возвращались.

В ноябре 1931 г. только расторопность чекистов предотвратила выстрел в Сталина. В Москву прибыл нелегально бывший белый офицер, а ныне агент английской разведки и, проходя с хозяином явочной квартиры по Ильинке, буквально нос к носу столкнулся со Сталиным. Сделал попытку выхватить пистолет, но хозяин

явки (сотрудник ОГПУ) схватил его за руку, утащил в подворотню, на ходу придумав что-то убедительное.

Только после этого Политбюро обязало прекратить «пешие хождения т. Сталина по Москве». До этого Сталин не в бронированном лимузине проносился по улицам, а ходил пешком в сопровождении минимума охраны...

Летом 1934 г. в Ленинградской области устроили облаву на двух проникших в северную столицу боевиков РОВСа. По воспоминаниям участников, им объявили, что террористы «заброшены в Ленинград убить Кирова, а на его похоронах совершить теракт против Сталина». Неизвестно, насколько это соответствовало действительности, но по тревоге подняли четыре тысячи сотрудников НКВД, а руководили облавой высокие чины вроде Фриновского...

И тянулось это чуть ли не до начала Отечественной войны. Подполковник Зуев, четырежды «ходивший» в Советскую Россию, последний рейс совершил в 1938 г.

Еще одной диверсионно-террористической организацией был «Народно-трудовой союз нового поколения» (НТС), созданный в 1930 г. О них мало что известно, но *лезли* они в СССР активнейшим образом. Вообще-то, в 1933 г. руководство НТС формально отказалось от террора – но в обращении по этому поводу оно заявило, в частности: «Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в совхозах»...

Выходит, *прежде* все же убивали и поджигали?

А были еще и русские фашисты на Дальнем Востоке, тоже не романтики. Эти были тесно связаны с япон-

ской и маньчжурской разведками, так что направление их деятельности понятно и без долгих разъяснений: так и перли через границу с маузерами под полой...

Между прочим, мне доводилось слышать от ветеранов НКВД интересное объяснение создания Еврейской автономной области именно в месте ее нынешней дислокации. Суть в том, говорили старики, что по другую сторону границы, как раз напротив Биробиджана, были самые крупные поселения казаков-белоэмигрантов. Расчет был практический: кто-кто, а уж евреи симпатии к казачне не питают, и лучше других смогут удержать границу на замке. Не знаю, сколько здесь правды, но это гораздо более убедительная версия, нежели болтовня о мнимом сталинском антисемитизме...

После всего, что изложено выше, совершенно другими глазами смотришь, к примеру, на вроде бы веселый и беззаботный роман «Двенадцать стульев». Как раз в 1927 г. Остап Бендер, представившись посланцем за границы, выудил изрядную сумму у обрадованных «бывших», посулив им немаленькие посты в случае успешного переворота. «Эмиссар эмигрантского центра», конечно, оказался липовым, но сотрудничали-то с ним *всерьез!* И переворота ждали на полном серьезе! Представьте, что началась война, вторглись эмигранты, и дурашливые на первый взгляд сообщники Бендера на самом деле становятся кто городским головой, кто полицмейстером...

Ох, они бы вешали! Как делали это позже, при гитлеровцах, всплыв в облике бургомистров и полицаев...

Было в те годы в стране белогвардейское подполье, было! И многие тысячи людей, готовые «в случае чего»

моментально примкнуть. Пресловутые «гвозди в масле» действительно были. И хорошо еще, если только гвозди...

Вот, кстати, в 1930 г. в СССР были арестованы четверо пришедших из-за кордона офицеров – не прохиндеи вроде Бендера, а настоящие посланцы зарубежного монархического центра. Прибыли они, чтобы создать не просто подпольный «Союз меча и орала», а боевую организацию с самыми серьезными задачами. Господ Шиллера, Гейера, Федорова и Карташова сцапали вовремя.

А если бы не сцапали?

Какие-то смутные ассоциации при работе над этой главой стали всплывать у меня в голове. Вспомнив, в конце концов, в чем тут дело, я не без труда откопал в своей библиотеке любимейшее в первом классе чтение – книгу Б. Рябина «Мои друзья», из-за которой, вполне возможно, и стал заядлым собачником.

Вот только теперь я перечитал кое-какие места уже совершенно другими глазами – те, где Рябинин подробно рассказывает, какие задачи тогда решали служебные собаки, кроме окарауливания объектов.

Динамитный патрон в куче угля, которую вот-вот должны загрузить в домну (собака вовремя унюхала). Поиски манометра, который кто-то украдкой свинтил, парализовав тем самым работу важного цеха. Овчарка идет по следу трех террористов, стрелявших в секретаря райкома. Украли колхозный скот, чтобы перегнать за границу... Это – те самые годы! Это война!

А «замаскированные враги» – вовсе не сталинская придумка. Они были. Они действовали.

Вот парочка примечательных случаев.

Полковник-латыш Эрдман, один из руководителей савинковского «Союза защиты родины и свободы», под видом решившего перейти к большевикам «прозревшего» вожака анархистов по фамилии Бирзе, ухитрился в тогдашней неразберихе втереться в доверие не к мелкой сошке – к самому Дзержинскому. Тот назначил Бирзе представителем ВЧК в Разведупре. И уж Эрдман там наработал... Впоследствии оказалось, что именно он приложил руку к мятежу бывшего подполковника Муравьева на Волге, расколу меж большевиками и левыми эсерами, да вдобавок немало *намутил* в самой большевистской партии, сталкивая лбами ленинских сторонников и «левых коммунистов» Бухарина. И развлекался так два года, с восемнадцатого по двадцатый, когда его, наконец, вычислили и повязали.

И что же, он один был такой? А ведь наверняка кто-то ему подобный так и не попался...

Второй случай. В 1934 г. сотрудники ОГПУ вовсю разрабатывали имевшийся в наркомате иностранных дел тайный кружок... нет, не шпионов, всего-навсего гомосексуалистов. Спецслужбу заботила не сексуальная ориентация дипломатов сама по себе, а вопросы более насущные: известно, что чиновник с такими наклонностями – удачный объект для шантажа и вербовки (из-за чего в том же ЦРУ до самого последнего момента «голубков» и на порог не пускали). На допрос вызвали заведующего протокольной частью НКВД Флоринского.

Спрашивали его о делах сугубо сексуальных, не касаясь ничего другого. Не собирались не только арестовывать, но даже задерживать. Но нервы у «пра-ативного», должно быть, оказались в расстроенном состо-

янии. Он внезапно, без всякой связи с темой беседы, настрочил письменное заявление, в котором признавался... что еще в 1918 г. был завербован в шпионы секретарем германского посольства в Стокгольме.

Чекисты одурели настолько, что Флоринского все-таки отпустили с миром. Потом, правда, проверили по своей линии его показания. Все подтвердилось. Так что через несколько дней Флоринского пришлось все-таки брать, и уже не за сексуальные заморочки...

Тот же вопрос: он что, один такой уникальный? И сколько ему подобных агентов оказались крепче нервами и усердно работали? И сколько из них умудрились не провалиться?

Сохранились интереснейшие воспоминания работавшего в Советском Союзе по контракту американского инженера Джона Литлпейджа о том, с чем он столкнулся на Урале.

Эт-то, знаете ли... Никаких «чекистских вымыслов». На Кошбарских золотых рудниках то и дело в агрегатах дизельной электростанции находили не простой песок, а кварцевый, который мог попасть внутрь дизелей лишь в одном-единственном случае: если кто-то трудолюбиво снял защитный колпак и засыпал банку-другую. Американские рекомендации по эксплуатации месторождений либо не переводились на русский вообще, либо прятались подальше. «Методы разработки полезных ископаемых были с такой очевидностью неправильны, что студент-первокурсник горного института мог бы указать на большинство их ошибок». Литлпейдж предупреждает местных инженеров, что они используют при выработке руды на двух домнах негодные методы, но те его совершенно игно-

рируют, в результате чего большое количество медной руды идет не на выработку металла, а в потери. Более того, малость подучивший русский язык американец вдруг обнаруживает, что русский «менеджер» отдает рабочим указания, прямо противоположные распоряжениям Литлпейджа.

Первый секретарь тамошнего обкома Кабаков ведет себя предельно странно. Огромные суммы, которые ему выделены на эксплуатацию месторождений, по сути, выброшены на воздух. Комиссия, посланная все же Кабаковым после долгих настояний американца, не находит ни малейшего факта вредительства. Литлпейдж пишет прямо: «Я был уверен, что в политической организации Уральских гор что-то было неладно. Члены ее или проявили преступную небрежность, или явно участвовали в событиях, которые произошли на этих рудниках».

Так вот, в 1937 г. вся эта уральская шатия-братия была все же арестована. На допросах они признались, что с 1931 г. по тайному распоряжению Пятакова, одного из лидеров оппозиции Сталину, организовали на Урале саботаж.

Ну конечно же, их принято считать белыми и пушистыми, а все показания – «выбитыми»... Удивительно еще, как никто не додумался утверждать, что американский инженер Литлпэйдж был на самом деле чекистом Малопежиным и по заданию Сталина клеветал на «ленинских гвардейцев»...

Так уж принято в кругу антисталинистов – без малейшего рассмотрения вопроса объявлять невиновными всех и всякого. Логика проста: если Сталин их осудил – значит, они невиновны.

Вот, скажем, подпольная организация профессора Таганцева (по делу которой, в частности, был расстрелян Николай Гумилев). Принято считать, что никакой организации не было, что ее коварно придумали чекисты. Вот только в 1931 г. один из членов «несуществующей» организации, некто Сильверсман, сумевший скрыться за границу, *письменно* сообщал писателю Амфитеатрову (тоже эмигранту), что организация все же была и всерьез работала, что именно Гумилев его туда принимал. А умалчивал о том Сильверсман ранее исключительно потому, что не хотел лить воду на мельницу чекистов – пусть уж лучше эмигрантская общественность и далее остается в убеждении, что и в «деле Таганцева» чекисты «лгали, как всегда»...

Невиновными считаются и проходившие по «Шахтинскому делу» (Донбасс, 1928 г.). Подсудимые подробно и обстоятельно рассказывали, как по заданию бывших владельцев шахт вредили по мелочам, а иногда и по-крупному, – но Россия единственная страна, где верят не имеющимся документам, а нехитрому тезису: «Все, кого репрессировали при Сталине, невиновны», под который и подгоняется то, что принято именовать «аргументацией».

Почему такого не могло быть? А потому что! – отвечают нам антисталинисты. Ведь это же совершенно немыслимая и небывалая в мировой истории вещь: чтобы сидевшие в эмиграции бывшие шахтовладельцы оказались способны установить связь со своими бывшими инженерами! Это чересчур нереально! Наш, российский, человек попросту не способен по сути своей наладить связь с заграницей и вредительствовать за деньги!

Честное слово, примерно так и твердили...

Да, между прочим. Сохранилось свидетельство Бухарина, что именно он со своими сторонниками добился расстрела обвиняемых по «шахтинскому делу». Тиран Сталин стоял за тюремное заключение, но гуманисты во главе с Бухариным, имея большинство в Политбюро, «голоснули» за расстрел...

Группу видных аграрников, репрессированных в начале тридцатых по делу подпольной Трудовой крестьянской партии, тоже принято считать невиновными, а ТКП – вымышленной чекистами.

Но Трудовая крестьянская партия и в самом деле существовала! Она была основана за рубежом бывшими лидерами эсеровской партии Масловым, Аргуновым и Сорокиным, имела отделения во Франции, Югославии, Польше, Прибалтике, засылала в СССР агентов, поставляла нелегальную литературу. Одно время ОГПУ всерьез собиралось организовать похищение Маслова по примеру того, как это было проделано с лидерами РОВС Кутеповым и Миллером, а это уже *звоночек*: такие планы строились только в отношении врагов реальных, а не мнимых. Деникина, который ни в какие *акции* никогда не встречал, а мирно кропал себе мемуары на ферме, советская разведка в жизни не беспокоила – а зачем, собственно?

Одним словом, вопреки устоявшемуся мнению, в те годы в Советском Союзе действовали самые настоящие, а не липовые вредители, без всяких кавычек. Ситуация оставалась неясной (еще ничего не решено!), вполне серьезно рассчитывали, что «красных» все же удастся свалить. Слишком много «владельцев заводов, газет, пароходов» оказалось на Западе. И денежки у

них имелись, и желания вернуться на белых конях было хоть отбавляй, люди были еще не старые, кипевшие злобой и энтузиазмом.

И иностранных шпионов было до черта. Их опять-таки не выдумал создатель майора Пронина Лев Овалов, они существовали в самой подлинной реальности. Чего стоит один только процесс отделения английской фирмы «Виккерс» в 1933 г., когда немало агентов (как отечественного происхождения, так и чистокровных британцев), оказавшись под следствием, рассказали массу интересного об английском шпионаже в СССР – с именами и фактами, цифрами и подробностями...

Короче говоря, хаоса и разрухи уже не было – но на смену им пришли времена, мало чем отличавшиеся от настоящей войны. Боевики эмигрантских центров идут через границу косяками – с гранатами в карманах, трещат пожарища и гремят выстрелы, то и дело случаются вполне всамделишные диверсии, там и сям разоблачают не вымышленных, а натуральных вредителей, на границах, куда ни глянь, идут самые настоящие бои (к сведению: *последних* белобандитов в Якутии вывели только в 1940 г.!), в стране полным-полно людей, которые с нетерпением ждут падения кремлевских вождей, чтобы сбросить маску белых и пушистых, отплатить сполна за все пережитое...

И тут, извольте ли видеть, у капитанского мостика корабля, все еще плывущего в опасных водах, в грозе и буре, мимо невидимых в тумане рифов, мимо грозящих катастрофой мелей вдруг собирается кучка горластых крикунов, твердо считающая, что капитан идет неправильным курсом, не на шутку намеренная выр-

вать у него штурвал и рулить отныне самим, а если капитан не согласится или заартачится – выбросить его за борт ко всем чертям!

Г. Беседовский, сбежавший за границу советский дипломат, один из сторонников превращения партии в шумный «клуб по интересам», где занимаются исключительно болтологией, так и пишет в своей книге: «Важно было сдвинуть застоявшееся партийное болото. Важно было дать толчок... ось вопроса в этом: в свободе фракционных группировок внутри партии. Это была единственная гарантия полнокровной политической жизни в стране и дальнейшей ее хозяйственной и политической эволюции в сторону демократизма. В Москве я увидел многочисленные кадры партийной молодежи, особенно в вузах, которые горели желанием начать драку, и мне казалось, что я стою уже перед кануном рождения новой советской демократии».

Это написано о конце двадцатых. Нет, ну самое время! Только одного стране не хватало в дополнение ко всем прочим нешуточным проблемам и напастям: многолюдного, шумного, непрерывного митинга на капитанском мостике идущего сквозь бурю корабля! Как будто мало было времен Керенского, как будто они никого ничему не научили!

Но ведь действительно получалось, что – не научили... Иначе почему «партийная молодежь» все же начала упоенную драку вокруг штурвала?

А она начала! И в воздухе вновь запахло кровью!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРОВЬ АЛАЯ!

1. Толкотня у штурвала

Я не буду подробно излагать многолетнюю историю борьбы оппозиции со Сталиным: на эту тему и без меня написаны толстые и обстоятельные книги. Я всего-навсего излагаю свое понимание времени и людей.

А выглядело это просто (как на заборе!): целая куча народу, тех самых «тонкошеих вождей», считала, что Сталин рулит страной абсолютно неправильно. Что он строит нечто совершенно не то. Отсюда автоматически проистекал вывод: сами они смогут рулить гораздо лучше. И строить будут *правильное*. Одними двигала молодая запальчивость, другими – гораздо более приземленные чувства: тяга к власти (не у Сталина, а у *этих!*), обычный житейский эгоизм, толкавший вскарабкаться повыше, коли уж *есть* возможность.

Иные, впрочем, искренне верили в догму. Фанатики мировой революции и схожих утопий. По-моему, они-то и были опаснее всего. Молодого бузотера иногда можно убедить, переубедить, вразумить. Циника,

властолюбца, интригана сплошь и рядом можно примитивно купить. Но ничего невозможно сделать с фанатиком, все на свете рассматривающим исключительно в черно-белых тонах: логическим аргументам он не поддается, денег не берет, к убеждениям глух.

В 1930 г., уже в эмиграции, Троцкий в своем знаменитом «Открытом письме» требовал, чтобы Красная армия немедленно... осуществила вооруженное вторжение в Германию, чтобы предотвратить победу Гитлера на выборах в рейхстаг.

Вы полагаете, это лечится? Думаете, можно переубедить?

И Сталина, без всяких преувеличений, *потащили* за рукава с капитанского мостика!

Повсюду, куда ни плюнь, на всех серьезных и ответственных постах сидели яркие индивидуальности, считавшие себя выше законов, правил, установлений и партийной дисциплины, — та самая «ленинская гвардия», а проще, махновщина...

Вот колоритный пример. Антонов-Овсеенко, тот, что арестовывал в Зимнем кучку хныкавших от страха министров Временного правительства. В 1923 г. в партии завязалась одна из первых *заварушек*. Троцкий выступил с письмом к партийным организациям, озаглавленным «Новый курс», таким манифестом своей группы, который обсуждали на срочно созванной партконференции. Антонов-Овсеенко по этому поводу *накатал* заявление в Политбюро, где возмущался нападками на Троцкого. И, в частности, писал: «Знаю, что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего

впечатления. Но знайте – этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции. Эти партийные молчаливники возвышают свой голос только тогда, когда сознают явную опасность для всей партии. Они никогда не будут молчаливниками, царедворцами партийных иерархов. И их голос когда-нибудь призовет к порядку зарвавшихся "вождей" так, что они его услышат, даже несмотря на свою крайнюю фракционную глухоту».

Казалось бы, ничего страшного – человек высказал свое мнение... Если не знать, какой пост этот человек занимает! Антонов-Овсеенко – начальник политического управления Реввоенсовета республики! Большевик номер один в Красной армии. С учетом этого немаловажного обстоятельства письмо приобретает совершенно иной характер – это, без натяжек, неприкрытая угроза: у Политбюро, мол, одно мнение, а у армии совершенно другое, и это следует учесть...

И письмо это, между прочим, – лишь ответный ход в уже начавшейся борьбе. Незадолго до этого Антонов-Овсеенко самочинно, своей немаленькой властью, направил в армейские парторганизации циркуляр, где предписывал, ни много ни мало, изменить систему партийно-политических органов Красной армии на основе положений «Нового курса»!

Это было совершеннейшее самодурство, абсолютно противоречившее тогдашним правилам. Антонов не имел на такое решение никакого права. С его стороны это был тот самый произвол, в котором принято обвинять одного Сталина...

Наше личное отношение к большевикам и Советской власти тут ни при чем. Были определенные правила, которым просто обязан был следовать член партии, обладатель немаленького поста в системе политической власти...

Политбюро, естественно, приказало циркуляр отменить. Тогда Антонов-Овсеенко и написал это письмо. А чуть позже заявил, что Красная армия «как один человек» выступит за Троцкого. Попахивало военным переворотом...

Ситуация накалилась до предела. Зиновьев требовал немедленного ареста Троцкого. О перевороте в Москве заговорили всерьез...

В столицу срочно прибыл командующий Западным фронтом Тухачевский и, по сохранившимся сведениям, категорически отказался участвовать в каких бы то ни было военных акциях в поддержку Троцкого. Хотя он был именно выдвигенцем Льва Давидовича, у «красного Бонапарта» были в данном случае свои, насквозь эгоистические соображения. Он как раз готовился наступать на Варшаву, а оттуда на Германию, чтобы «раздуть мировой пожар», а возможная заварушка грозила отложить это предприятие на неопределенный срок. Понятно, что Тухачевский предпочел будущие лавры вождя подобного «великого революционного похода» закулисным политическим играм, пусть даже речь шла о судьбе его покровителя Троцкого...

Не получилось ни переворота, ни противостояния. Тухачевский уехал в войска, сторонник Троцкого Муралов, командующий Московским военным округом, в таких условиях дергаться в одиночку не рискнул. Сталин задал с трибуны резонный вопрос: «Существует

ли ЦК, единоголосные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, которому законы не писаны?»

Троцкого основательно прищемили. Сняли с поста Антонова-Овсеенко, чтобы не корчил из себя означенного «сверхчеловека», сняли с зампредов Реввоенсовета сторонника Троцкого, Склянского, заменив его Фрунзе, а чуть погодя Фрунзе назначили уже на место Троцкого...

Что, кстати, полностью опровергает сплетни о том, что Фрунзе «убрал Сталин», якобы поручив врачам его «зарезать». Во-первых, Фрунзе умер по вполне естественным причинам: у него оказалась непереносимость наркоза (подобные случаи не редкость даже теперь); во-вторых, Сталину его смерть была категорически невыгодна: ему-то как раз необходим был на этом посту противник Троцкого, каким Фрунзе и был...

Потому что они относились друг к другу, как кошка с собакой: еще в 1920 г. Троцкий обвинял Фрунзе в грабежах и «бонапартизме» (как считают историки, совершенно безосновательно) и пытался даже добиться его ареста. А впрочем, это началось еще в восемнадцатом, когда Фрунзе был среди тех, кто выступал против Ленина и Троцкого в дискуссии о Брестском мире...

Одним словом, Фрунзе если и не был близок к Сталину, то уж, безусловно, смотрелся вполне приемлемым его союзником. И Сталин – последний, кому была выгодна эта смерть...

Хотя она, как говорилось, вызвана вполне естественными причинами (ну не знали тогда врачи, что

адреналин в сочетании с хлороформом вызывает остановку сердца! Потому и вкололи его Фрунзе на операционном столе).

И все же, все же... Есть еще две крайне загадочные автомобильные катастрофы, в которые Фрунзе ухитрился попасть на протяжении одного-единственного лета. И есть намерение Фрунзе взять к себе в заместители по Реввоенсовету Григория Котовского...

А вот *Котовский* уже – сослуживец и боевой товарищ Сталина, Буденного и Ворошилова по польской кампании. С тремя вышеназванными он поддерживал неплохие отношения, а Троцкого терпеть не мог. Он командовал крупной кавалерийской частью, готовой за ним пойти в огонь и в воду...

Короче говоря, в Реввоенсовете на глазах складывалась группа высших руководителей, как один настроенных против Троцкого.

И тут Котовского убивают. *Вроде бы* сделал это некий экс-владелец публичного дома, служивший у Котовского на хозяйственной должности. Говорю «вроде бы», потому что самого убийства никто не видел; видели лишь, как появился этот тип, Зайдер, в расстроенном состоянии нервов и с наганом в руке, лепеча, что только что убил Котовского по каким-то сугубо личным причинам, то ли из-за женщины, то ли спьяну...

История чрезвычайно темная. Зайдеру за убийство героя Гражданской войны, видного военачальника, дали только десять лет тюрьмы, из которых он отсидел всего два... Фрунзе (видимо, не доверяя Особому отделу ГПУ) затребовал к себе документы как по расследованию убийства, так и по самому Зайдеру. Тут-то его и уговорили со страшной силой лечь на опера-

цию. Темная, одним словом, история. Результат ее, по крайней мере, ясен: в одночасье исчезла начавшаяся было складываться группа антитроцкистских руководителей Реввоенсовета...

И это еще не все. Черная кошка давным-давно пробежала меж Котовским и Тухачевским. Именно Котовский в свое время прикрывал кавалерией паническое бегство из-под Варшавы разгромленных частей Тухачевского и, как говорят, не раз потом комментировал вслух и этот бесславный драп, и личность «полководца» Тухачевского. Уже в 1936-м, во время съезда женкомсостава РККА (бывали и такие съезды), к вдове Котовского, по ее воспоминаниям, подошел Тухачевский и, «пристально глядя в глаза», зачем-то стал рассказывать, что в Варшаве только что вышла книга «какого-то польского офицера», который уверяет, что Котовского «убрала Советская власть»...

Ну и, наконец, после смерти Фрунзе и Котовского Тухачевский резко *рванул* вверх, став начальником Генштаба.

Вот такие тогда творились хитросплетения, которым каждый вправе давать свое толкование. Лично я не пытаюсь. Я просто с огромным подозрением отношусь к «случайным смертям» крупных руководителей, в особенности, когда они, как по волшебству, происходят в самые сложные моменты истории, посреди ожесточеннейшей борьбы за власть. Когда от этих «случайных смертей» кто-то другой (вот совпадение!) получает нешуточные выгоды и решает многие свои проблемы...

Еще о заговорах. Поскольку с момента октябрьского переворота прошло всего-то десять лет и главные

его инициаторы оставались живы-здоровы и при хороших должностях, ничего удивительного, что они всерьез готовились потряхнуть стариной: навыки-то остались!

А потому к десятилетию Октября сторонники Троцкого всерьез стали готовить военный переворот.

Это не сталинские вымыслы и не фантазии следователей-костоломов. Уже после смерти Сталина (что придает свидетельствам особую достоверность) уцелевшие сторонники Троцкого, в свое время стоявшие близко к «демону революции», рассказывали: командующий войсками Московского военного округа Муралов и другие командиры предлагали Троцкому уже вскоре после смерти Ленина устроить переворот, арестовать Сталина, Зиновьева, Каменева, их наиболее видных сторонников, объявить их изменниками революции, а во главе партии и государства поставить Троцкого.

Троцкий отказался. В двадцать седьмом эта идея возникла вновь. Тогда как раз ОГПУ обнаружило в Москве подпольную типографию, устроенную троцкистами. И в показаниях одного из арестованных мелькнуло: «В военных кругах существует движение, во главе которого стоят гг. Троцкий и Каменев... о том, что организация предполагает совершить переворот, не говорилось, но это само собой подразумевалось».

Все это было весьма серьезно, потому что троцкисты обладали немаленьким влиянием в армии, люди поголовно были решительные и энергичные...

Однако никакого переворота так и не произошло. Были отдельные выступления троцкистов, но без участия армии. Напоминало все это жаркую потасовку из

немых фильмов Чарли Чаплина: троцкисты кое-где вздымали на балконах портреты своего кумира, вопя что-то вроде: «Слава генералиссимусу Галактики товарищу Троцкому!», а сталинцы снизу увлеченно пуляли в них старыми галошами и прочим хламом, подвернувшимся под руку. В конце концов, как в анекдоте, пришла милиция и разогнала всех к чертовой матери...

Правда, сохранились свидетельства, что в Ленинграде кое-кто из военных-троцкистов попробовал все же по собственной инициативе *рыпнуться*, но будущий маршал Шапошников, занимавший тогда немаленький пост в Ленинградском военном округе, вывел на улицы броневики – самое страшное оружие того времени (тогдашние маломощные гранаты, осколочные, на броневик не оказывали особенного действия, его можно было взять только пушкой, а пушек и не оказалось).

Намечался переворот, чего уж там... В связи с той же типографией Политбюро разослало партийным организациям извещение, в котором говорилось: «Часть арестованных беспартийных действительно связана с некоторыми лицами из военной среды, помышляющими о военном перевороте в СССР по типу переворота Пилсудского».

Главная причина провала задуманного путча покажется неправдоподобной: он так и не перерос в нечто серьезное оттого, что его вновь отказался возглавить... сам Троцкий! А без одобрения вождя, понятное дело, все обернулось хаотической чередой мелких инцидентов...

Мне в свое время пришлось немало поломать голову над этой «загадкой Троцкого»: почему Лев Давидо-

вич, человек умнейший, энергичнейший и жестокий, так просто *сдался*? Почему не попытался взять власть, когда к тому были реальнейшие шансы? Когда Красная армия, по сути, еще в значительной степени оставалась *его* армией? Почему он даже не попытался бороться в Политбюро, где не появлялся *месяцами*, а когда все же приходил, то демонстративно читал французские романы, не интересуясь происходящим?

Это неправильно, противостоит даже...

И только потом я понял: чтобы отыскать разгадку, нужно покопаться в воспоминаниях тех, кто Троцкого хорошо знал по совместной работе. Только там можно попытаться найти ключик.

Статья Радека о Троцком – скучный панегирик, и не более того. Зато у Луначарского...

«В нем нет ни капли тщеславия, он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властью; ему бесконечно дорога, и в этом он честолюбив, его историческая роль... Троцкий чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них – жертвы своей жизнью для того, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя».

И я понял, что отыскал ключ. Эти слова Луначарского прекрасно *ложались* на биографию Троцкого вплоть до смерти, великолепно сочетались с тем, что писал он сам...

Теперь можно было с уверенностью сказать: Троцкий не боролся за утраченные политические позиции и отказался от переворота именно оттого, что пост

предводителя военно-партийной хунты, пришедшей к власти на штыках, нисколько не сочетался с его собственным представлением о себе как о «трагическом революционном вожде». Для той самой «исторической роли» это было чересчур *мелко...*

Сталин тогда же не без иронии говорил: «Почему Троцкому не удалось "захватить" власть в партии, обратиться к руководству в партии? Чем это объяснить? Разве у Троцкого нет воли, желания к руководству?.. Разве он менее крупный оратор, чем нынешние лидеры нашей партии? Не вернее ли будет сказать, что как оратор Троцкий стоит выше многих нынешних лидеров нашей партии? Чем объяснить в таком случае, что Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его волю к руководству, несмотря на его способности, оказался отброшенным от руководства великой партии, называемой ВКП(б)?» (Речь на объединенном заседании президиума и исполкома Коминтерна 27 сентября 1927 г. И. В. Сталин, Собр. соч. Т. 10, С. 159).

И сам же давал ответ: «Троцкий склонен объяснять это тем, что наша партия, по его мнению, является голосующей барантой (стадо овец. – А. Б.), слепо идущей за ЦК партии. Но так могут говорить о нашей партии только люди, презирающие ее и считающие ее чернью. Это есть взгляд захудалого партийного аристократа на партию как на голосующую баранту. Это есть признак того, что Троцкий потерял чутье партийности, потерял способность разглядеть действительные причины недоверия партии к оппозиции...»

В самом деле, самые разные источники единодушно отмечают фантастическое, носившее характер ма-

нии высокомерие Троцкого и его несказанное презрение к «толпе». Из кого бы она ни состояла. Троцкий презирал всех и вся – и противников, и преданных сторонников, которых сплошь и рядом равнодушно бросал на произвол судьбы во время острых партийных схваток. Презирал и товарищей по партии, и тех еврейских интеллигентов, что сглуха считали его вождем «красного иудаизма». Для Троцкого не существовало ни национальностей, ни *равных* ему фигур. Был только он, один, великий вождь на недоступной вершине.

Ни малейшего уважения к чужому мнению. Ни малейшего уважения к проявлениям инакомыслия. Ни малейшей тяги прислушаться к умным советам, даже если они исходили от преданнейших людей...

Тот самый Пестковский, что создавал для Сталина Наркомнац, вспоминал: Сталин всегда был готов выслушивать на коллегиях наркоматов самые разные мнения, даже идущие вразрез с его собственным. Троцкий, по убеждению Пестковского, разогнал бы такие коллегии за пару дней.

Так что для Троцкого участвовать в военном перевороте означало бы *опуститься* на уровень мелких людишек, которых «трагический вождь» презирал...

Вот и кончилось тем, что его в конце концов агенты ОГПУ на руках вытащили на улицу, запихнули в машину и отправили в ссылку. Сын Троцкого, Лев Седов, метался по улице и орал:

– Троцкого выносят, товарищи! Троцкого выносят!
Народ безмолвствовал...

Сталин победил Троцкого не страхом: в 1927 г. у него просто не было технической возможности диктаторски пугать. От Троцкого отвернулась партия...

Как отворачивалась она и от прочих оппозиционеров на протяжении следующих девяти лет. Сталина пытались тащить с капитанского мостика. Создавали «блоки» и «платформы», собирались на тайные заседания (в том числе и в пещерах под Кисловодском, за что были прозваны «троглодитами»), выпускали «Слова к народу», манифесты, листовки, заявления и печатные обличения...

Выведенный из себя Сталин *трижды* просил об отставке со всех постов – 19 августа 1924 г., 27 декабря 1926 г., 19 декабря 1927 г., однажды не без иронии предлагая отправить его на работу в Туруханский край, где отбывал ссылку.

Его все три раза *не отпустили*. Причины, как сто раз говорилось, не в его интригах и не в страхе перед ним: просто-напросто партийное большинство признавало своим капитаном только Сталина и никого другого не хотело. Вот где истина, одна-единственная, а все остальное – недалекая болтовня!

А оппозиция не унималась...

И оппозиционеры, на словах ратуя за партийную демократию и уважение к чужому мнению, на деле попросту *били!*

На ленинградской табачной фабрике (декабрь 1925 г.) собрались сторонники «линии Сталина» под председательством С. А. Туровского. Ворвались оппозиционеры под командой бывшего эсера Баранова, собрание разогнали, а Туровского избили рукояткой нагана...

Там же, в Ленинграде, на заводе «Красный треугольник» на собрание коммунистов не пустили старую большевичку Женю Егорову, твердую сторонницу Сталина. Со злости она побила окна в проходной.

Тогда ее немилосердно отколошматили. «Так меня даже жандармы не били», – писала она Сталину.

1927 г., Ленинград, известные беспорядки во время празднования десятой годовщины Октября. Милиционеры задержали кого-то из троцкистов, но набежала со всех сторон группа его единомышленников и под прицелом револьверов заставила милицию «пленного» отпустить (в те времена практически каждый партиец совершенно законно таскал в кармане пистолет).

И таких примеров множество.

А ведь оппозиционеров *подпирала* армия! Единомышленники в немалых чинах!

Здесь и Яша Охотников: о том, как он, залезши на Мавзолей, грохнул Сталина кулаком по затылку, подробно писал В. Суворов. Здесь и Примаков, казак лихой: этот, недовольный тем, что на петлицах у него всего три генеральских ромба, сам себе присобачил на воротник четвертый и в таком виде ходил не перед девками красоваться, а в официальные учреждения визиты наносил, перед Сталиным щеголял.

Здесь и комбриг Шмидт, который прямо на съезде партии (хорошо хоть не в зале, а в коридоре) принародно ругал Сталина последними словами и, хватаясь за саблю, грозил «уши отрезать».

Кстати, описавший эту историю В. Суворов зря называет саблю Шмидта «воображаемой». По свидетельству старого приятеля Шмидта, невозвращенца Бармина, автора книги с многозначительным названием «Соколы Троцкого», сабля в тот момент у Шмидта висела на боку не воображаемая, а самая настоящая...

А вот что пишет об этом махновце тот же Бармин, учившийся с ним в Академии Генерального штаба.

«На вступительных экзаменах Шмидт был трогательно беспомощен... Прихрамывая, со своей огромной саблей на боку, он медленно подошел к столу.

– Назовите годы правления Петра Второго, – попросили его.

– Не имею представления, – сухо ответил он.

– Назовите войны Екатерины Второй.

– Я их не знаю.

Генералы переглянулись между собой, и Мартынов повторил вопрос:

– Назовите нам годы правления Екатерины Великой и год ее смерти.

– Меня тогда не было на свете, и это меня не интересует.

...Это взорвало Мартынова:

– Господа, это недопустимо! Я отказываюсь экзаменовывать далее этого кандидата.

Тут вмешался комиссар академии, и этот замечательный кавалерист был принят при условии, что он пообещает сдать экзамен позже, когда у него будет больше времени на изучение истории, что практически означало – никогда».

Понимаете? Вот *такими* были уничтоженные Сталиным «выдающиеся командиры»! Бармин пишет далее, что Шмидт «...проучился в академии два года, и это были годы упорных занятий». Но в это плохо верится. Человек с нулевым практически уровнем знаний (правда, лихо махавший шашкой в годы гражданской) за два года не достигнет особенных высот...

Вот *так* принимали в Академию Генштаба «выдающихся командиров»: комиссар кивнул благосклон-

но, и стал «академиком» совершеннейший невежда. Склонный к тому же решать проблемы совершенно гангстерскими методами: после окончания академии Шмидт служил в Минске, там кто-то из старших офицеров как-то оскорбил его жену, и Шмидт, «всадив пулю в живот обидчику, спустил его с лестницы. Обидчик выжил, и дело замяли».

Кто-нибудь всерьез верит, что эти ребятки собирались бороться со Сталиным цивилизованными, парламентскими методами?

А давайте-ка присмотримся поближе и к ним самим, и к тому, что они, не скрывая, говорили вслух и писали в своих манифестах...

2. Белые, пушистые, душевные...

Хорошо живется на белом свете В. А. Лисичкину, «действительному члену четырех российских и пяти международных академий наук, генерал-лейтенанту казачьих войск» и его соавтору и профессору Л. А. Шелепину. Легко им на этом свете живется. Ах, как я завидую обладателям подобного по-детски незамутненного взгляда на мир... Ведь именно эта парочка в своей очередной книге объясняет террор 1937 г. ... «максимумом солнечной активности, который в среднем резко увеличивает возбуждение людей». Возьмите указанную в библиографии книгу, загляните на стр. 76: так и написано...

Не обладая столь фундаментальными познаниями касательно солнечной активности, я стараюсь применять другие методы. И предлагать более простые объясне-

ния. Ну например: если мы рассмотрим ангелов кротости, оппозиционеров, поближе, то придется согласиться, что с их белоснежными крылышками что-то определенно не в порядке...

Вот любимец партии Бухарин, он же Коля Балаболкин. Мастер по любому вопросу болтать до посинения, менять точку зрения по десять раз на дню, интриговать и предавать, лить истерические слезы. Единственное его практическое достижение – умение за-таскивать в постель юных красоточек. Как мужик, я его понимаю, но, воля ваша, для любимца партии что-то маловато.

А уж гуманизма-то! Из ушей хлещет...

Вот его высказывание о дочерях Николая II: «В свое время были немножко перестреляны, отжили за ненужностью свой век».

Вот мнение о революции вообще: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит».

Именно он, как уже упоминалось, добился расстрела подсудимых по «шахтинскому делу». Именно он на VII Всесоюзном съезде Советов с пеной у рта протестовал против предложения Молотова предоставлять избирательное право всем без исключения гражданам (напомню, что существовала тогда масса категорий так называемых «лишенцев» – дворянских детей, кулацких и т. д. Лишение избирательных прав было не просто досадным ограничением – оно автоматически влекло за собой немало других ограничений, превращая человека в подобие парии).

«Что расстреляли собак – страшно рад». Это он уже из тюрьмы пишет Сталину о казни своих старых партийных товарищей Зиновьева с Каменевым. Самое

жуткое – у меня осталось впечатление, что он в данный момент не кривит душой, не пытается к Сталину подлизаться, а *действительно* так думает. Поскольку в этом весь Бухарин: сегодня он думает так, а завтра – совершенно иначе, сегодня он пропагандирует одно, а завтра – совершенно другое. Чего он хочет, он сам толком не знает. Одно остается неизменным: расстреливать, расстреливать и еще раз расстреливать! Всех, кто ему не по нраву или мешает на бухаринский лад строить светлое будущее. Самый страшный вид садиста – человек, который самолично никого в жизни не убил и даже не ударил, но ради торжества своих идей готов без малейших угрызений совести лицезреть виселицы от горизонта до горизонта...

«Коба! Все мои мечты последнего времени шли только к тому, чтобы прилепиться к руководству, к тебе, в частности. Чтобы можно было работать в полную силу, целиком подчиняясь твоему совету, указаниям, требованиям. Я видел, как дух Ильича почует на тебе».

Это он пишет Сталину из тюрьмы, цепляясь за жизнь и наивно полагая, что все как-то само собой наладится. Вот только что должен думать о нем Сталин, получив очередное письмо?

«Больше всего меня угнетает такой факт. Летом 1928 года, когда я был у тебя, ты мне говорил: знаешь, почему я с тобой дружу? Ты ведь не способен на интригу? Я говорю – да. А в это время я бегал к Каменеву».

Такие дела. Сталин в крайне тяжелую годину совершенно искренне считал Бухарина своим другом, не способным на предательство. А тот в это время не про-

сто «бегал» к Каменеву: это Коля так уклончиво выражается о посиделках, на которых вместе с Каменевым строил планы свержения «друга»...

Были у Бухарина шансы после такого остаться в живых? Ни малейших. В столь тяжелые времена от субъектов, подобных Бухарину, следует избавляться в первую очередь потому, что они предают и интригуют с какой-то *животной* легкостью и непосредственностью, как бабочка садится на цветок. Очень уж тяжелые были времена, чтобы *таких* миловать...

Сам Бухарин писал в «классическом труде» «Экономика переходного периода»: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Вот и взяли *исполнители* человеческий материал и выработали из него коммунистического человека...

А как насчет других оппозиционеров? Никто не расскажет о методах, которыми они собирались бороться со Сталиным, лучше их же самих.

Еще на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) Лев Давидович объяснял во всеуслышание, что он со своими сторонниками будет делать, когда захватит власть: расстреляет «эту тупую банду бюрократов, предавших революцию. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но не смеете. А мы посмеем».

В устах ничтожества вроде Бухарина такое заявление еще можно было бы считать красивой фигурой речи, и не более того, но если вспомнить, сколько народу по приказу Троцкого перестреляли в реальности, смеяться как-то не хочется...

Все они не просто хотели *снять* Сталина – хотели убить!

Старый большевик Смирнов встречал единомышленников примечательной фразой о Сталине: «И как это по всей стране не найдется человека, который мог бы его убрать».

Позже, на следствии, его друзья заверяли, будто под «убрать» имелось в виду безобидное «сместить». Однако один из свидетелей этих разговоров и в 60-е годы, вопреки усилиям хрущевских «реабилитаторов», стоял на своем: по его твердому убеждению, *тогда* слово «убрать» однозначно расценивалось как «убить»...

Итальянский исследователь Джузеппе Боффа: «Бухарин доверительно сказал своему другу, швейцарскому коммунисту и секретарю Коминтерна Жюлю Эмбер-Дро, что он готов пойти на блок со старыми оппозиционерами и согласился бы даже на использование против Сталина террористических методов».

Мартемьян Рютин, 1932 г.: «Было бы непростительным ребячеством тешить себя тем, что эта клика (Сталин и его сторонники. – А. Б.), обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно... силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма...»

Троцкий, «Бюллетень оппозиции» (1932 г.): «Сталин завел вас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину. Надо – убрать Сталина».

В том же тридцать втором на квартирах троцкистов Марецкого и Астрова прошли нелегальные «конференции» правых. Уже после XX съезда Астров признавался, что там, в числе прочего, обсуждалось, как «убрать силой» Сталина.

1938 г. Донесение из Парижа агента НКВД Збровского, внедренного в ближайшее окружение сына Троцкого Льва Седова: «22 января Л. Седов у "Мака" на квартире по вопросу о 2-м московском процессе и роли в нем отдельных подсудимых (Радека, Пятакова и других) заявил: "Теперь колебаться нечего. Сталина нужно убить"».

Спустя месяц – очередное донесение: «Во время чтения газеты он сказал: "Весь режим в СССР держится на Сталине, и достаточно его убить, чтобы все развалилось". Он неоднократно возвращался и подчеркивал необходимость убийства тов. Сталина. В связи с этим разговором "Сынок" спросил меня, боюсь ли я смерти вообще и способен ли был совершить террористический акт».

Одним словом:

*Троцкий-сын к отцу пришел,
И спросила кроха:
«Папа, Сталина б убить?»
Тот сказал: «Неплохо...»*

А если серьезно, то пример Троцкий-младший брал, конечно же, с папеньки. Тот писал не раз и откровенно, что Сталина нужно устранить. Достаточно прочитать его самый радикальный антисталинский документ – открытое письмо от 11 мая 1940 г., прямой призыв к восстанию и устранению «Каина Сталина и его камарильи».

«Подозрительность» Сталина развилась не на пустом месте. Наверняка этому способствовала и история с Романом Малиновским, и царицынские события, и внезапно открывшаяся правда о «друге» Буха-

рине. Тем более, что удара можно было ждать в самый неожиданный момент и с любой стороны.

Осень 1928 г. На даче Сталина в Сочи отмечали чей-то день рождения. Готовили шашлык, выпили немало. И тут вдруг Томского, что называется, понесло. Наговорив Сталину уйму неприятных вещей, он закончил вовсе уж дружеским пожеланием:

– И на тебя пуля найдется!

Проще всего списать все на алкоголь, но не в тех непростых условиях, когда борьба шла не на жизнь, а на смерть... И ведь давно известно: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Как бы там ни было, но впоследствии Томский еще до наступления большого террора взял пистолет и шарахнул себе в висок...

Ну так как, похожи наши «ленинские гвардейцы» на белых и пушистых гуманистов?

Их нужно *понимать*!

«Дети XX съезда», ожесточенно защищая совершеннейшую невинность всевозможных деятелей оппозиции, приводят железный, по их мнению, аргумент: «Как могли ленинские гвардейцы бороться против своей родной Советской власти, против своей партии, против своей страны?»

Этот «аргумент» вдребезги рассыпается, стоит вспомнить, что противники Сталина вовсе не считали своим сложившийся порядок вещей! Они-то как раз считали чужим, неправильным и Сталина, и его курс, и власть, и внутреннюю политику, и внешнюю, и Политбюро... Они-то как раз собирались все это *сломать* и построить свое, правильное... А потому считали себя вправе использовать любые методы, вплоть до пули в спину...

Стоит только это осознать, как все мгновенно становится на свои места, обвинения больше не выглядят «надуманными», а показания – выбитыми.

3. Рыцари плаща и кинжала

Особо стоит подчеркнуть, что Сталин тогда нисколько не контролировал «органы». Никак нельзя сказать, что «его» конторами были и внешняя разведка, и внутренняя политическая полиция. Что касалось «органов», они были этакой вещью в себе...

ВЧК-ОГПУ добрых двадцать лет после революции ожесточеннейшим образом сопротивлялась любым попыткам наладить за ней минимальный контроль, неважно, наркомата юстиции, прокуратуры или партийных органов. Долгие годы это была сущая Запорожская сечь – собрание ярких индивидуальностей, матерых самостоятельных игроков, «черный ящик», наглухо закрытый для постороннего взгляда (в том числе и высшего руководства партии и страны).

Очень уж специфическая была контора, со странными, мягко скажем, нравами. Еще в двадцатые годы хладнокровнейшим образом товарищи чекисты расстреляли некоего извращенца, который в своем разложении дошел до того, что повадился воровать в столовой ВЧК не позолоченные, а *золотые* тарелки и вилки. Вот уж обормот, ничего святого! Из деликатности не будем уточнять, как получилось, что в столовой в массовом количестве завелась посуда из чистого золота...

И народец в этой конторе подобрался самый экзотический...

Кронштадтскую ЧК одно время возглавлял (а вовсе не «выдавал себя за ее начальника», как пишут благонамеренные советские историки) князь Андронников – одна из самых гнусно прославленных личностей последних лет монархии, педераст, германский агент и мошенник высшей пробы. Расстрелять его пришлось после того, как он *организовал* канал, по которому из страны за приличные суммы в твердой валюте отпускали восвояси «бывших». Злые языки твердили, что в доле были и люди повыше, но толком ничего не известно...

Ах, какие типажи!

Вот Сосновский, бывший польский разведчик, мало того, что перевербованный дзержинцами, но дослужившийся до заместителя Саратовского областного управления НКВД. То ли искренний «раскаянец», то ли двойной агент до последних дней жизни.

Вот швейцарский инженер Фраучи, более известный как товарищ Артузов. Тот самый, что провалил операцию «Трест», но об иных его «достижениях» – чуть погодя.

Вот его ближайший сотрудник – Роман Пилляр. Это – в просторечии. На самом деле – прибалтийский барон Ромуальдас Пилляр фон Пильхау. Кое-где об этом упоминается вскользь, сквозь зубы, и непременно добавляется, что происходит этот товарищ из обедневших, чуть ли не обнищавших дворян и, конечно же, «решительно порвал со своим классом».

Черт его ведает, как он там рвал. Но фактом является, что бароны были вовсе не обедневшие и уж никак не обнищавшие. Матушка Ромуальдаса-Романа, Софья Игнатьевна Пилляр фон Пильхау, не капустой торго-

вала с лотка, а была фрейлиной последней русской императрицы и пользовалась в Петербурге немалым влиянием. А вдобавок была она еще... родной сестрой матери «железного Феликса» Елены Игнатьевны, то бишь тетушкой Дзержинского.

А родственник товарища Пилляра, бывший офицер царской армии фон Пильхау, примерно в те же времена создавал в Германии так называемое «Русское объединенное народное движение»: белые рубашки, красные нарукавные повязки, на них – белая свастика в синем квадрате. Без ложной скромности фон Пильхау себя объявил «фюрером русского народа», а чтобы избежать ехидных вопросов по поводу не вполне славянской фамилии, принял более приличествующую случаю – Светозаров. Что ему, в общем, не помогло: гитлеровцы не пожелали иметь возле себя эдаких вот плагиаторов и «движение» быстренько разогнали, а «фюреру» велели сидеть тихо, пока ему ноги не переломали, и впредь так более не именоваться, потому что фюрер в Германии может быть только один...

Вот так примерно это и выглядело: самые причудливые переплетения дружеских и родственных связей, самый причудливый народец. Какие-то темные и мутные «иностранные коммунисты», авантюристы вообще непонятного происхождения, перекрасившиеся в «обнищавших» дворяне... Охраной Политбюро долгое время ведал бывший будапештский парикмахер, бывший австро-венгерский военнопленный Паукер. Расстрелян уже при Ежове как участник заговора против Сталина (иные историки всерьез подозревают, что заложила его супруга Анна, твердокаменная сталинистка).

Комбинации порой крутились такие, что дух захватывает – не от восхищения, от тягостного недоумения...

Будем знакомы: турок Энвер-паша, один из трех творцов сбросившей султана революции. А заодно – главный организатор массовой резни армян в 1915 г. За эти шалости союзники его после окончания первой мировой искали всерьез, чтобы расстрелять, но по личному указанию Ленина Дзержинский устроил так, что пашу на самолете вывезли в Советскую Россию. И не придумали ничего лучше, кроме как направить его в Среднюю Азию воевать с тамошней контрреволюцией. Вообще-то московские и стамбульские революционеры довольно тесно дружили (Красная армия захватила Азербайджан еще и благодаря поддержке турок, благодарных Ленину за помощь деньгами и оружием), но Энвер взбрыкнул и вместо того, чтобы воевать за большевиков, организовал басмаческое движение. Чекисты с ним изрядно повозились, прежде чем прикончили...

Видный чекист Глеб Бокий по самую маковку влип в увлекательные предприятия отечественных мистиков и оккультистов. Пригрел у себя небезызвестного Барченко, и тот на немалые денежки ОГПУ то искал на русском Севере следы «допотопной» цивилизации, то в Крыму – следы древнейшей «друидической» культуры, то в Тибете – Шамбалу. В свободное время учил сотрудников ОГПУ азам парапсихологии и телепатии, а также то и дело приставал к Бокию, чтобы тот свел его со Сталиным, которому Барченко намеревался «открыть тайны Древней Науки тибетских махатм». Даже для Бокия это было чересчур, и к Сталину с такими

откровениями он идти не решился, но организовал из чекистов и старых соучеников по Горному институту мистический кружок. Когда в 1937-м Бокия все же *повязали*, на квартире у него при обыске нашли несколько десятков засушенных мужских членов – заготовки для каких-то магических занятий.

Кстати, в какие-то до сих пор не проясненные игры товарищей из ОГПУ был напрямую замешан и Николай Рерих, еще один оккультист. По достовернейшим сведениям, по Тибету в поисках Шамбалы он болтался не на собственные деньги, а на командировочные – и весьма немалые – от «рыцарей плаща и кинжала»...

Переплетения встречаются такие, что дух захватывает! Вот взять хотя бы Карла Хаусхофера, немецкого геополитика, разведчика и матерого оккультиста. В том же Тибете, в Лхасе, принял буддизм и состоял в целой куче тайных восточных обществ: «Зеленый дракон», «Общество реки Амур», «Черный дракон», «Черный океан», «Великое общество национального духа». Мистик законченный – пробы негде ставить. Так вот, один из его ближайших друзей – дипломат и граф Брокдорф-Ранцау, а тот, в свою очередь, был прекрасно знаком с Радеком и знаменитым Парвусом, да вдобавок Хаусхофер еще замечен в тесных и многолетних связях с английскими масонскими ложами, не вымышленными, а теми, что реально существовали. Хорошенький клубок? Подобных было *многожество*: от германских мистиков к советским чекистам и коминтерновцам, а от них к тибетским ламам, а от тех – к англичанам, а от тех – к небезызвестному главе исмаилитов Ага-Хану в Бомбее... За сто лет не распутать!

Нарком внутренних дел Ягода... Вот уж никак не покорный «сталинский инструмент»! Человек сильный, самостоятельный, честолюбивый и с огромными амбициями. Роскошь и комфорт любил чрезвычайно. Взятки, правда, не брал – потому что не было необходимости. У него в руках и без того были огромнейшие «фонды», например, на строительство «великих каналов», откуда при некоторой ловкости можно было черпать даже не полной ложкой – полным ведром. Понимающие люди знают, сколь благодатную почву для хищений являют собой стройки, особенно крупные.

Как следует из материалов ревизии, только за первые девять месяцев 1936 г. на всевозможные нужды Ягоды и его ближайшего окружения потрачено было 3 млн 718 тыс. 500 руб. Что в эту сумму входило? Самые разные траты, в том числе, так сказать, «меценатские»: мебель в подарок писателям Киршону и Афиногенову, содержание особняка для художника Корина, продукты для приближенных сотрудников и т. д. Были еще расходы сугубо личные. Ровным счетом сто шестьдесят тысяч рублей ушли на то, чтобы купить, капитально отремонтировать и обставить мебелью дачу для «Надежды Алексеевны», как эта дама обтекаемо именуется в акте ревизии.

Откуда такая деликатность? Да оттого, что «Надежда Алексеевна» – невестка Максима Горького, жена его сына, тоже Максима, она же «Тимоша» (было у нее в доме Горького такое прозвище). Судя по многочисленным фотографиям, женщина исключительно красивая и весьма легкомысленная, как это частенько с красотками случается. Еще до Максима ненадолго «сбега-

ла» замуж и перебрала кучу любовников, ну а в СССР очень быстро подружилась с товарищем Ягодой в самом что ни на есть интимном смысле.

Рогатенький муж, Максим-младший, вообще-то об этих шашнях знал, но, поскольку был горьким пьяницей, времени для разборок почти не находил. По жизни это был никак не ангелочек: комиссарил в свое время на курсах всеобщего военного обучения при ВЧК, отбирал в Сибири хлеб у крестьян. Время от времени, в редкие минуты просветления, все же устраивал неверной женушке звонкие скандалы. Легкомысленная красавица эти скандалы заносила под номерами в особый список – так она забавлялась. Но происходили свары редко: Максима старательно поддерживал в непросяхающем состоянии секретарь Горького Крючков (подчиненный Ягоды).

В конце концов, Максим помер, проспав несколько часов на влажной земле (по официальной версии). Тут уж товарищ Ягода имел полную возможность не расставаться с предметом своего обожания. Для пущей надежности Тимошу старательно охраняла целая команда неброских широкоплечих мальчиков, моментально отшивавших любого ухажера.

Как, например, случилось с известным писателем, «красным графом» А. Н. Толстым. Классик пролетарской литературы попробовал было поухаживать за очаровательной вдовой: на машине подвез, букетик подарил... К нему тут же подрулил один из «мальчиков» и вежливо сообщил: «Место прочно и надолго занято, и если вы не желаете сменить длинную прическу на стрижку "под ноль", то не должны больше покупать цветы». Писатель намек понял и моментально отстал...

А тем временем под носом у товарища Ягоды, в его родном ведомстве, завелись самые настоящие «оборотни в петлицах» (погон тогда не носили, и знаки различия красовались на петлицах). Сохранился любопытный и жуткий документ – приказ по ОГПУ № 35 от 27 января 1930 г.

Самая настоящая измена в рядах... Уполномоченный ОГПУ Борис Рабинович, как оказалось, вот уже два года систематически сообщал троцкистской организации о всех предстоящих против нее операциях, регулярно «сливая» секретнейшую информацию. Да и вообще, оказалось, что в ОГПУ он не по собственному хотению поступил, а был внедрен туда по заданию той самой организации.

Вместе с ним замели и сотрудника Украинской ГПУ Тепера – к слову, бывшего анархиста, заведовавшего у Махно агитационно-пропагандистским отделом. Тепер, не мелочась, похитил в каком-то военном учреждении аж сто шестьдесят килограммов типографского шрифта и типографских же принадлежностей – для подпольной типографии троцкистов на Украине.

Рабиновича расстреляли согласно постановлению Коллегии ОГПУ (было у ОГПУ тогда право внесудебных расстрелов). Теперу повезло больше: он вовремя покаялся, пришел с повинной и потому отделался десятью годами лагеря. Приказ подписан Ягодой.

Проще всего, конечно, и этот приговор свалить на «произвол Сталина». Но, во-первых, нет никаких доказательств, что Сталин с этим делом был вообще знаком, во-вторых, как уже говорилось, Сталин вовсе не был для органов в те годы полновластным *хозяином*.

И, наконец, в-третьих, существует еще предельно загадочное «дело Блюмкина», напрочь опровергающее столь примитивные версии...

Яков Блюмкин – личность интереснейшая, прямо-таки легендарная. Застрелил германского посла Мирбаха – то ли по решению партии левых эсеров, то ли работая в каких-то комбинациях Ленина и Дзержинского. Участвовал в том самом вторжении Красной Армии в Персию. Публично уверял Николая Гумилева в любви к его стихам, чем Гумилев был весьма польщен. Приятельствовал с Сергеем Есениным, а впрочем, по другим источникам, не приятельствовал, а враждовал по каким-то личным причинам, однажды даже с пистолетом наголо гонялся за Есениным. Истину установить невозможно: в пользу обеих версий есть свидетельства, причем и те, и другие считаются достоверными. Ну, что поделать, вокруг Блюмкина всегда кружило множество легенд, и правду от истины сегодня отделить решительно невозможно. Достоверно, по крайней мере, известно, что он участвовал в тибетских экспедициях Рериха.

Вдобавок ко всему, он был искренним сторонником Троцкого. И в 1929 г., выполняя за рубежом какое-то оставшееся нам неизвестным задание ОГПУ, встретился в Турции с Троцким и его сыном. В СССР он вернулся то ли с письмом от Троцкого (самая распространенная, простая и ничего не объясняющая версия), то ли, что гораздо вероятнее, с каким-то серьезным поручением. Оно было, надо полагать, настолько *крутым*, что Блюмкин, вообще-то никак не трус по натуре, откровенно запаниковал. Что подтверждают многочисленные свидетели.

Сначала он встретился с троцкистами Радеком и Смилгой, рассказал им о беседе с Троцким. Потом по-настоящему *заметался*. Неизвестно, что его к тому побудило, но он кинулся искать укрытия у знакомых. Что тут же стало известно ОГПУ. Секретный сотрудник, журналист Б. Левин, моментально накатал два до-несения. Вот отрывки.

«Я узнал следующее, что Я. Блюмкин приходил к моим знакомым, хвастался о своей связи с оппозицией (знакомые – беспартийные), говорил, что его преследует ОГПУ, просил у них приюта и ночевал в ночь на 15-е. Просил разменять доллары, причем открывал портфель, видна была у него куча долларов...»

«Вчера 15/X я был вызван на квартиру к Идельсон (жена художника Фалька) и в присутствии еще двух художниц... мне было рассказано, что Яков Блюмкин явился к ним и просил гр. Идельсон спасти его от ГПУ. Он говорил, что его преследуют, что "кольцо суживается". Что он является представителем оппозиции в ОГПУ... Когда ему сказали, что оппозиционеров не расстреливают, он ответил – вы не знаете, тех, которые работают в ОГПУ – расстреливают».

Тогда оппозиционеров и в самом деле не расстреливали, и даже те, кто попадал за решетку, жили неплохо. Вот что вспоминал Я. Мееров, сам в ссылке побывавший (но за меньшевизм): «Это были скорее не ссыльные, а опальные вельможи, которые соответственно себя и вели... Если, например, безработные ссыльные социалисты получали 6 р. 25 к. месячного пособия, то ссыльные оппозиционеры получали не то 70 р., не то даже больше».

К тому же у Блюмкина уже был прошлый опыт, когда с ним обходились предельно мягко: за убийство Мирбаха его и на пятнадцать суток не посадили, пожурили ласково и простили...

Но сейчас он чего-то не на шутку боялся!

И отправился к Лизе Горской, сотруднице НКВД, с которой у него несколькими годами ранее был бурный роман. Вопреки пословице о том, что старая любовь не ржавеет, очаровательная Лиза моментально сдала опасного визитера. В ее рапорте начальнику Секретного отдела Агранову содержится столь же любопытная, как и в отчетах Левина, информация: «Тут я уже окончательно убедилась, что он трус и позер и неспособен на решительность... Он заявил мне, что решил не идти "ни туда, ни сюда", что у него на это не хватает силы воли, что тяжело погибать от рук своих же, что товарищи его не поймут и что он решил исчезнуть на время...»

Итак, Троцкий поручил Блюмкину что-то такое, отчего запаниковал и пришел в совершеннейший душевный раздрызг даже этот авантюрист милостью божьей, парень лихой, отнюдь не трус... Что же это все-таки было? Убийство Сталина, как полагают иные исследователи? Или что-то еще?

Неизвестно. Блюмкина повязали, кажется, дома у Лизы Горской. Казалось бы, Ягода и здесь на высоте — он, как ему и положено по должности, незамедлительно арестовал опасного заговорщика...

Не спешите! История эта, как я и предупреждал, темна и загадочна...

Как должен поступить в этом случае Сталин? Допрашивать Блюмкина денно и нощно, пока не выкачает

все. Как должен поступить в этом случае преданный Сталину, заинтересованный в раскрытии Ягода? Допрашивать Блюмкина дено и ношно, пока не выкачает все. Других вариантов поведения попросту не существует.

Так вот, Блюмкина расстреляли уже через трое суток после ареста! Даже не допросив толком! Ордер на арест Ягода выдал 31 октября. Допрашивали Блюмкина через пень колоду, пару раз, сохранившиеся протоколы посвящены вещам и обстоятельствам малозначительным. А уже 3 октября Коллегия ОГПУ (то есть фактически Ягода) издает приказ: «За повторную измену делу Пролетарской революции и Советской власти и за измену революц. чекистской армии Блюмкина Якова Григорьевича расстрелять». И расстреляли... Куда делись доллары, покрыто мраком.

Как это прикажете понимать? У меня есть единственное объяснение: останься Блюмкин в живых, заговори он всерьез, его показания весьма повредили бы каким-то высокопоставленным оппозиционерам в самом ОГПУ (а то и Ягоде). Вот его и убрали быстро, наверняка поставив Сталина перед фактом.

Тот, кого не устраивает эта версия, волен предложить свою...

К великому сожалению, точных подробностей нет. Агранова и Ягоду расстреляли. Лиза Горская благополучно дожила до семидесятих годов и уже глубокой старухой попала под автобус в Москве. Всю оставшуюся жизнь она держала язык за зубами, благо никто и не спрашивал.

Вот такие жутковатые курьезы в НКВД происходили.

Да, кстати, а что у нас в Разведупре, военной разведке?

В Разведупре – как и везде, то есть полный бардак.

Там сидит «на хозяйстве» непотопляемый товарищ Артузов, он же швейцарец Фраучи. Тот самый, что провалил операцию «Трест». Тот самый, чья контора была набита двойными и тройными агентами, крутившими до сих пор непроясненные шашни с тем же Вторым отделом польского Генштаба (внешней разведкой). Тот самый, у которого польский агент Винценты Илинич выманил ровным счетом семьдесят тысяч долларов в обмен на информацию из разряда сверхсекретных и важных, какая обычно шла на стол самому Сталину. Вот только абстрактно все, что приносил в клювике Илинич, оказалось тупфтой, дезинформацией, неловко состряпанными фальшивками.

В общем, любой другой министр за такие промахи был бы повешен за ноги на верхушке Веселой Башни – ну, так то в Арканаре! А в СССР, ввиду дикой нехватки мало-мальски опытных кадров, товарища Артузова из внешней разведки НКВД перевели в разведку армии – в надежде, что как-то исправит положение.

Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Уж Артузов положение выправил – дальше некуда...

«Реорганизуя аппарат Разведупра, Артузов сумел разрушить слаженный и высокопрофессиональный (как по подготовке состава, так и по квалификации) аналитический центр военной разведки (в просторечии Третий, информационно-статистический отдел). Пойдя по пути простого копирования структуры внешней разведки, новый заместитель привнес с со-

бой и все слабые стороны работы Иностранного отдела ОГПУ – НКВД».

Грустный юмор в том, что это пишут не какие-то «обличители» сталинского толка, а два автора, которые к Артузову относятся чуть ли не восторженно, полагая его классным профессионалом и верным ленинцем. Но факты таковы, что против них не попрет и самый восторженный биограф, если только он объективен.

Свое творческое кредо сам Артузов выражал в сохранившихся для истории благодаря большому числу свидетелей словах: «Я требую действий, пусть рискованных, пусть опрометчивых, пусть фарисейских, но все же действий». И сам признавал «анархичность» своего бурного характера. А потом искренне удивлялся, что «крыть его – считалось хорошим тоном в НКВД».

А там и грянул знаменитый копенгагенский провал 1935 г., о котором я обещал рассказать подробнее...

В Германии встретились два резидента агентурной сети – Д. А. Угер и М. Г. Максимов-Уншлихт. Первый сдал дела второму. Второй добросовестно принял. Первому следовало немедленно выехать в Союз, второму – засесть за работу. Однако оба вспомнили, что по соседству, только границу переехать, в Копенгагене, сидит резидентом же старый приятель еще по Гражданской – А. П. Улановский. Ну купили билеты на поезд и, вопреки всем правилам разведки, отправились к другану выпить водочки и потолковать о добрых старых временах... Так и *было!*

Вот только один из датских информаторов Улановского был по совместительству еще и агентом местной контрразведки. Каковая давно уже держала под

наблюдением явочную квартиру Улановского. Когда хозяин нагрязнул туда с двумя прибывшими из Германии корешами, датчане решили, что такого подарка судьбы может в другой раз и не подвернуться. И повязали всех троих. В результате советская разведсеть в Дании накрылась медным тазом, а германская лишилась руководителя...

Товарищ Артузов оправдывался письменно с детским простодушием: «Очевидно, навещать старых друзей, как у себя на родине, поддается искоренению с большим трудом». И утешал наркома обороны: мол, из трех арестованных только один работал непосредственно против Дании, так что большого скандала не будет, а будет ма-аленький...

Ворошилов сообщал наверх: «Из этого сообщения, не совсем внятного и наивного, видно, что наша зарубежная военная разведка все еще хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и т. Артузов в смысле улучшения этого серьезного дела».

Мне решительно непонятно, чем руководствовались наверху, но Артузова не то что не посадили, но даже не послали руководить райотделом милиции в Урюпинск. Его перебросили обратно в НКВД, правда, уже не возглавлять что бы то ни было, а старшим научным сотрудником учетно-статистического отдела. Ученый муж, ага...

Тут как раз не для видимости, а всерьез начали громить агентурную сеть польской разведслужбы в СССР. Как ни обличай «сталинский произвол», а факты — вещь упрямая. Преувеличения и оговоры, конечно, имели место, но все же контрразведка повязала вполне реальных польских агентов, в том числе и прохин-

дея Илинича. Артузов сокрушенно писал: «Я очень больно переживаю провал нашей польской работы, ночами думаю о его причинах и корнях, стыжусь, что в разведке дал себя обмануть полякам, которых бил... Все вскрытое органами НКВД говорит... о глубине и тонкости работы поляков против нас, усугубляя нашу вину, так как особенно опасно держать возле себя умного врага, который зарабатывает ваше доверие, не стесняясь делать нам одолжение во время мира, с тем, чтобы больнее укусить во время войны».

Вскоре выяснились и еще более интересные новости об Артузове и Ягоде, но не будем забежать вперед. Вернемся в Ленинград, где партийным вождем был С. М. Киров.

На своем посту он немало прижал оппозиционеров. И они отвечали Миронычу столь же горячей любовью. Вот ее вещественные доказательства, отрывки из пришедших Кирову анонимок.

«Тов. Киров, а тебе мы, оппозиционеры, заявляем: перестань барствовать, мы знаем, где ты живешь. И если поедешь в автомобиле, то мы, оппозиционеры, в одно прекрасное время будем ловить таких паразитов, как ты, тов. Киров... и мы вас всех, паразитов, постараемся уничтожить».

«Посмотри на свою рожу, которую за три дня не обсерешь. Ты имеешь три автомобиля, питаешься так, как цари не жрали, а нас, несчастных, когда нет ни войн, ни эпидемий, ни стихийных бедствий, держишь в голоде. Сволочь ты несчастная, и место тебе на виселице».

1 декабря 1934 г. всем стало ясно, что происходит что-то серьезное: подъезжали грузовики, гремели при-

клады, вокруг Смольного сплошным кольцом выстраивались многочисленные подразделения войск НКВД...

В Смольном только что был убит Киров! Ему выстрелил в затылок Леонид Николаев, никчемный, жалкий человек с убогой жизнью и несложившейся «партийной» карьерой. Форму протеста против притеснений со стороны «бюрократии» он выбрал простую и жуткую – решил убить Кирова. И убил.

То, что он попал в здание обкома, удивлять не должно: в те времена, предъявив партбилет, можно было беспрепятственно пройти в любое учреждение, кроме ЦК. Всех занявшихся расследованием удивляло другое: телохранитель Кирова Борисов, который, согласно строгой инструкции, должен был неотступно за ним следовать до дверей кабинета, преспокойно отстал и *болтался* где-то по коридорам. Некоторые из многочисленных свидетельских показаний можно понять и так, что уже после двух выстрелов Борисов появился на месте трагедии самым последним – другие хватили за шкуру Николаева, другие забирали его наган...

В Ленинград курьерским поездом примчался Сталин. Выйдя на перрон, не говоря худого слова, заехал по физиономии начальнику областного управления НКВД Медведю и возглавил расследование сам. Естественно, первым делом он велел привезти к нему Борисова.

Борисова повезли на грузовике шофер Кузин и два оперативника, Виноградов и Малий.

Привезли они труп. Как оправдывались, машину вдруг резко занесло, и она на «жуткой» (примерно 50 км/час) скорости врезалась в стену дома. Никто

не пострадал, а вот Борисов ударился головой об стену и умер...

Вы будете смеяться, но после XX съезда в смерти Борисова обвиняли... Сталина! Хотя любой читатель и знаток детективов, не будучи профессионалом сыска, согласится: Сталин оказался бы *последним*, кому нужна была эта смерть...

Поначалу все причастные к этому темному делу как-то сумели отболтаться. Появился акт экспертизы, согласно которому у грузовика и в самом деле оказалась сломанной одна рессора, а с водосточной трубы на той злополучной стене, о которую Борисов треснулся головой, сняли клочок его пальто...

Вот только нет никаких данных, что рессора была неисправна еще до поездки. А клочок пальто был «снят с трубы»... через *две недели* после аварии!

Точнее, через десять дней, но разница невелика.

Позже, когда арестовали Ягоду, почистили НКВД от его людей и возобновили следствие, результаты оказались гораздо более интересными. Шофер Кузин показал, что оперативник Малий, сидевший с ним рядом в кабине, вдруг схватил у него руль и резко крутанул, направив машину на стену. А потом, когда Кузин вылез из кабины, обнаружил в кузове мертвого Борисова и убежавшего прочь живехонького второго оперативника, Виноградова...

Обоих оперов расстреляли. Кузину дали срок. Он свое отсидел и вышел на свободу. Вполне естественно, в стиле хрущевского времени было повелено считать, что показания были ложными, вырванными изпод пыток. Однако вот что писал Кузин в Комиссию партийного контроля в *пятьдесят шестом* году:

«Переезжая улицу Потемкина, Малий вырывает у меня руль и направляет машину на стену дома, а сам пытается выскочить из кабины. Я его задерживаю и не даю ему выскочить. Машина открытой правой дверцей ударилась о стену дома, в результате было стекло дверки разбито. Когда я остановил машину и вышел, посмотрел в кузов, Виноградова в кузове не было, а он бежал, я вскочил в кузов и увидел, что в кузове лежит убитый Борисов, правый висок в крови. Я закричал – убили, убили. В это время ко мне подошел Малий и сказал – не кричи, а то будет и тебе, и сам Малий скрылся. Я после этого Малия и Виноградова не видел до моего освобождения из-под ареста».

Оставшись один, Кузин стал искать автоинспектора. Но тут как нельзя более кстати подъехал сотрудник НКВД Гусев и быстренько шофера арестовал. Его допрашивали, потом появился некий чин НКВД с четырьмя ромбами на петлицах и велел хорошенько запомнить, что никто никого не убивал, а Борисов ударился головой о водосточную трубу...

Как видим, и в 1956 г. Кузин от прежних показаний не отказывался. Опубликовавшая это письмо А. Кирилина в убийство Борисова не верит.

Вероятнее всего, она попросту не умеет водить машину. Автор этих строк за руль сел впервые тридцать два года назад...

Так вот, мне, как водителю с некоторым стажем, совершенно ясно: Кузин описывает происшествие, при котором *вообще* не было удара кузовом о стену! О стену, как явствует из показаний, ударилась только правая дверца – распахнувшись, она выступила за ширину кузова. После чего Кузин *остановил* машину – зна-

чит, она продолжала ехать. А ведь, врежься она в стену, было бы повреждено и крыло, и кузов, но ничего подобного не зафиксировано.

Пятьдесят километров в час – скорость вовсе не бешеная. Борисова либо по инерции должно было отбросить в кузов, либо он инстинктивно выставил бы руки, защищая голову, как в таких ситуациях обычно и бывает, но о повреждении рук ничего не сказано. Кровь, наконец, была на *виске*. Потребовалось бы чересчур уж фантастическое стечение обстоятельств, чтобы находившийся в кузове человек ударился виском об округлую водосточную трубу...

Желающие могут взять игрушечную машинку (только чтоб дверцы у кабины открывались), посадить в кузов пластилиновую куколку, вместо стены дома поставить какую-нибудь коробку и самостоятельно провести «следственный эксперимент», основываясь в первую очередь на показаниях Кузина. Право слово, получится интересно...

А. Кирилина пишет: «С момента звонка Сталина до момента аварии машины с Борисовым прошло всего 30 минут... этого времени просто недостаточно для организации убийства Борисова».

Ой ли! Все становится на свои места, если сделать одно-единственное допущение: оба оперативника с самого начала были не просто оперативниками НКВД, а еще и чьими-то доверенными лицами. И их *босс* сказал им шепотом, сделав соответствующее выражение лица:

– Если этот тип доедет живым до Сталина, самих закопаю на три аршина в глубину!

Получаса для этого не нужно – достаточно полуминуты...

Не подлежит сомнению, что Николаев действовал в одиночку, что стрелял именно он, что мотивы у него именно такие, какими мы их сегодня знаем. Есть мелкие различия – скажем, одни стоят на том, что он вдобавок ревновал к Кирову свою жену, а другие этот вариант решительно отрицают. Но это уже несущественно. Главное, стрелял Николаев по собственному почину...

Но это вовсе не означает, что дело *чистое!*

Как раз наоборот. Масса примеров в мировой истории, когда подобных неврастеников-одиночек *использовали* в своих замыслах гораздо более рассудительные и высокопоставленные люди. Превеликое множество примеров. Скажем, точно так же не подлежит сомнению, что в президента США Авраама Линкольна стрелял именно актер Бут, позер, пьянчуга, авантюрист. Но в этой истории так странно *неправильно* вели себя высокие чины администрации Линкольна (скажем, военный министр), что до сих пор в Америке полагают: заговор был гораздо сложнее и масштабнее, чем принято думать, и в нем были замешаны отнюдь не только те мелкие сообщники Бута, которых поймали и повесили...

Всякое случается. Вот, например, губернатор Луизианы Хьюи Лонг (прототип главных героев романов Роберта Пена Уоррена «Вся королевская рать» и Синклера Льюиса «У нас это невозможно») – фашиствующий демагог, американский Жириновский. В начале тридцатых возникли серьезные опасения, что он все же прорвется на пост президента. И тут как нельзя более кстати возник одиночка с дешевеньким пистолетиком, некий доктор Карл Вайс, у которого, как приличному террористу и положено, мотив имелся: его

близкого родственника люди из команды Лонга как-то там крупно в Луизиане обидели. И *завалил* этот эскулап Лонга, сняв проблему...

В общем, иногда вовсе не обязательно *готовить* кого-то вроде Николаева. Достаточно просто-напросто ему не мешать. Закрывать глаза...

Во всей этой истории ленинградский НКВД вел себя предельно странно и неправильно. Еще 2 июля 1933 г. Кирову пришло письмо от некоего студента Логинова. Оно заслуживает того, чтобы быть приведенным целиком...

«Т. Киров!

Извините меня, что я у вас отрываю драгоценные минуты от Вашей работы, но это сообщение я не могу не послать Вам. Дело вот в чем. Однажды на представлении в цирке (числа не упоминаю) я сидел по соседству (по внешнему виду) с двумя иностранцами, от которых случайно, невольно подслушал некоторые слова и фразы. Они говорили по-немецки, но я сидел рядом и по-немецки, хотя и нехорошо, но понимаю. Они долго упоминали Вашу фамилию, компрометирующее письмо от Вашего имени (подобное письму Зиновьева, как я понял) и фразу, которую передаю не полностью – "При отъезде его с Балтвокзала в марте ты будь готов", т. е. как потом я узнал, при отъезде на дачу или в дом отдыха.

Затем самое подозрительное, что и заинтересовало меня, то же лицо прошептало своему собеседнику (фраза по-немецки: "Французский генеральный штаб поможет тебе в эмиграции").

И после я много уловил слов вроде военных складов, заводов в ряде наших городов.

В общем, люди были сильно подозрительны, принадлежащие к какой-нибудь контрреволюционной организации, работающие под опекой французской охраны или наподобие ее.

К Вам обращаюсь потому, что против Вас затеян шантаж. Лично сообщить не могу, ибо не пропустили, и в ГПУ также не пустили...

Заканчивая, я хочу лишь сказать, что Вы должны быть осторожнее при выездах, а особенно с Балтийского вокзала, если Вы выезжаете с него, ибо они этот вокзал упоминали.

Может быть, я ошибаюсь во всем этом, но все-таки по-моему – нет. Ну, пока все».

Фантазия? Но не похоже, чтобы писал психически больной человек. Что интересно, когда студент пришел в ГПУ, его там даже, как он пишет, слушать не стали!

Это неправильно. Время и обстановка в городе и в стране не самые благодатные. В партии идет острейшая борьба, из-за рубежа приходят и вполне настоящие диверсанты (помните, как буквально в те же месяцы поднимали четыре тысячи сотрудников НКВД для ловли двух закордонных визитеров?). Человека, пришедшего с такой информацией, обязаны были хотя бы выслушать... Но его даже «не пустили»!

А ведь есть еще «дело Волковой»!

Волкова, осведомительница НКВД, за месяц до убийства Кирова слышала в доме отдыха разговоры пьяных чекистов о подготовке убийства Кирова, причем, как пишет историк А. Колпакиди, в своем письме правильно назвала фамилии и должности многих чекистов, что является информацией, вообще-то говоря, не каждому доступной.

Отмахнулись! Мало того, срочно засунули в психушку. Уполномоченный НКВД Петров потом оправдывался: Волкова-де законченная шизофреничка, то и дело приходила с самыми фантастическими вымыслами...

На его показания очень любят ссылаться те, кто не верит, что в убийстве Кирова замешаны крупные чины НКВД. Но при этом охотно и обильно цитируя Петрова, никто и в глаза не видел тех самых «фантастических сообщений» Волковой, а значит, степень их фантастичности мы вынуждены оценивать исключительно со слов Петрова...

И еще. Волкова, похоже, и в самом деле не раз бывала на лечении в соответствующей больничке, но тем не менее после убийства Кирова она оставалась осведомителем госбезопасности *сорок* лет! До середины семидесятых! При Берии, при хрущевцах, при Андропове. Значит, была от нее какая-то польза, если «шизофреничку» держали на службе столько лет?!

Да, еще о Борисове. Ему, оказывается, был пятьдесят третий год, и он – не профессионально подготовленный охранник, а бывший хозяйственник, сексот, впоследствии приставленный к Кирову неизвестно кем. Полноценным телохранителем его никак нельзя считать... Кто *такого* к Кирову *подвел*? А ведь охрана вождей тогда уже была поставлена всерьез, и осуществляли ее грамотно подготовленные добры молодцы, стрелки, самбисты, скорохваты...

Наконец, *кому выгодно?*

С тех времен сохранилась якобы «народная» частушка:

– Эх, огурчики, помидорчики,
Сталин Кирова убил в коридорчике...

Это сочинял не «народ», а Бухарин, Коля Балаболкин!

О том, что убийство Кирова-де «устроено Сталиным», первым заявил из своего мексиканского далека Троцкий. И сторонники «демона революции» эту придумку тут же подхватили, творчески развивая на все лады. Вот что сообщает в упоминавшейся книге «Соколы Троцкого» Бармин, ссылаясь на «независимого историка-социалиста» Бориса Николаевского, как его характеризует Бармин, «одного из самых эрудированных и беспристрастных историков революционного движения»:

«Состоявшийся в феврале 1934 г. Съезд партии решил, что Киров должен стать ведущим партийным лидером, олицетворяющим новый курс партии. С учетом этого он должен был переехать из Ленинграда в Москву и возглавить основной политический отдел ЦК. Для Сталина это могло означать только одно – начало конца его эры... Сталин был единственным человеком, которому убийство Кирова принесло пользу».

Судя по этой цитате, Николаевский разбирался в советских делах примерно так же, как известное млекопитающее в известных фруктах... Что это за церемония такая – «съезд решил, что Киров должен стать ведущим партийным лидером»? Что это за должность такая, никогда в ВКП(б) не существовавшая – «ведущий партийный лидер»? Что это за таинственный отдел ЦК такой – «основной политический»? Не было в ЦК отдела с таким названием – и ни один отдел в тог-

дашнем ЦК не был настолько важен, чтобы занявший пост его начальника человек автоматически становился выше и значимее Сталина...

Галиматью несет с умным видом Николаевский. Бредятина фантастическая!

Чтобы ее опровергнуть, лично мне потребовалось всего-то навсегда встать из-за стола, подойти к полке и снять толстенный том в красном переплете – «Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б), изданный тогда же, в тридцать четвертом...

Съезд в феврале не «состоялся», а закончился – проходил он с 24 января по 10 февраля. В многочисленных выступлениях нет ни словечка о «решении», будто Киров должен стать «ведущим партийным лидером». Более того – съезд попросту *не мог*, согласно тогдашнему партийному уставу, назначать кого бы то ни было куда бы то ни было в аппарате ЦК. Съезд избирал Центральный Комитет, Комиссию партийного контроля, Центральную ревизионную комиссию и намечал состав Комиссии советского контроля (которую потом должны были утверждать уже в Совнаркоме).

А вот дальнейшие назначения делал уже *пленум* ЦК ВКП(б). Каковой состоялся в день закрытия съезда. Он вновь избрал Кирова членом Политбюро, а также и членом Секретариата ЦК, но, обратите внимание, «с оставлением секретарем Ленинградского обкома»! То есть никаким «ведущим лидером» Кирова не назначали, никакой «основной политический отдел ЦК» ему не предлагали возглавить (за полным отсутствием такого отдела). Он вовсе не собирался переезжать в Москву, он вовсе не становился «угрозой» для Сталина.

Потому что всегда был сторонником Сталина, искренним и верным!

Так что все невежественные писания Николаевского моментально оборачиваются высосанным из пальца вздором – но запущенная Троцким *мулька* до сих пор продолжает гулять по белу свету... Сталин был первым из тех, кому убийство Кирова было категорически невыгодно. Аргументы, что-де «Сталин хотел использовать убийство Кирова как предлог для развязывания террора», не выдерживают критики: для этого вовсе не обязательно убивать своего энергичного и верного соратника (их у Сталина было не так уж много). Ради «предлога», думается, достаточно было *шлепнуть* ничтожество вроде Бухарина (ничтожество, но с именем и дутой славой, у всех на слуху, «любимец партии»!) или попросту рвануть *бомбу* у Смольного, а сказать на троцкистов. Гитлер поджег рейхстаг – и этого для предлога вполне хватило. А Сталин был в сто раз прагматичнее Гитлера...

Тем более, что есть данные, из которых ясно, кто на деле *мог* подготовить убийство Кирова... На том же XVII съезде состоялось тайное совещание у Орджоникидзе. Из видных большевиков, присутствовавших на нем, называют Кирова, Эйхе, Шеболдаева, Шаранговича, Микояна, Косиора, Петровского, Орахешвили, Варейкиса. Достоверность этой истории придает в первую очередь то, что о ней независимо друг от друга вспоминали такие, мягко выражаясь, антиподы, как Хрущев и Молотов.

«Старики» вспомнили о пресловутом «Завещании Ленина» и хотели «передвинуть» Сталина с поста генсека. На его место хотели выдвинуть Кирова.

Киров, однако, категорически отказался, поскольку был реалистом и прыгать выше головы не собирался...

Кто-то рассказал Сталину об этом *сходняке*...

А если сам Киров?

Вот за *такое* старые большевики могли и убить без всяких моральных терзаний!

Это, конечно, не более чем версия. Но вот как вел себя после убийства Кирова Бухарин (по воспоминаниям Ильи Эренбурга): «На нем не было лица. Он едва выговорил: "Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь он (Сталин. – А. Б.) сможет сделать с нами все, что захочет". И после паузы добавил: "И будет прав"».

И будет прав... Многозначительное добавление, не правда ли? Это неспроста...

Конечно, сами они наган в руку Николаеву не совали. Но вот *атмосферу* создали весьма способствующую. Вот что говорил один из питерских оппозиционеров Котолынов: «Я признаю, что наша организация несет политическую и моральную ответственность за выстрел Николаева. Нами создавались такие настроения, которые объективно должны были привести к террору в отношении руководителей партии и правительства. Как активный член этой организации, я лично несу за это ответственность».

Можно по заведенной привычке объявить и эти показания «выбитыми». Но почему, коли уж взялись «выбивать», не выбили заодно признания, скажем, в том, что именно Котолынов Николаеву патроны доставал или наган смазывал? Что, трудно было? Да ничего подобного! Заодно уж... Но ведь не выбивали!

Да вот, кстати. Еще о том самом Николаевском, что писал чушь несусветную о Кирове и мифических от-

делах ЦК. Именно Николаевский был *связью* меж меньшевиками за границей и оппозиционером Рыковым, которому и подсунул идею «двухлетки», которой Рыков, выдавая за свое изобретение, пытался заменить пятилетку. Это – к вопросу о переплетениях и хитромудрых связях. Чушь чушью, но *не прикрывал* ли ею Николаевский каких-то конкретных лиц, уводя общественный интерес в другую сторону?

И уж никто, кстати, не «выбивал» показаний из вдовы Томского, запутавшегося в своих связях со всеми и всяческими оппозиционерами настолько, что предпочел однажды пустить себе пулю в лоб, пока об этом другие не позаботились. Перед самоубийством Томский попросил жену пойти к Сталину и рассказать ему, что нарком Ягода – идейный сторонник троцкистов, что всячески им помогает в их нелегальной деятельности, покрывая и прикрывая. Томскую не арестовывали, не допрашивали – она пришла к Сталину, и все, что наказывал муж, ему рассказала...

И вот тут уж наконец взялись за Генриха Григорьевича, товарища Ягodu, обстоятельно и всерьез, со всей приличествующей случаю душевностью и дошностью! И поехали к нему на борзом автомобиле хваткие ребята, обученные *замести* клиента так, чтобы не дернулся и из пистолетика палить не начал по дурусти...

Ну и повязали, конечно. Даже не пискнул. Оказалось, между прочим, что именно товарищу Ягоде, очень вероятно, принадлежит честь первого в государстве рабочих и крестьян пользователя фаллоимитатором – поскольку вместе с прочим у него из стола выгребли «мужской половой член резиновый», какие тог-

да в СССР не делали и не продавали, и достать их можно было только на растленном Западе. С кем Ягода этой штукой баловал, с Тимошей или кем-то еще, истории осталось неизвестным, да это и неинтересно, в общем. Гораздо интереснее то, что потом началось...

Кадры Ягоды, тщательно отобранные и преданные соратники, стали стреляться, как на конвейере!

Сами. Со всем усердием. Едва только вслед шефу *замели* Молчанова, начальника наиболее важного в управлении госбезопасности НКВД отдела, секретно-политического, как то ли три, то ли четыре его ближайших сотрудника, привезенных Молчановым из Иваново-Вознесенска, *хлопнулись* из табельного оружия. В Горьком мирно вел оперативное совещание начальник местного управления НКВД Погребинский. Пришло сообщение об аресте Ягоды – мол, оказался наш отец не отцом, а сукою... Товарищ Погребинский, не мешкая ни минуты, вышел в туалет, достал пушку и – дуло в висок!

За Чертоком (начальником оперативного отдела того же управления госбезопасности) пришли ночью, звать на душевную беседу. Товарищ Черток сиганул в окно – ну, он же не птичка, да и высоко было...

А интереснее всего стало, когда Ягода заговорил. Даже «перестройщики» отчего-то не спешат заявить, что его «били». Вполне возможно, и врезали пару раз, но серьезно не били, это точно. *Тогда* еще не били!

Вероятнее всего, Генрих Григорьевич и без битья понимал, что влип окончательно. И, кроме того, хотя его сподвижники стрелялись и прыгали из окон наперегонки, все же в распоряжении следствия их накопилось немаленькое количество. А в таких случаях на-

чинают петь, заглушая один другого, чтобы снисхождение вышло...

Так что Ягода был откровенен. Он признался, что отравил наркома внутренних дел Менжинского, чтобы занять его место – не по велению души, а по заданию организации заговорщиков, к которой принадлежал. Признался, что через доверенных людей посылал за границу деньги Троцкому. Что в компании с другими (как чекистами, так и «старыми большевиками» вроде Енукидзе и Томского) готовил «дворцовый переворот». В будущей хунте Рыкову предназначался пост председателя Совнаркома, Бухарин должен был стать секретарем ЦК, сам Ягода соглашался остаться в прежней должности, но, по его признанию, метил выше – в председатели Совнаркома, а то и в наркомы обороны...

Чую, что вновь раздастся знакомый вопль: выбили из него такую гнусь костоломы энкаведешные! Иголки под ногти загнали, вот он и наговорил на себя...

А отчего же в таком случае не «выбили» заодно и признания в шпионаже, коли уж имели к тому полную возможность? Но от обвинений в прямой *работе* на иностранные разведки Ягода категорически открещивался и на следствии, и на суде! Его так и приговорили к расстрелу как «заговорщика» – но о шпионаже речь не шла! А ведь следователи имели к тому полную возможность! Кто им мешал?

Шаши с иностранными державами были. Но шпионаж тут ни при чем...

Вот что говорил о планах Ягоды с компанией наш старый знакомый Артузов-Фраучи, которого тоже *подмели* по делу о заговоре: «Я узнал от Ягоды, что участ-

ники заговора и он сам были связаны не только с англичанами и французами, но и с немцами... переговоры велись успешно. Основная задача – восстановление капитализма в СССР. Совершенно ясно, отмечал Г. Г. Ягода, что никакого социализма мы не построим, никакой советской власти в окружении капиталистических стран быть не может. Нам необходим такой строй, который приближал бы нас к западноевропейским капиталистическим странам... Довольно потрясенный! Нужно наконец зажить спокойной обеспеченной жизнью, открыто пользоваться всеми благами, которые мы, как руководители государства, должны иметь».

Положа руку на сердце: что в этом необычного, невозможного, противоестественного? Это в самом деле не «шпионаж», а попросту дворцовый заговор, наладивший связи с заграницей – таких в истории предостаточно, и не только в России...

Вот содержание переговоров, по словам Артузова, тайно проводившихся с представителями Запада: «Переговоры были двоякими. С одной стороны, с Англией и Францией. Цель – восстановление военной группировки трех держав (Антанты). Задача – поставить Германию в положение довоенного окруженного государства и тем самым заставить ее отказаться от агрессивных планов. Цена соглашения – предоставление Англии и Франции исключительных привилегий в СССР: концессий, в области сбыта товаров, вывоза сырья из СССР, а также отказ советского правительства от поддержки Коминтерна, вплоть до выдворения членов его организаций за пределы СССР. С другой стороны, говорилось о соглашении с самим агрессором – Германией. Задача – удовлетворить герман-

ские потребности на Востоке в такой степени, чтобы Гитлер сам отказался от военных устремлений против СССР как не вызывающихся необходимостью. (Речь шла даже о территориальных уступках.) Цена соглашения – предоставление немцам разных привилегий, а также отказ от поддержки Коминтерна».

И в *этом* нет ничего необычного – все очень реально, жизненно, похоже на правду. Если некие люди могли в 1918 г. заключить мир с немцами, чтобы ценой территориальных уступок остаться у власти, почему *те же самые люди* не могли повторить то же через шестнадцать лет?

Это ведь были *те же самые люди!*

Между прочим, показания Артузова значительно расширяют круг тех, кто мог подобный заговор *заложить*. Это и коминтерновцы, которым вряд ли понравилось бы, что их собираются упразднить после столь вольготной жизни. И те круги в Германии, которым не по нраву пришлась «антантовская» часть заговора, и, соответственно, англичане или французы, по схожим причинам. И советские армейцы, которым Ягода с компанией у власти были совершенно ни к чему, потому что они хотели править сами. И те из вовлеченных в заговор партийцев, кто опасался, что после успеха переворота Ягода ни с кем делиться властью не станет...

И в самом деле! После успеха дела *на кой черт* практически всемогущему Ягоде партийные говоруны в качестве равноправных соправителей? Не смешите! У него и без того немалая силища за спиной в виде НКВД. Боюсь, после переворота, окажись он успешным, все эти Рыковы и Бухарины очень быстро отравились бы грибочками или в самолете упали...

В стиле Ягоды, пожалуй. В стиле любого шефа сильной спецслужбы, вынужденного какое-то время поддерживать в «штатских» соучастниках иллюзию, что все они одна компания – а уж потом... У Ягоды была реальная сила за спиной, а откуда она у Бухарина с Рыковым? Думаю, хунта очень быстро превратилась бы в единоличную диктатуру...

Личный секретарь Ягоды Буланов тоже рассказал немало пикантного – хотя бы об убийстве Кирова. По Буланову, все так и обстояло – Николаева никто *не готовил*, но о нем знали и не мешали. Борисов был в курсе и отстал в коридоре не просто так – ну, а потом пришлось быстренько что-то с ним делать.

Кто-то скажет – и это из бедаолаги выбили. Вольному воля, я ни на кого не давлю. Я просто предлагаю заглянуть потом в Приложение и прочитать пятьдесят лет не печатавшиеся материалы двух судебных процессов. И делать выводы самостоятельно – насколько все это реально и есть ли что-то необычное в подобных заговорах.

Масса любопытного в показаниях Ягоды и «ягодинцев»... Вскрылось, что Радек в рамках означенного заговора поддерживал тайную связь с функционером НСДАП Розенбергом. А что, *раньше*, в двадцатые, Радек подобных связей не поддерживал?! И тут есть что-то необычное?

Розенберг Альфред, теоретик нацизма и автор печально известного «Мифа XX века», тоже, кстати, не коренной тевтон, а личность гораздо более интересная. По матери вовсе даже не тевтон, а эстонец. *Российский* немец. Диплом архитектора получал уже в Москве, в семнадцатом, симпатизировал вроде бы

большевикам. В 1918 г. не принят в немецкий Добровольческий корпус в Прибалтике... как «русский»! Антисемит, конечно, но прагматик. У Радека случались и более странные альянсы... И более причудливые связи.

И абсолютно ничего необычного нет в признании Ягоды в том, что именно его ребятаки *траванули* Максима Горького-младшего. Эта уголовщина чистейшей воды опять-таки абсолютно жизненная: Максим мог ведь в конце концов пожаловаться папочке на неверную жену и коварного хахаля, а папочка мог запросто пойти к Сталину и попросить урезонить зарвавшегося донжуана... Самая что ни на есть житейская коллизия, прекрасно знакомая по детективным романам, которые все же на реальную жизнь частенько опираются...

По тем же соображениям выглядит вполне правдоподобным и признание Ягоды в устранении самого «буревестника»: были мотивы, вполне практические. Любовь и не на такие выходки людей толкала — а ведь не первой молодости нарком в молодую красотку, судя по всему, всерьез врезался, и я, глядя на старые фотографии, его вполне понимаю...

Что мы имеем, короче говоря? Часть политической элиты при поддержке министра тайной полиции намеревалась свергнуть существующее руководство и захватить власть. Для чего они вступили в тайные переговоры с иностранными державами, которые рассчитывали привлечь на свою сторону уступками в политической и экономической области...

Так что же здесь такого уж необычного, мать вашу? В Латинской Америке подобное *прокатывало* раз двад-

цать. если не сто, – и никто не считал обвинения «выбитыми», если дело срывалось. Да и в России пример на глазах: Брестский мир, осуществленный теми же самыми людьми, что потом по схожей методике, накатаным путем попытались свергнуть Сталина...

И обратите внимание: Ягода хотел жить *красивше*. Не советским аскетом, а «настоящим» правителем, совершенно законно имеющим свою долю роскоши и комфорта.

Вам это ничего не напоминает? Так-таки и ничего?

Если так, то я искренне завидую детской незамутненности вашего взгляда на мир и людей...

Отвлечемся пока что и познавательности ради посмотрим, что в означенном 1934 г. представляла собой Европа.

А куда ни глянь – не место для слабонервного интеллигента...

В Польше, как известно, еще в 1926 г. маршал Пилсудский устроил переворот. Скажу по совести, у меня лично язык не поворачивается его за это осуждать, и отнюдь не потому, что мы с маршалом, собственно, земляки (из соседних волостей), а из исторической объективности. Поляки своей многовековой историей, уввы, доказали, что достаточно их оставить без твердой руки, как они в стремлении к вольностям устроят такое, что хоть святых выноси. Не зря родовитейший шляхтич Гуго Коллонтай говорил давненько тому: «Воевать поляки не умеют. Зато бунтова-ать!»

В самую точку. Перед приходом Пилсудского в парламенте, как я уже говорил, увлеченно бузили ровным счетом 112 партий, а президента страны, ученого с европейским именем Нарутовича убил правый экст-

ремист. Вот пришел Пилсудский – никакой не поляк, а «литвин», то есть, окатоличенный белорус. К полякам он относился без особой теплоты, и не в узком кругу, а на съезде своих легионеров в Калише выразился, к примеру, так: «Я выдумал множество красивых слов и определений, которые и будут жить после моей смерти и которые занесут польский народ в разряд идиотов». Своему адъютанту Лепецкому он как-то сказал в сердцах: «Дурость, абсолютная дурость. Где это видано – двадцать лет руководить таким народом, мучиться с ним». А премьер-министру Енджеевичу сказанул что-то такое о своих генералах, что Енджеевич в своих мемуарах честно признался: повторить этого печатно не может...

Без всякого почтения относился маршал к своим генералам – и еще до Сталина обращался с ними *незамысловато*. Вот история 1927 г. Устроив переворот, Пилсудский, как водится, кое-кого из генералов посадил. Одного из таких, В. Загурского, повезли в тюремном фургоне из Вильно в Варшаву. В Варшаву сопровождающие лица прибыли без генерала. Глядя наивно и честно, принялись объяснять: ехали это они, ехали, вдруг генерал из машины ка-ак выпрыгнет, ка-ак припустит в чисто поле! Уж они кричали – не остановился, бежали следом – не догнали, стреляли – промахнулись... Короче, генерала официально объявили в розыск, хотя никто не сомневался, что конвоиры его пристукнули – правда, до сих пор, вроде бы, неизвестно, где именно и куда дели жмура...

Албания. Там пришел к власти милейший человек Ахмед Зогу и вскоре объявил себя королем – мол, в жилах у него течет древняя королевская кровь. По-

сколько вокруг него всегда толпились хмурые ребята, обвешанные маузерами и ятаганами, никто особенно и не рвался проводить анализ крови на королевскую голубизну, пришлось поверить на слово...

Болгария. Там еще с 1923 г. правил режим доктора Цанкова, который иные пессимисты называют «фашистской диктатурой».

Греция. Череду военных переворотов. Потом пришел генерал Метаксас, всех разогнал и сказал, что Бонапартом отныне будет он один, а ежели кто другой станет претендовать на эту почетную должность, то слезами умоется.

Румыния. Там поначалу было, вот чудо, нечто отдаленно похожее на демократию. Премьер Дука распоясался до того, что стал проводить антигерманскую политику. Но в 1933 г. его на перроне встретили трое угрюмых румын и друженько потащили из карманов пистолеты. И не стало премьера. Угрюмые были из «Железной гвардии» – местные штурмовики. И пришел к власти маршал Антонеску, и показал, что у него не забалуешь...

В Венгрии тишина – там давным-давно диктаторствует бывший императорский адмирал Хорти, причем Венгрия официально именуется «монархией», с короной в гербе, хотя никакого монарха на троне нет. И трона нет. Хорти всем объясняет, что он, знаете ли, местоблюститель. Когда-нибудь все же возведет на трон всамделишного монарха. А пока – стоять-бояться!

В Югославии – военные перевороты. В том самом тридцать четвертом во Франции, в Марселе, террорист ухлопал из пистолета короля Югославии Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту.

Здесь имела место многоходовая комбинация: террорист – хорватский сепаратист, курировали его итальянские разведчики, но благословили его на мокрое дело они по заданию не начальства (Муссолини тогда важнее были добрые отношения с Францией), а абверовцев, на которых означенные итальянцы подрабатывали...

Австрия. Коммунисты там хлещутся с социал-демократами. Попытались устроить переворот, но проиграли. Тогда за то же самое предприятие взялись нацисты. Они в Австрии четко делились на два лагеря – проитальянский и прогерманский (Муссолини лез в Австрию настолько серьезно, что однажды едва не объявил войну Гитлеру). Прогерманские нацисты путч провалили, но успели пристукнуть канцлера Дольфуса (тоже нациста, но проитальянского). Такие вот теоретические разногласия.

Прибалтика. Такое торжество демократии, что слеза прошибает от умиления!

Латвия. В мае 1934 г. г-н Ульманис устроил военный переворот. Все партии к чертовой матери запретил, ввел военное положение, утешая всех тем, что это только на 6 месяцев (а затянулось на 6 лет, до самого прихода советских войск), быстренько завел концлагеря, распродал за долги 26 000 крестьянских хозяйств и в конце концов издал закон, по которому ни один рабочий не имел права выбирать себе место работы сам, а обязан был смиренно повиноваться указаниям Центрального управления труда (опять-таки до Сталина). Ну, книги жгли на кострах, по демонстрантам стреляли, налогами с крестьян обеспечивали 70% государственного бюджета

(а нам ныне *вкручивают*, что советские войска в Латвии «свергли демократию», ироды).

В Эстонии – та же картина. Опередив братьев-латышей на месяц, премьер Пятс и наш старый знакомый генерал Лайдонер *забабахали* военный переворот с теми же примерно результатами, но со специфическими национальными отличиями: скажем, создали «лагеря для лодырей», куда загоняли всех «шатающихся без работы и без средств к существованию». Генерал Лайдонер мимоходом позаимствовал в казне 200 000 марок, да так и не отдал по забывчивости... Пятс ему из деликатности не напоминал: свой человек, чего уж там...

В Литве тогда ничего подобного не происходило – исключительно потому, что там еще в 1926 г. господин Сметона устроил путч и показал всем «матушку Кузьминскаса»...

В Италии – Муссолини. Не подарок, уж безусловно. В Португалии сначала устроили путч генералы, а потом им на смену пришел доктор Салазар, тоже не чуждый социалистическим взглядам, уж не помню, какого направления. И традиционно показал землякам «матушку Козимо».

Выдь на Сену – чей стон раздается? А это во Франции дискутируют правые и левые, кастетами и велосипедными цепями (хорошая штука, если уметь пользоваться), объясняя друг другу теорию и практику. В перерывах и те, и другие колошматят полицию – пусть, мол, карманников ловит, а не вмешивается в политические дискуссии...

В Финляндии – Маннергейм. Тоже не светоч демократии. В Норвегии потихонечку *копают* под суще-

ствующую власть нацисты Видкуна Квислинга, сторонники Гитлера.

В Испании – такое, что не к ночи будь помянуто...

До сих пор звучат обвинения Сталина в том, что он вдобавок к прочим прегрешениям «разжег» гражданскую войну в Испании. Ну, посмотрим на этот оазис...

А там и без Сталина – мама родная!

На троне – король. Но монархисты расколоты на две партии, и у каждой свой кандидат на престол. Воюют всерьез.

Буржуа тоже расколоты на две партии, которые циники именуют бандами: финансисты Бильбао и Мадрида в союзе с помещиками – против промышленников Каталонии и Валенсии. Нравы в провинции незатейливые: владельцы рудников совершенно легально расклеивают объявления, где сулят приличные деньги тому, кто им доставит конкретного профсоюзного активиста «живым или мертвым». И знаете, доставляют. Материальный стимул – вещь убедительная. Губернаторы страдальчески морщатся, но не встывают, чтобы самим не получить.

Основных партий – восемь. Названия – закачаешься!

1. Испанская конфедерация автономных правых (католики).

2. Национальная конфедерация труда (анархо-синдикалистские профсоюзы).

3. Федерация анархистов Иберии (название, комментариев не требующее).

4. Хунта национально-синдикалистского наступления (фашисты).

5. Рабочая партия марксистского единства (троцкисты).

6. Объединенная социалистическая партия Каталонии (как и положено приличным социалистам, у каждого не одна пушка в пальто).

7. Военный союз Испании (правые офицеры).

8. Военный союз республики (офицеры-республиканцы).

Да, есть еще Всеобщий союз трудящихся – профсоюзники, социалисты. Карманы, как водится, оттопырены.

Анархистов – два миллиона. Троцкистов – тоже немало. Сорок тысяч. Коммунистов меньше всего, тысяч тридцать. Возглавляет их неистовая Долорес Ибаррури, славная тем, что призывает испанских женщин рожать без замужества. Правые про нее сплетничают, что однажды она грызнула зубами за глотку некоего священника – зная нрав Долорес, очень может быть...

А ведь есть еще сепаратисты в Стране басков и Каталонии и куча партий помельче...

Что тут *разжигать*? Они сами и без Сталина все разожгли еще в 1931 г. К тридцать шестому, по данным бесстрашной статистики, было дотла сожжено 160 церквей, состоялось 269 *громких* политических убийств (можно только предположить, сколько было «не особенно громких») и 1287 *попыток* «громких» политических убийств. Разгромлено 10 редакций газет и 69 штаб-квартир разных партий. Пальба стоит – уши закладывает... Это – еще до гражданской...

По доброй старой Англии браво маршируют джентльмены и леди в черных рубашках, вопя что-то вроде: бей жида-политрука, морда просит кирпича! Спасай белую расу от левых и масонов!

Ага, вот именно, в доброй старой Англии. И ничего тут нет удивительного, если вспомнить, что основной идеологический фундамент «арийской расы» и «белых сверхчеловеков» прилежно создали англичанин Чемберлен и француз Гобино, когда Адольф Гитлер еще в пленки писался...

Вот так выглядит политическая география Европы в вольном изложении. В Чехословакии, правда, тихо. Там, как ни удивительно, демократия в целостности. Генерал Гайда попытался было устроить заварушку, но не прошло. В Швеции и Швейцарии тихо, в Дании, Бельгии и Голландии тоже. Да, и в Монако тихо, разве что проигравшиеся вдрызг в рулетку браунингами балуют... Но исключительно в свой собственный адрес.

Но это – крохотные оазисы тишины и демократии. На большей части Европы в 1934 г. царит если и не ад кромешный, то нечто к нему социально близкое – черти обзавидуются...

Вернемся в Советский Союз. Где, как мы не успели забыть, только что арестовали товарища Ягоду и начали у него выпрашивать подробности заговора.

Помимо того, что заговорщики наворотили внутри страны, очень быстро всплыли интереснейшие вещи касаясь того, что происходило при Ягоде в системе закордонной разведки...

Ягода, очень похоже, ощутил некоторое «головокружение от успехов». Самомнения у него хватало. Вот что он говорил Артузову: «С таким аппаратом, как наш, не пропадешь! Орлы – сделают все в нужную минуту. Ни в одной стране министр внутренних дел не сможет произвести дворцового переворота. А мы и это сумеем, если потребуется, потому что у нас не только ми-

лиция, но и войска. Военные оглянуться не успеют, как все будет сделано».

Действительность, как это частенько водится, несколько отличалась от фантазий. Во-первых, переворот Ягода так и не успел устроить – повязали, как пучок редиски, и никакие «орлы» его не спасли. А во-вторых, военные, которых Ягода считал лопухами, давненько уже вели свою собственную игру.

Из-за кордона пошла тревожная информация...

Еще в 1932 г. от агента берлинской резидентуры советской разведки «А-270» стали поступать сведения о существовании в СССР «военной партии» и готовящемся ею перевороте. Их «А-270» получал, в свою очередь, от завербованного уже им агента.

Под кодом «А-270» скрывался барон Курт Позаннер, австриец, профессиональный разведчик, а его агентом «Сюрприз» был Адольф Хайровский, внештатный эксперт абвера.

По их информации удалось установить, что кое-кто в абвере и германском правительстве поддерживает отношения с представителями этой самой «военной партии», которую возглавляет некий «генерал Турде-ев», он же – Тургуев. В котором люди компетентные быстро опознали Тухачевского.

Тогда же в ОГПУ пошла информация от другого агента, «А-256», «источника проверенного и осведомленного», как его характеризовали чекисты. Он сообщал практически то же самое. Разве что, по его данным, подобных организаций в Советском Союзе было *несколько*, самых разнообразных направлений – две прогерманских, пропольская, «монархическая». С «национал-большевиками» поддерживал связи Геббельс,

с «монархистами» – Геринг. Тот же источник сообщал о беседе Гитлера с польским послом Надольным, где переворот обсуждался как вполне реальное предприятие...

Самое интересное – данные барона Позаннера практически совпадают с теми показаниями, которые гораздо позже даст на следствии Ягода, который в то время был еще на свободе и при немалой власти. Так что из Позаннера никто не мог «выбивать» ложных показаний...

От «А-256» идут новые донесения – недовольство Сталиным в Красной армии возросло, в заговоре участвует симпатизирующий Германии маршал Блюхер, намеренный отделить Дальний Восток и устроить там свое маленькое государство...

Это до мелочей совпадает с тем, что вскроется позже, через несколько лет!

Но эта информация трудами Артузова и Ягоды летит в корзину. Арестованный в 1937 г. начальник одного из управлений Иностранного отдела ОГПУ Штейнбрюк показал: «Эти материалы были доложены Артузову, а последним – Ягоде, причем Ягода, ознакомившись с ними, начал ругаться и заявил, что агент, давший их, является двойником, и передал их нам по заданию германской разведки с целью дезинформации. Артузов также согласился с мнением Ягоды и приказал мне и Берману больше этим вопросом не заниматься».

Артузов оправдывал свое мнение тем, что вспоминал о той же самой операции «Трест». Тогда Тухачевского и в самом деле представляли эмигрантам как «бонапартистского элемента в РККА, готового совер-

шить переворот». Мол, именно эти легенды теперь, пропутешествовав по германской разведслужбе, бумерангом вернулись к агентам ОГПУ...

Однако действия «генерала Турдеева» относились к более поздним временам, когда всякое легендирование Тухачевского как «красного Бонапарта» давным-давно прекратилось! Опубликовавший книгу об этой истории А. Колпакиди справедливо подчеркивает, что Артузов с Ягодой вели себя странно и насквозь *неправильно*. В первую очередь, они были обязаны такую информацию доложить, пусть и сопроводив собственными заверениями в ее ненадежности, а не «бросать в корзину». Слишком много на себя брали Артузов с Ягодой...

Вышеназванных агентов курировал опытный разведчик Слуцкий. Весьма похоже, он-де не считал их данные дезой или тем самым «бумерангом». Однако его по приказу Артузова с Ягодой из Берлина убрали, и всякая работа в этом направлении прекратилась. Более того, барон Позаннер был убит при крайне загадочных обстоятельствах, его обезображенный труп со следами огнестрельных и ножевых ранений обнаружили в лесу близ Потсдама. Колпакиди пишет: «В следственном отделе Артузова есть вполне прозрачные намеки, что за убийством "А-270" стояли наши оперативники из ИНО ОГПУ».

Позже, когда Артузов был переведен в Разведупр, Слуцкого назначили уже не резидентом – начальником ИНО. И он вновь начал разрабатывать недоделанную прежде работу по «военной партии».

Артузов, воспользовавшись арестом Ягоды, откровенно и прилюдно стал Слуцкого *топить!*

На собрании руководящего состава НКВД, посвященного борьбе с последствиями ягодинского «правления», он закатил громовую речь, уверяя, что Слуцкий – ближайший сообщник Ягоды, разваливший в наркомате что только возможно. Обвинял во всех мыслимых и немыслимым грехах, так что после такой речи вообще-то следовало «врага народа Слуцкого» арестовать тут же, не выпуская из зала...

Однако Слуцкий остался на том же месте, в той же должности. Арестовали как раз Артузова, хотя он и потрясал составленным им «Списком бывших сотрудников Разведупра, принимавших активное участие в троцкизме», кричал, что он как верный большевик всех засевавших разоблачит и все происки вскроет... Не помогло. Самому, как мы уже знаем, пришлось признаться во многих интересных грехах...

Слуцкий, сугубый профессионал, разрабатывал военный заговор и далее (к чему это привело, мы узнаем позже). Но его все же *достали*. Уже при новом наркомате, Ежове. Он успел еще отлично поработать против троцкистов в Испании – разнес там вдребезги упоминавшуюся «Рабочую партию марксистского единства» и ликвидировал ее главаря Нина... Именно под его руководством, кстати, была подготовлена операция по устранению главы украинских националистов Коновальца, которого совсем молодой Павел Судоплатов *рванул* замаскированной под конфетную коробку бомбой.

17 февраля Слуцкого пригласил к себе для деловой беседы первый заместитель Ежова Фриновский. Там же были Заковский и Алешин – еще ягодинские кадры. Слуцкому любезно предложили стаканчик чайку.

После чего с ним якобы случился роковой сердечный приступ. Говорили, что вызывали врача, но никто его не видел...

Только святая душа Л. Млечин, тот самый мастер весьма экстравагантных заявлений, считает эту смерть естественной. Все прочие исследователи, какой бы политической ориентации ни придерживались и как бы ни относились к Сталину и сталинцам, называют это убийством...

Эта тройца – Фриновский, Заковский, Алешин – так и не была реабилитирована даже в самые «разгульные» времена всеобщего Реабилитанса, когда «безвинных жертв» оправдывали, если так можно выразиться, рядами и колоннами...

Фриновского и Заковского, кстати, порой полощут как зловредных еврейских масонов, проникших в органы, чтобы вредить великому славянскому народу. Однако это совершеннейшая чушь. Евреем как раз был Слуцкий Абрам Аронович. Заковский Леонид Михайлович – на самом деле Генрих Эрнестович Штубис, чистокровный латыш, а Фриновский и есть Фриновский Михаил Петрович, сын пензенского учителя, русский, успевший малость поучиться в духовной семинарии. Оба начинали как анархисты, впоследствии прибившиеся к большевикам (Фриновский в качестве своих заслуг перед партией до Октября любил вспоминать, что дезертировал из царской армии еще в августе 1916-го). Оба долгое время были ближайшими сподвижниками Ягоды, с которыми толком разобрался уже Берия...

Вот такие интересные дела творились в недрах лубянского ведомства: начальство само решало, какую

информацию выбросить в корзину, а какую доложить Сталину. Между прочим, в вышедшей всего пару лет назад шеститомной «Истории советской внешней разведки» и барона Позаннера, и его агента «Сюрприза» недвусмысленно числят не среди дезинформаторов и двойников, а как раз среди наиболее ценных агентов...

Несмотря на загадочную кончину Позаннера, несмотря на все противодействие заинтересованных лиц, информация о «военной партии» все же продолжала поступать! Потому что слишком много было разных *каналов*, которые просто невозможно было перекрыть.

Вот, например... Японцы одно время довольно неосмотрительно отправляли свою дипломатическую почту на поезде Владивосток – Москва без всякого сопровождения дипкурьерами. Естественно, советская разведка такого подарка судьбы упустить не могла. Вынули за время пути из одного баульчика документы, сфотографировали, положили на место, печать приделали заново, так хорошо подделанную, что японцы и не заметили...

И переводчик тут же сообщил сенсационные вещи! В одной из бумаг помощник военного атташе Японии в Польше сообщал своему непосредственному начальству, что установил потаенные контакты с маршалом Тухачевским (точнее, посланцем маршала)...

Потом, при Хрущеве, привычно завопили, что это фальшивка – то ли чекистская, то ли японская, не суть важно. По этому поводу А. Колпакиди замечает, что *японцы* скорее уж постарались бы скомпрометировать маршала Блюхера, своего основного противника на

Дальнем Востоке. Что до чекистов, то «японский документ» вообще не фигурировал на процессе против Тухачевского! Зачем в таком случае было стараться? Зачем с нешуточным мастерством подделывать донесение, которое, обратите внимание, опытный переводчик НКВД даже не смог прочитать *целиком*, некоторых мест так и не понял...

И перед Сталиным гигантской мрачной тенью поднялся очередной заговор, на сей раз, пожалуй, самый опасный из всех...

Но об этом подробно будет рассказано во втором томе. Я по наивности своей рассчитывал уместить все в одну книгу, но, со временем, глядя на груды источников, понял, что был чересчур самонадеян. Когда речь идет о Сталине, одним томом ни за что не отделаешься...

А потому о Тухачевском и его заговоре, о Великой Отечественной войне, послевоенных загадках и странностях, о смерти Сталина и судьбе его людей – во втором томе.

Заканчивая первый, на этом и остановлюсь: перед Сталиным поднялась огромная мрачная тень, от которой явственно несло смертным холодом. Никому уже, пожалуй, нельзя было верить... Подозрительность Сталина развивалась не на пустом месте, а его нелегкий характер, что немаловажно, стал таковым еще и из-за того, что и в личной жизни у него все обстояло далеко не блестяще.

Давайте напоследок, отвлекшись от заговорщиков, тайн и прочих политико-криминальных сложностей, поговорим о старой, как мир, теме – попросту о любви...

4. Сталин и его женщины

Безусловно, и в двадцать первом столетии еще не скоро прекратятся дискуссии и горячие споры о личности Иосифа Сталина и его преобразованиях – быть может, самых масштабных делах не только двадцатого века, но и всей истории человечества. В последние годы, когда опубликованы многочисленные документы из секретных архивов, когда научились оценивать исторических деятелей взвешенно и беспристрастно, интерес к Сталину еще более возрос. О нем существуют самые разные мнения, но, пожалуй, самое удачное высказывание принадлежит поэту Константину Симонову: «Сталин был велик и ужасен. Он оставил великие свершения и ужасные преступления».

Скорее всего, так и обстоит дело. Свершения, связанные со строительством чего-то нового, никогда прежде не виданного, увы, часто сопровождаются кровью...

Но разговор у нас не об этом. И критики Сталина, и те, кто признает за ним историческое величие, сплошь и рядом говорят исключительно о вожде. О лидере страны, руководителе и военачальнике, диктаторе и упорнейшем труженике. Меж тем Иосиф Виссарионович Сталин, как миллионы обычных людей, был самым обычным мужчиной, несколько не чуравшимся женщин. Его любили – и он любил. Как многие, он стремился к нормальной семейной жизни. Случалось, что, как всякий нормальный человек, хотел завоевать расположение понравившейся ему девушки, не доводя дело до алтаря. Что, заметим, ни-

коим образом не характеризует его скверно: мало ли романов случается в жизни обычного, здорового, темпераментного мужика...

Наш рассказ – не о великих стройках, не о борьбе вождя с заговорщиками-маршалами, не о политических интригах. Мы просто-напросто попытаемся проследить, насколько это возможно, как складывалась личная жизнь Сталина.

На этом пути хватает не только правдивых воспоминаний, но и откровенных сплетен, порой невероятно грязных, притянутых за уши «гипотез».

Одна такая была обнародована в прошлом году. Некий «исследователь», решив, очевидно, не мелочиться, а сразу начать с юношеских лет Сталина (тогда его звали, разумеется, Джугашвили), сообщил миру о сенсационном открытии: оказывается, многие годы историки ошибались, и девятнадцатилетний Иосиф был изгнан из Тифлисской духовной семинарии не за вольнодумство и чтение «недозволенной» литературы, а за... причастность к рождению внебрачного ребенка у некоей девицы.

Основой послужил существующий в реальности документ, точнее письмо некоей М. Михайловской, поступившее в апреле 1938 г. на имя сталинского секретаря Поскребышева. Сотрудники НКВД переслали это письмо в сталинский секретариат. Имеет смысл привести его целиком.

«Многоуважаемый товарищ Сталин.

Игрой судьбы, или игрой стечения обстоятельств я являюсь родной теткой мужа очень близкого Вам по крови человека. Если вы помните Вашу юность и раннюю молодость (а это никогда не забывается), то Вы,

конечно, помните маленькую черноглазую девочку, которую звали Пашей. Она Вас хорошо помнит. Мать Ваша говорила по-грузински, и эта Паша эти слова запомнила: "Милая дорогая детка".

Я познакомилась с Пашей и ее матерью в первые годы революции. Это была высокая стройная черноокая красавица грузинка, [со] смелым и открытым взглядом. На мой вопрос к ее матери – почему Паша такая черненькая, так как ее мать была светлая, мать Паши ответила, [что] отец ее грузин. Но почему же вы одни? На этот вопрос мать Паши ответила, что отец Паши посвятил себя служению народу, и это Вы, Сталин. Эта Паша послала свои детские карточки через секретариат Вам, но они, кажется, к вам не попали.

Откуда я все это знаю? Позавчера ко мне приходит высокая женщина в платочке, скромно одетая. Паша, как Вы изменились, похудели. На эти мои вопросы она ответила: муж умер, ребенок мой умер, мать, которая была единственным близким человеком, и ту недавно похоронила. Я одна, одна на целом свете, и заплакала. Я приехала в Москву, чтобы выполнить завет матери, передать свои детские карточки т. Сталину. На мой удивленный вопрос – а разве он вас знает? – она ответила – даже очень хорошо, когда я была маленькая. Я внимательно взглянула на Пашу и вижу, что у ней Ваше лицо, т. Сталин. То же общее выражение открытого смелого лица, те же глаза, рот, лоб. Мне стало ясно, что Паша близка вам по крови. Сестра, или дочь, или племянница. Но оставлять ее в таком положении нельзя. В дни молодости вы пережили немало, и поймете, что значит нужда. А Паша, потеряв мать, впала в такое отчаяние, что забросила работу, она машини-

стка. Забросила свои дела, и лишилась даже площади. Я сказала, что попасть к тов. Сталину трудно. Паша сказала, я хочу на него только взглянуть, чтобы мне вернули мою площадь. Паша как-то умудрилась ее потерять.

Она тщетно пытается добиться с вами свидания с 20 марта и ее письмо к вам, т. Сталин, и ее детские карточки, до сего времени находятся в секретариате. Она значится под фамилией моего племянника: Прасковья Георгиевна Михайловская.

Но вот несчастье, она пропала. Она вчера ушла от меня в 10 часов утра и не вернулась. Весь день и всю ночь я прождала ее. Страшно беспокоюсь, не случилось ли несчастья с ней. Она могла попасть под трамвай, желая добиться свидания к Вам, она доведенная тщетностью этого, могла покончить с собой. Что с Пашей, где она, помогите разыскать ее. В Вашем секретариате с ее детскими карточками, может быть, указан ее адрес, где она проживала в Москве. Там ее дальше без прописки не держат. Я предложила ей временно поселиться ко мне. Ходила в домоуправление в 6 веч. — домоуправ на замке. На следующий день несую ее паспорт в 10 утра — опять та же картина, заперто. Днем не могла потому предъявить, что Паша ушла с паспортом и не вернулась. Она всегда живет в г. Рудни Саратовской губ.

Ради вашей матери, которой была близка эта девочка в прошлом, нужно найти, куда она пропала. Очень жаль, что Вы не видели Пашу, когда я ее увидела первый раз — 18-летняя красавица. Смерть ее матери очень ее изменила. Кто бы она вам ни была — племянница, сестра, но поразительное сходство с Вами доказыва-

ет, что она близка Вам по крови. К Вашему сведению сообщаю, что своей молодостью и красотой Паша не торговала, а всегда жила честным трудом и потому такой родственницей можно гордиться. Теперь я понимаю, почему мне всегда казалось, что где-то раньше знала Вас. Это выражение смелого открытого лица и есть выражение Ваше и Паши, если в прошлом Паше, как и Вам, пришлось пережить немало. Необходимо разыскать, где сейчас Паша и дать ей отдохнуть.

По Вашему приказанию Пашу разыскать нетрудно. Она каждый день звонит в секретариат. Предложить ей, чтобы она пришла. Если, конечно, она жива и с ней не случилось несчастье. У меня ее вещи, подушка и одеяло, и то, что она не пришла ночевать, меня страшно беспокоит. М. Михайловская».

Основываясь исключительно на этом письме, наш «исследователь» лихо строит «гипотезы». Загадочная Паша родилась примерно в 1899 году – значит, от Сталина. Значит, за это Сталина и выгнали из семинарии. Письмо оказалось в архиве сталинского секретариата, а не пошло в мусорную корзину? Неспроста, неспроста!

К сожалению, подобные скороспелые гипотезы ни в чем не убеждают. Письмо, несомненно, написано человеком, имеющим проблемы с психикой. Полное нарушение логического мышления. Вчитайтесь внимательнее: Паша то жила постоянно в Москве, то «всегда живет» в Саратовской области. Михайловская познакомилась с ней в первые годы революции – но Паша отчего-то значится под фамилией племянника Михайловской, его жены. «Бесследно исчезнувшая Паша» тем не менее «каждый день звонит в секретариат». И так далее...

В архиве письмо осталось, несомненно, исключительно потому, что было приложено к официальной бумаге из НКВД и прилежно подшито в папку, как все «входящие» и «исходящие». У Сталина не было ни братьев (оба старших брата умерли в младенчестве), ни сестер – а следовательно, не могло отыскаться ни племянников, ни племянниц. Мать Сталина к тому времени давно лежала в могиле, и проверить, знала ли она «крошку Пашу», было решительно невозможно...

В конце концов, на Сталина был поразительно похож известный путешественник Пржевальский – но никто всерьез не говорит о его родстве со Сталиным. Как не прочат Сталину в родню актера Геловани, игравшего Сталина в кино...

И, наконец, сохранилось множество официальных бумаг, связанных с учебой Сталина в семинарии. Ни единого упоминания о каких-то внебрачных детях или интрижках с девушками там нет. Зато «Журнал проступков учеников» буквально пестрит записями, подтверждающими, что юный Иосиф Джугашвили был вольнодумцем и бунтарем. «О чтении воспитанником И. Джугашвили запрещенных книг» (в число которых вошел даже роман Гюго «Труженики моря»), «Об издании И. Джугашвили нелегального рукописного журнала», «Читал недозволенные книги», «Грубое объяснение с инспекцией», «Обыск у Иосифа Джугашвили, искали недозволенные книги»...

Первая женщина в жизни Сталина, о которой сохранились достоверные известия – его жена Екатерина Сванидзе, сестра «Алеши», Александра Сванидзе, тоже революционера, друга Джугашвили. Она была

красива, ее предки происходили из того же селения Диди-Лило, что и предки Сталина.

Они обвенчались в церкви, по всем правилам. Тайно – потому что для революционера церковный брак считался нешуточным позором. Но Джугашвили на это пошел, потому что любил. Между прочим, за свою любовь юному Иосифу пришлось побороться. Некий Давид Сулиашвили, подпольщик, красавец, отчаянный парень, давно уже, как говорили в ту пору, «наносил визиты» в дом Сванидзе, и дело зашло настолько далеко, что женихом Екатерины, Като, считался именно он.

Но Джугашвили отбил. Красавица Като предпочла именно его – многие, знавшие Сталина в ту пору, вспоминают, что он, несмотря на малый рост и следы оспы, был весьма недурен собой, более того, в нем уже тогда бушевала некая внутренняя энергия, чье магическое влияние ощущали на себе и женщины, и мужчины. «Он нравился женщинам», – вспоминал в старости Вячеслав Молотов, многолетний сподвижник Сталина, знавший его лучше многих.

(Позже, в 1912-м, в вологодской ссылке, случилось, что Сталин отбил у Молотова некую очаровательную Марусю. Но тут уж ничего не поделаешь – в подобных случаях выбирает сама девушка, и отвергнутый кавалер должен винить не более удачливого соперника, а самого себя... Кстати, именно так Молотов и считал.)

Итак, Иосиф и Екатерина были повенчаны по всем правилам. Они снимали комнату на нефтепромыслах в Баку, Като работала швеей, Иосиф вел революционную деятельность. К сожалению, это был не семейный дом, а лишь его призрак. Денег не было. Все, что удавалось добыть в результате лихих налетов на каз-

начейство, Сталин передавал на нужды партии. Он всю жизнь был бесребреником, после его смерти остались подшитые валенки и поношенные мундиры...

Возможно, отсутствие денег и погубило Екатерину, когда она заболела брюшным тифом. Не было хорошего доктора, не было лекарств, да и болезнь, похоже, распознали слишком поздно...

25 ноября 1907 г. Екатерина умерла на руках мужа, оставив грудного младенца Якова (впоследствии он станет офицером-артиллеристом и погибнет в немецком концлагере от пули эсэсовца, потому что нестигаемый, суровый отец откажется обменять его на фельдмаршала Паулюса, негромко произнеся исторические слова: «Я солдата на фельдмаршала не меняю»). Сохранилась фотография – у гроба жены стоит Иосиф Джугашвили, еще не Сталин – Коба. Несчастный, сломленный горем, застывший, как истукан, молодой человек с растрепанными волосами... Не было денег на врача.

А в жизни Сталина началась нелегкая полоса, череда ссылок. В 1908 г., в Сольвычегодске, он знакомится с некоей Стефанией Петровской, ушедшей в революцию дворянкой. О ней мало что известно, но там, несомненно, была любовь – двумя годами позже Стефания последовала за Сталиным на Кавказ. Арестованный там, сидя в тюрьме, он подал прошение начальству о позволении ему жениться на Петровской. Жандармский чиновник отказал. Жизнь неумолимо развела Стефанию и Иосифа в разные стороны...

В 1910 г. Сталин был вновь выслан в Сольвычегодск, а через год переселился в дом молодой вдовы Матрены Прохоровны Кузаковой. И там...

Впоследствии на телевидении долгие годы работал начальником средней руки человек по имени Константин Степанович Кузаков. И многие, практически все знали, что это сын Сталина. В тридцатых годах неизвестные благодетели помогли Кузаковой переехать в столицу, дали квартиру в новом правительственном доме, юный Костя получил высшее образование и всю жизнь занимал невысокие, но руководящие посты. В конце сороковых годов он работал в ЦК партии, откуда и был изгнан во время очередного витка репрессий. Ждали ареста. И вот, впервые в жизни, Кузаков написал заявление на имя Сталина – и был восстановлен на работе. Должно быть, в свое время он выбрал самую верную линию поведения – не надоедал грозному отцу, не напоминал о себе. И оттого прожил вполне благополучную жизнь. Сталин терпеть не мог, когда даже самые близкие его родственники начинали о чем-то для себя просить или ходатайствовать за других...

После очередного бегства из ссылки, после очередного ареста неутомонного революционера – уже Сталина – власти решили, как говорится, загнать его туда, куда Макар телят не гонял. Что и было скрупулезно выполнено. Местом ссылки на сей раз определили пункт, откуда бежать было физически невозможно: крохотная деревушка, или, по-сибирски, «станок» Курейка, расположенная у самого полярного круга. Туруханский край. Единственная дорога на юг перекрыта кордоном из опытных стражников, располагавших, к тому же, новинкой того времени – двумя моторными лодками. Все население Курейки состояло из 38 мужчин и 29 женщин, занималось рыбной ловлей и охотой, и ни единого грамотного среди них не было.

Место было выбрано надежно. Во всем Туруханском крае жило лишь 3 тысячи русских и 8 тысяч представителей северных народов – кеты, эвенки, ненцы и якуты. Жилье от жилья отделяли сотни верст. Зимой ездить на мало-мальски приличные расстояния можно было только на оленях или собачьих упряжках. На суше – непроходимая тайга, на реке – заставы... Из тех мест никто и никогда не убежал, не было на свете такого супермена.

Именно там Сталин, совсем молодой – тридцать шесть лет – встретил свою очередную любовь, четырнадцатилетнюю Лиду Перелыгину.

Не стоит, услышав «четырнадцать лет», кривить губы и вспоминать классику вроде «Лолиты». В деревнях девушки созревают рано – что в России, что в других странах. Тем более в Сибири. Так что Лида, несомненно, не была хрупкой нимфеткой. Вполне взрослая девушка. И Сталин ей наверняка приглянулся – вспомним, он всегда нравился женщинам, к нему уходили и чужие невесты, и чужие любовницы – Като, Маруся...

А для неграмотной сибирской девочки из глухого медвежьего угла Сталин, несомненно, был кем-то вроде романтического принца. Загадочный, красивый, полный внутренней энергии, «государственный преступник» – чем не персонаж, способный вскружить голову девушке? Пришелец из большого мира, о котором в Курейке ничегошеньки не знали. Почти что инопланетянин...

Сталина в деревне уважали – это не выдумки коммунистического официоза, а реальность, сохранившаяся в воспоминаниях, кусочках жизни, проступающих

сквозь казенщину официальной истории марксизма-ленинизма. Он любил и умел петь, частенько сиживал на деревенских посиделках, он удачно охотился и ловил рыбу, показывая себя настоящим мужиком, добытчиком. Мясом и рыбой делился с сельчанами. Одним словом, он вжился, стал своим.

Неизвестно в деталях, как протекал этот заполярный роман, но в этом вряд ли есть необходимость. Главное, это был именно роман – и не в характере Сталина было добиваться всего от женщин через насилие. Не стоит забывать к тому же, что жизнь тамошняя была суровой, как и окружающие места: «закон – тундра, прокурор – медведь». При первой же жалобе девушки на насилие родные и земляки пристукнули бы без затей бесправного ссыльного.

Но ничего подобного не произошло. Правда, в конце концов, все всплыло наружу – это понятно, трудно удержать в тайне такие вещи в крохотной деревне.

Неизвестно, чтобы родные и близкие Лидии предъявляли Сталину какие-то претензии – даже его враги, а впоследствии любители дешевых сенсаций, ничего подобного не раскопали. Однако беда пришла с другой стороны... В Курейке были два стражника – Мерзляков и Лалетин. С Мерзляковым у Сталина сложились нормальные отношения, «страж закона», судя по всему, был мужиком невредным, жил сам и давал жить другим, без нужды не притесняя ссыльных.

Что его и спасло впоследствии. Когда в 1930 г. Мерзлякова, как бывшего стражника, исключили из колхоза, он написал письмо Сталину. Тот, несмотря на занятость, откликнулся быстро, сообщив «сибирским товарищам», что Мерзляков – вполне приличный че-

ловек и «выгодно отличался от других полицейских». Мерзляков был в колхозе восстановлен, участвовал даже во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, где был занесен в Книгу Почета.

Другое дело – Лалетин. Типчик, похоже, был гнилой. Он и до того не давал покоя Сталину придирками и неусыпной слежкой, а узнав о романе с Лидой, надо полагать, возликовал: соращение несовершеннолетней, уголовная ответственность по законам Российской империи, ага!

Лалетин всерьез стал «шить дело» – как уже говорилось, при отсутствии всякой поддержки как со стороны коллеги Мерзлякова, так и родных Лидии. Что еще раз доказывает: все смотрели на происходящее сквозь пальцы. Молодой мужчина крутит любовь с девушкой – что тут такого? Не они первые, не они последние, дело, как говорится, житейское...

Что греха таить, любой мужик чувствовал бы себя на месте Сталина, мягко говоря, неуютно. Сталину как-то удалось все уладить, пообещав жениться на Лидии по достижении ею совершеннолетия. Трудно сказать, всерьез он собирался это сделать или попросту «отмазывался», – но, положив руку на сердце, любой из нас в такой вот ситуации поклялся бы самыми жуткими клятвами, бия себя в грудь... Мужчины меня поймут.

Как бы там ни было, жандарм отстал. А роман, никаких сомнений, продолжался. В 1913 г. у Лидии родился ребенок, но вскоре умер. В 1914-м она родила второго, названного Александром. Оба, наверняка, от Сталина.

(Любопытно, кстати, а не примитивная ли ревность руководила бравым жандармом Лалетиным? Лидия

наверняка была красива – Сталин никогда не имел дела с дурнушками...)

Впоследствии, когда Сталину пришлось покинуть эти суровые места, Лидия вышла замуж за односельчанина, который и усыновил Александра. В 1956 г. Александр Давыдов, внебрачный сын Сталина, был майором Советской Армии.

Подтверждения всему рассказанному выше имеются серьезнейшие. В 1956 г. за рубежом снова всплыл печальной известности документ, якобы доказывавший работу Сталина на Охранное отделение. Никита Хрущев, тогдашний глава государства, вызвал председателя КГБ Ивана Серова и велел разобраться с этим вопросом. Серов, трудолюбиво принявшись за дело, установил то, что было давно известно и без него: «документ» этот – примитивная фальшивка, состряпанная ушедшим в эмиграцию бывшим офицером где-то в Харбине.

А попутно Серов наткнулся на историю с Лидией Перелыгиной. Правда, в своем секретнейшем рапорте Хрущеву он излагал ее в силу своего разумения: «...совратил ее в возрасте 14 лет и стал сожителем».

Оставим это «совратил» на совести Серова – довольно скользкого типа, мародера и интригана, обязанного карьерой тому, что холуйски продавал Хрущеву бывших друзей и покровителей. Как мы уже видели, ни о каком «совращении» и «насилии» речь идти не могла – как раз потому, что родные Лидии, люди, в первую очередь заинтересованные, ни разу не высказывали Сталину претензий, пальцем его не тронули... Главное, история о романе Сталина и Лидии Перелыгиной подтверждена серьезнейшими документами.

Записка Серова Хрущеву тогда же, в пятьдесят шестом, была помечена высшим грифом секретности и более, чем на тридцать лет, исчезла в архивах ЦК КПСС, откуда была извлечена не так давно...

Сталин покинул Сибирь. Произошла революция, Иосиф Виссарионович начал новый этап своей жизни...

И в жизнь его вошла новая женщина. Которой на много лет суждено было оставаться для него единственной. Которая, такое впечатление, стала его несчастьем, проклятьем, злым гением...

Надежда Аллилуева. Наденька. Дочь профессионального революционера Сергея Аллилуева – с ним и с его женой Ольгой Сталин познакомился в девятьсот четвертом году, в Тифлисе. А после революции, в бурлящем Петрограде, он вновь встретился со старыми знакомыми. И с юной очаровательной Наденькой. Происшедшее, судя по тому, что нам известно, полностью отвечает булгаковским строкам – любовь выскочила из-за угла, как убийца с ножом, и поразила обоих...

Те самые любители дешевых сенсаций (или просто придурки) в свое время запустили в широкое обращение нелепо скроенную версию второго брака Сталина. Якобы, когда Сталин, Надежда и ее отец ехали в одном вагоне в Царицын, Сергей Аллилуев услышал в соседнем купе душераздирающие вопли дочери о помощи. И, вбежав туда с револьвером наголо (!), обнаружил Сталина, злодейски насилующего юное, беззащитное создание. При виде грозного нагана Сталин пал на колени (!) и, ползая по полу, поклялся незамедлительно жениться на совращенной голубице, чтобы скрыть позор...

Это даже не версия. Это бред. Прежде всего потому, что достоверно известно – когда Сталин и Надежда в восемнадцатом году выехали в Царицын на фронт, они уже были официально зарегистрированными мужем и женой. Так что ничего этого не было – ни воплей о помощи, ни оскорбленного отца с наганом, ни ползающего на коленях Сталина. Вопли страсти, очень может оказаться, имели место, но это уже – из другой оперы...

Вместе они прожили четырнадцать лет. Надежда родила мужу двоих детей – Василия и Светлану. Вряд ли их совместная жизнь была легкой и безоблачной – оба были достаточно упрямы, решительны, оба были незаурядными личностями, плохо умевшими смягчаться, отступить, идти на компромисс. Коса, как говорится, со звоном и искрами нашла на камень...

8 ноября 1932 года произошла трагедия. Одна из самых загадочных трагедий двадцатого века (отнюдь на них не бедного).

Надежда Аллилуева выстрелила себе в висок из маленького германского пистолетика, подаренного братом. Как ни был мал и безобиден на вид пистолетик, Надежда умерла мгновенно.

И родилась огромная, мрачная, до сих пор не разгаданная тайна...

Иные безответственные писаки обвиняли Сталина в том, что стрелял именно он, что это было не самоубийство, а убийство. Увы, по части доказательств у подобных «исследователей» всегда было слабовато. Проще говоря, доказательств не было и нет. Аргументы, выдвигавшиеся в защиту этой, с позволения сказать, версии, не выдерживают критики и как две кап-

ли воды напоминают обвинения Сталина в отравлении Ленина, несколько лет назад обнародованные некоей газетой, дословно звучащие так: «Ленина отравил Сталин, потому что больше некому».

Нет решительно никаких сомнений, что Надежда сама выстрелила себе в висок. Но почему?

Полной ясности нет до сих пор. А посему мы рассмотрим существующие серьезные версии и попытаемся выдвинуть новые. Исходя в первую очередь из того, что всякий, читающий эти строки, имеет некоторые познания в отечественной истории.

Во времена, когда в вину Сталину, не утруждая себя логикой и доказательствами, ставили все, что только возможно – от якобы застарелой паранойи до неурожая бананов на острове Мадагаскар – оформилась и широко распространилась другая версия, в отличие от «Сталин – непосредственный убийца», худо-бедно аргументированная и логически непротиворечивая. В дальнейшем будем называть ее «версией политических разногласий» или попросту «политикой».

Согласно этой версии, к самоубийству Надежду принудили идейно-политические разногласия с мужем, достигшие невероятного накала. Надежда-де не смогла больше переносить, что Сталин ведет страну не туда. Что он развернул широкий террор против верных соратников Ленина, в частности, доброго друга Надежды Николая Бухарина. Что Сталин предал идеалы марксизма-ленинизма, обрушил жесточайшие репрессии на крестьянство, устроив коллективизацию... И так далее. Не в силах перенести того, что ее муж переродился в тирана и отступника от ленинского пути, Надежда и выстрелила себе в висок. Предварительно по-

говорив со Сталиным предельно откровенно, крича ему в лицо: «Мучитель ты, вот ты кто! Ты мучаешь собственного сына, мучаешь жену, весь народ замучил...»).

Красивая версия. Внешне вполне убедительная. Вот только при ее вдумчивом изучении она начинает потихонечку, помаленечку рассыпаться, как карточный домик...

Начнем с того, что вышеприведенную тираду «Мучитель ты...» приводит в своей книге не кто иной, как бывший чекист Орлов. В свое время присвоивший изрядную сумму казенных денег и бежавший за границу. Сам Орлов при исторической ссоре меж Надеждой и Сталиным, безусловно, не присутствовал, за портьерой не прятался, что моментально заставляет проникнуться к его мемуарам недоверием. Более того. Мемуары Орлова, как уже неоднократно указывалось самыми разными исследователями (в том числе и теми, кто не питал к Сталину ни малейшей любви), прямотаки пестрят искажениями фактов, откровенной брехней. Так что Орлов – никакой не свидетель...

Пойдем дальше. Что касается «жестоких репрессий против видных ленинцев», то в 1932 году, накануне самоубийства Надежды, они попросту еще не приобрели размаха. Те, кто выдвигает этот «аргумент», механически переносят суровые реалии тридцать седьмого года на пять лет назад, когда обстановка была качественно иной. Абсолютно иной.

В тридцать втором году лишь считанные единицы «верных ленинцев» подвергались репрессиям. Массовый террор еще не наступил. Уважаемый Надеждой Аллилуевой Бухарин еще был членом ЦК партии, чи-

тал лекции студентам в Промакадемии, где училась Аллилуева, пользовался большим влиянием в Наркомате тяжелой промышленности. Оставался пока что одним из безусловных вождей партии. Все его беды начнутся значительно позже, когда Надежды уже не будет в живых... В тридцать втором году и сам Бухарин, очень похоже, ничуть не считал себя жертвой каких-то репрессий. Следовательно, отпадает и этот аргумент. Не было к тому времени широких репрессий против верхушки партии, не было!

Крайне сомнительным выглядит и неведомо откуда взявшееся в душе Надежды сочувствие к раскулачиваемым крестьянам. Ничего подобного опять-таки не отмечено в дошедших до нашего времени воспоминаниях о ней и в ее собственных письмах. Нужно хорошо представлять себе психологию «пламенных революционеров» той эпохи, к которым принадлежала Надежда Аллилуева, и не приписывать им собственные мысли и ощущения конца двадцатого века.

Они были своеобразным народом, эти самые революционеры. Я не собираюсь ни осуждать их, ни восхвалять – просто мы должны знать их именно такими, какими они были...

А какими они были?

Назовем вещи своими именами: жестокими и безжалостными ко всему, что не укладывается в догмы. Жестокими и безжалостными ко всем, кто, с их точки зрения, был лишь «вязанкой хвороста для мировой революции». Многомиллионное российское крестьянство было для большевиков этакой темной, неразумной, тупой массой, которую следует, согласно лозунгам той эпохи, «железной рукой привести к счастью».

Собирательным образом в речах многих, в том числе и Бухарина, был «мужик Пахом», этокое косматое и глуповатое олицетворение крестьянства. Более того, этот же Бухарин, безусловный авторитет для Аллилуевой, в свое время всерьез уверял, что расстрелы-де – это просто способ выработки из сырого человеческого материала нового, социалистического труженика.

Так что Надежда, чьи взгляды во многом формировались под воздействием как раз Бухарина и других близких ему по духу партийных теоретиков, попросту не могла ни с того ни с сего проникнуться жалостью к угнетаемым крестьянам. Это полностью противоречило образу мыслей тогдашнего «правильного» большевика.

Так что импортный фильм, английский, кажется, где «Наденька», насмотревшись из окна вагона на страдания «рюсс мужьик», где-то в Кремле, при большом стечении народа, укоряет Сталина в жесткости по отношению к крестьянству, – очередной лубок, дешевый миф... Аллилуева, выступающая против коллективизации – такой же нонсенс, как, скажем, Дзержинский, подающий в Политбюро докладную о немедленном введении многопартийности...

Отпадает. Тем более, что опубликовано изрядное количество писем Надежды Аллилуевой к Сталину, глубоко личных, со всей искренностью написанных. Никто до сих пор не решился утверждать, что эти письма фальсифицированы или урезаны публикаторами.

Что же мы видим? Какие насущные проблемы заботят Надежду в те самые времена, когда «верные ленинцы» якобы подвергаются тотальному террору, а в стране бурлит разорительная коллективизация?

Письмо от 2 сентября 1929 г. Экзамен по письменной математике прошел успешно. Из-за дождей грибов собрали мало. В Москве очереди за молоком и мясом, но это, несомненно, можно исправить путем «правильной организации»...

Очередное письмо (где-то между 16 и 22 сентября 1929 г.). Очень длинное – и почти целиком посвящено какой-то сложной, запутанной, непонятной нам уже сегодня склоке, возникшей меж несколькими отделами ЦК и газетой «Правда», больше всего похожей на свару в коммунальной кухне.

12 сентября 1930 г. О том, что над Москвой летал какой-то дирижабль, и эта замечательная машина всех позабавила. А в общем, дела идут прекрасно – видела новую оперу, настроение публики сносное, а на даче наконец-то включили отопление...

И так далее, и тому подобное. Внутрипартийные дела, бытовые новости, и нигде, ни строкой, ни намеком нет сожаления о бедных крестьянах, скорби по угнетаемым «верным ленинцам»...

Версия «политика» становится все более хрупкой, нереальной...

Тогда?

Кружили слухи о ревности Надежды, о том, что к самоубийству ее вынудило демонстративное увлечение мужа всевозможными доступными красотками. Слухи были долгими и устойчивыми, настолько, что их спустя много лет повторял даже Молотов, один из самых близких к Сталину людей, один из немногих, кто был со Сталиным на «ты».

И все же, все же... Подобные слухи, во-первых, обычно лишены определенности, то есть не направ-

лены на каких-то конкретных особ, а если и направлены, то всякий раз всплывает иное имя или персона... Во-вторых, при серьезном рассмотрении выясняется, что почти каждый из рассказчиков пользовался информацией из третьих рук. Никто ничего не знает точно, никто не видел, как Сталин за кем-то ухаживал. А это, простите, странно. Такой осведомленный человек, как Молотов, мог бы и назвать конкретные имена – но его рассказы выглядят передачей полученных из чужих уст пересудов...

Так что и вариант «сталинская измена» практически не аргументирован и скорее напоминает попытку подыскать хоть какое-то объяснение случившейся трагедии.

Гораздо более правдоподобны гипотезы о том, что причина самоубийства – чисто медицинского характера. Есть свидетельства, что Надежда была крайне неуравновешенной, с тяжелой наследственностью, что некоторые врачи называли ее череп «черепом самоубийцы». Сохранились также воспоминания, что в последние годы жизни у нее начались какие-то непонятные боли в животе и встревоженные кремлевские медики собирались отправить ее в Германию для всестороннего обследования.

Вот это гораздо более убедительно – человек, застрелившийся в приступе психического расстройства или узнавший о своей неизлечимой болезни...

Однако... Сохранилась масса достоверных воспоминаний о весьма *странной* реакции Сталина на безвременную кончину жены. В деталях они сплошь и рядом отличаются, однако *смысл* всегда один и тот же.

«Когда эта печальная церемония подошла к концу, в зал вошел Сталин. Постояв несколько минут около

покойной, он вдруг сделал движение руками, как бы отталкивающее от себя гроб, и проговорил:

– Она ушла, как враг!»

Это пишет Владимир Аллилуев, племянник Надежды. Есть и другие схожие свидетельства. Общий смысл, повторяю, всегда один и тот же: Сталин в поступке жены видел «предательство», «вражеский жест».

Очень трудно порой *понимать* Сталина, проникать в ход его мыслей, но одно можно сказать с железной уверенностью: при его остром и могучем уме он ни за что бы не назвал «предательством» или «враждебным жестом», «изменой» самоубийство психически больной жены. Ни за что. Для этого он был достаточно умен – к тому же речь шла о близком человеке, а к родным и близким Сталин всегда был добр и терпим, иногда, увы, даже чересчур...

Но ведь должно же быть какое-то объяснение? И вот возникает гипотеза, которую прежде никто почему-то не выдвигал – скорее всего, оттого, что Надежду повсеместно принято было считать очередной безвинной жертвой изверга Сталина...

А если в данном конкретном случае мы имеем дело не с жертвой, а с виновницей? Стоит только предположить, что Надежда нашла кого-то *на стороне*, как многое становится на свои места, и головоломка складывается довольно легко...

В самом деле, почему с такой легкостью мы виним в супружеской измене именно Сталина, а не его жену? А если все было наоборот? Что в этом такого уж невероятного? Ни один великий человек, ни один славный король, талантливый полководец или известнейший актер не застрахован от измены жены или подруги. При-

меров масса. В свое время ветреная супружница Жозефина, не колеблясь и не терзаясь угрызениями совести, наставила рога Наполеону Бонапарту. Каким уж зверем и тираном ни был Петр Первый, однако женошка Екатерина, ничуть не убоясь грозного мужа, преспокойно изменяла ему с дешевым немецким франтиком...

А почему бы и нет? Что в этом такого уж невероятного? Все дело в психологическом типе женщины. Одна сохранит верность даже нелюбимому мужу, и навсегда, а другая ухитрится и от горячо любимого, вульгарно выражаясь, сходить налево...

Эта нехитрая истина применима и к «партийным» дамам, к тем самым пламенным революционеркам — они, как-никак, были не только персонажами из «Истории ВКП(б)», но и живыми женщинами со своими слабостями, каждая со своим характером. Очень трудно представить в постели с любовником Надежду Крупскую (между прочим, в молодости весьма очаровательную женщину) или жену Молотова Полину Жемчужину — не тот склад характера, не те привычки. А вот что касается долголетней любви Ленина Инессы Арманд, ярой проповедницы свободной любви Александры Коллонтай или ветреной красотки Ларисы Рейснер с ее приключениями в матросских кубриках — тут дело другое...

Начнем с того, что в *этом* смысле наследственность у Надежды Аллилуевой оставляет желать лучшего. Похождения ее матери Ольги прекрасно известны. Сначала она четырнадцатилетней сбежала из родительского дома к будущему мужу — с одним узелком, выбросив его в окно, неожиданно для окружающих.

А впоследствии, будучи особой крайне легкомысленной и влюбчивой, то и дело подобным же образом убежала от мужа с очередным кавалером. Через какое-то время, нагулявшись, возвращалась. Муж всякий раз прощал – видимо, крепко любил...

Что представляла собой Надежда годам к тридцати? Упрямая, взбалмошная, жесткая, свободолюбивая, впечатлительная, говоря учено, экзальтированная. Именно тот человеческий типаж, что вполне способен, простите за вульгарность, завести хахаля на стороне. В особенности если учесть, что Сталин, с его нечеловеческой загруженностью невероятно сложными делами, вряд ли мог уделять много времени молодой жене. Которая к тому же, как показывают достоверные свидетельства, вообще не ощущала себя *женой*, хранительницей домашнего очага. От воспитания детей, например, устранилась полностью.

Вспоминает Владимир Аллилуев: «...она перепоручила воспитание сына, да и дочери тоже, совсем неблизкому детям человеку – Муравьеву Александру Ивановичу, хотя, быть может, и очень хорошему. В конце концов, такое отношение к детям обернулось против нее самой, она не обрела в них опору и радость. В «Двадцати письмах к другу» воспроизводится один диалог, услышанный Александрой Андреевной Бычковой (няней Светланы), который произошел между Надеждой и ее гимназической подругой незадолго до самоубийства. На вопрос подруги: «Неужели тебя ничто не радует в жизни?» – она ответила: «Ничего не радует. Все надоело. Все опостылело!» «Ну, а дети, дети?» «Все, и дети...».

Симптом далеко зашедший психической болезни? Или всего-навсего своеобразный склад характера? Если верно последнее, то женщина с подобными настроениями вполне могла и любовника завести, вспомнив теории той же Коллонтай, закусив удила, обидевшись на весь белый свет: муж – бирюк, не ценит и не лелеет, никто не понимает, дети под ногами путаются... Что здесь необычайного? Примеров достаточно...

Другая Надежда, дочь Василия Сталина и Галины Бурдонской, внучка Надежды-первой, вспомнила: «Анна Сергеевна Аллилуева, бабушкина сестра, рассказывала об этом вечере (праздничный вечер у Ворошиловых. – А. Б.). Надя обычно строго ходила – с пучком, а тут она сделала новую прическу, модную. Кто-то из Германии привез ей черное платье, и на нем были аппликации розами. Был ноябрь, но она заказала к этому платью чайную розу, она была у нее в волосах. И она закружилась в этом платье перед Анной Сергеевной и спросила: "Ну, как?" Она собиралась, как на бал. Кто-то за ней сильно ухаживал на этом вечере. И дед сказал ей что-то грубое».

Именно после этого вечера Надежда выстрелила себе в висок... Быть может, у «деда» были веские причины для грубости, отнюдь не исчерпывающиеся тем, что молодая жена с кем-то оживленно флиртует..

Последняя жена Николая Бухарина вспоминала впоследствии: «Николай Иванович вспоминал, как однажды он приехал на дачу в Зубалово и гулял с Надеждой Сергеевной возле дачи. Приехавший Сталин тихо подкрался к ним, глядя в лицо Николаю Ивановичу, и произнес страшное слово: "Убью". Николай

Иванович принял это за шутку, а Надежда Сергеевна содрогнулась и побледнела». Совершенно несвойственный для хладнокровнейшего Сталина всплеск эмоций! Быть может, у него были веские причины? Или он просто ошибся адресом? Хотя Бухарин был известным бабником, и этот след не годится так просто сбрасывать со счетов...

Одним словом, версия неожиданная, но вовсе не безумная. Как уже говорилось, все дело в женском характере. Все, что мы знаем о Надежде Аллилуевой, позволяет допустить, что измена могла иметь место как раз с ее стороны, это-то и было причиной выстрела. Жаль, что никто до сих пор не предпринимал детальных поисков в этом направлении. Быть может, существуют и более недвусмысленные свидетельские показания, но их пока что никто не читал...

После смерти жены Сталин замкнулся еще более, и его личная жизнь окутана вовсе уж непроницаемым туманом. Одно время ходила байка (всерьез воспринимавшаяся даже немецкой разведкой) о существовании некоей «тайной жены Сталина Розы Каганович», «то ли дочери, то ли сестры» сталинского сподвижника Лазаря Кагановича. Однако это – вовсе уж совершеннейшая чушь. Майе Лазаревне Каганович было тогда от горшка два вершка, она была пионеркой, а сестра Кагановича умерла еще в 1926 году...

Однако... Слишком многие, слишком часто и слишком аргументированно вспоминают о Валентине Истоминой, восемнадцать лет – с тридцать пятого и до смерти вождя – находившейся рядом с ним. Сначала она работала на даче Сталина в Зубалове, а потом стала экономкой на Кунцевской даче. В том, что именно

она все эти годы была любовницей Сталина, не сомневается почти никто.

Ну что же... Быть может, именно эта простая женщина давала великому и ужасному вождю то простое человеческое счастье, которого ему никогда не хватало. Насколько он был удачлив в своих начинаниях и свершениях в борьбе с врагами внутренними и внешними, настолько оказался несчастлив в личной жизни. Строго говоря, у Сталина никогда не было нормального дома, семейного очага. Так что если насчет Истоминой все правда – хочется верить, что им было хорошо...

Скрупулезности ради нельзя не упомянуть об одной загадочной записке. За день до смерти Сталина, когда никто в стране, кроме буквально нескольких людей, не мог знать, что всемогущий вождь доживает последние часы, на имя Георгия Маленкова пришла записка следующего содержания:

«Уважаемый тов. Маленков!

Я, дочь Анны Рубинштейн (бывш. жены т. Сталина), ввиду его болезни прошу дать мне возможность его увидеть, он знает меня с детства.

Р. Свешникова (Регина Костюковская дев. фамилия).

Мой адрес...

Если нельзя его увидеть, то прошу меня принять. У меня есть неотложное дело.

4.03.53 г.»

В отличие от письма М. Михайловской, которое просто не могло быть написано психически здоровым человеком, эта таинственная записка производит совсем другое впечатление – кратко, сжато, насквозь деловито, словно на камне высечено...

Ни один исследователь, ни один историк так и не попытался дать хоть какое-то истолкование этой загадке. Нет своего мнения и у автора этих строк – перед нами просто-напросто Тайна, которая, быть может, никогда не будет раскрыта, и нет ни малейшего следа, ни малейшей зацепки...

Но, может, просто искали не там? Или вообще не искали...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вот такая Красному Монарху выпала личная жизнь. Человека послабее согнет в дугу. Сталин вытерпел. Но подозрительность, конечно же, крепла – когда тебя предают даже в твоей собственной семье, когда те, кого ты считал настоящими друзьями, интригуют против тебя за твоей спиной, поневоле ожесточишься...

А ведь иностранные шпионы, очень похоже, были в те годы не просто поблизости от Сталина – на самой вершине власти! Настоящие, не вымышленные!

Потому что есть вещи, которым просто невозможно дать иного объяснения... Не буду ничего пересказывать, а просто приведу отрывок из книги В. Шамбарова, исследователя объективного и целеустремленного.

«У зарубежных антикоммунистических организаций существовала какая-то своя агентура в СССР, и, судя по некоторым данным, агентура неслабая. Например, 23–29.6.37 г. в Кремле прошел пленум ЦК ВКП(б), и поскольку на нем решались вопросы репрессий против большой группы видных партийцев, то даже в архивах ЦК документы о нем оказались представлены в урезанном виде, а единственный экземпляр несокращенной стенограммы был потом найден в "особой папке" Сталина. Но в пражских архивах "Крестьянс-

кой России" (та самая Трудовая крестьянская партия, якобы не существовавшая. – А. Б.) обнаружались полные данные о пленуме, где были перечислены и выступающие, и содержание выступлений. И даже кулуарные разговоры советских вождей, происходившие во время сверхзакрытого пленума! Аналогичные материалы имелись и в РОВС (возможно, через "Крестьянскую Россию", которая в данный период с ними сотрудничала). В белогвардейские круги поступала исчерпывающая информация о терроре против коммунистических руководителей – фамилии репрессированных, даты арестов, в чем обвиняются, расклады внутренних взаимоотношений в советской верхушке. В архиве В. Л. Бурцева оказался отражен и ход следствия над некоторыми высокопоставленными большевиками, вплоть до того, кто ведет дело, кто на кого дал показания, ссылка на номера документов (см., например: В. Пятницкий "Заговор против Сталина"). То есть, белая разведка имела одного или нескольких агентов в самой верхушке советского руководства. Но кто это был, так и осталось тайной».

Список участников пленума, о котором упоминает Шамбаров, найти не так уж трудно. Во втором томе я его непременно приведу – вдруг поможет какому-нибудь целеустремленному историку.

Еще к вопросу о «сталинской жестокости».

Письмо Сталину.

«Уважаемый тов. Сталин!

Простите за смелость, но я решила написать Вам письмо. Я обращаюсь к Вам с просьбой и только Вы, один Вы, можете сделать это, вернее, простить моего мужа. В 1929 году он в пьяном виде сорвал Ваш порт-

рет со стены, за это его привлекли к ответственности сроком на 3 года. Ему еще осталось сидеть 1 год и 2 месяца. Но он этого не вынесет, он болен, у него туберкулез. Специальность его – слесарь. Из рабочей семьи. Ни в каких контрреволюционных организациях не состоял. Ему 27 лет, его сгубила молодость, глухость, необдуманность; в этом он раскаивается уже тысячу раз.

Я прошу Вас, сократите ему срок или замените принудительными работами. Он и так жестоко наказан, раньше, до этого, он был 2 года слепым, теперь тюрьма.

Я прошу Вас, поверьте ему, хотя бы ради детей. Не оставьте их без отца, они Вам будут вечно благодарны, умоляю Вас, не оставьте эту просьбу безрезультатной. Может, Вы найдете хоть 5 минут времени сообщить ему что-нибудь утешительное – это наша последняя надежда.

Фамилия его Плескевич Никита Дмитриевич, сидит в г. Омск, вернее в Омской тюрьме.

Не забудьте нас, товарищ Сталин.

Простите ему, или же замените принудительными работами.

10.XII.30 г. Жена и дети Плескевич».

Вслед за чем последовала депеша:

«Новосибирск ПП ОГПУ Заковскому.

По приказанию тов. Ягоды Плескевич Никиту Дмитриевича освободить.

Секретарь коллегии ОГПУ Буланов. 28 декабря 1930 г.».

Приказание, несомненно, исходило не от Ягоды, а от самого Сталина, который наверняка и представле-

ния не имел, что за его портрет, по пьянке сорванный со стены, кто-то сидит в тюрьме...

Во втором томе я приведу еще более интересные свидетельства о внимании к нуждам самых что ни на есть простых людей, проявленном на самых что ни на есть высоких партийных форумах.

А пока что – до свидания.

Мы оставляем Иосифа Виссарионовича Сталина в самый, быть может, тяжелый период его жизни – но ненадолго, слово чести, ненадолго...

Конец первой книги
Красноярск, сентябрь 2004

БИБЛИОГРАФИЯ

Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Алексеева Н. Лаврентий Берия в моей жизни. М.: Современник, 1996.

Алмазов Б. Охваченные членством. М.; СПб.: Центр-полиграф, МиМ-Дельта, 2004.

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М.: Международные отношения, 1996.

Анисин Н. После Ельцина. М.: Мангров, 2004.

Армия и политика. Офицерский корпус в политической истории России 1900–1916 гг. Документы и материалы. М.: Витязь, 2002. Т. 1.

Арутюнов А. Ленин, Личностная и политическая биография. М.: Вече, 2002. Т. 1.

Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. М.: Вече, 2003.

Баландин Р., Миронов С. Тайны смутных эпох. М.: Вече, 2003.

Баландин Р., Миронов С. Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзедуна. М.: Вече, 2004.

Баландин Р., Миронов С. Клубок вокруг Сталина. Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы. М.: Вече, 2002.

Бармин А. Соколы Троицкого. М.: Современник, 1997.

Бауэр О. Австрийская революция 1918 года / пер. А. и Г. Хавиных с предисл. Ф. Ротштейна. М., Л., 1925.

Беловинский Л. В. Изба и хоромы. Из истории русской повседневности. М.: Профиздат, 2002.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004.

Белая борьба на Северо-Западе России. М.: Центрполиграф, 2003.

Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Междунар. отношения, 1982.

Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании тбилисского партактива 21–22 июля 1935 года. 7-е изд. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во полит. лит., 1948.

Бешанов В. Десять сталинских ударов. Минск: Харвест, 2003.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 1.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1941. Т. 3.

Борев Ю. Ванька-встанька и состояние мира. М.: Руст-Олимп, АСТ, Астрель, 2004.

Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М.: Проспект, 2004.

Бобринев В. За отсутствием состава преступления. М.: АСТ, Олимп, 1998.

Богданович А. Три последних самодержца. М.: Новости, 1990.

Брачев В. Чекисты против оккультистов. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Бунич И. Пятисотлетняя война в России. СПб.: Облик, 1996.

Бунич И. Операция «Гроза», или Ошибка в третьем знаке. СПб.: ЮНА-Облик, 1994.

Бунич И. Полигон сатаны. Ростов-на-Дону: Профпресс, 1994.

Бурьшкин П. Москва купеческая. М.: Известия, 1990.

Беседовский Г. На путях к термидору. М.: Современник, 1997.

Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1949.

Борисов С. Фрунзе. М.: Молодая гвардия, 1940.

Боханов А. Н. Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ Пресс, 2003.

Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Полит. литература, 1988.

Бушин В. Гении и прохиндеи. М.: Алгоритм, 2003.

Был ли Сталин агентом охраны? Сборник статей, материалов и документов. М.: Терра-книжный клуб, 1999.

Ваксберг А. Из ада в рай и обратно. М., 2003.

Валянский С., Калюжный Д. Русские горки. Возвращение в начало. М.: АСТ-Астрель, Транзиткнига, 2004.

Валянский С., Калюжный Д. Конец Российского государства. М.: АСТ-Астрель, Транзиткнига, 2004.

Валянский С., Калюжный Д. О Западе, который пыжился, пыжился, а Россия сама по себе. М.: АСТ-Астрель, Транзиткнига, 2004.

Вандервельде Э. Разрушение капиталистического строя. 2-е изд. М., 1906.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ, Харвест, 2004.

Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991.

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 1898–1935. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.

Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. Минск; М.: Харвест, АСТ, 2001. Т. 1.

Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ, Харвест, 2002. Т. 2.

Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ, Харвест, 2002. Т. 3.

Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937 гг. М.: Международная книга, 1939.

Волковский Н. Л. История информационных войн. СПб.: Полигон, 2003. Ч. 1.

Военная энциклопедия: в 17 т. СПб.: Типография т-ва И. Сытина, 1909–1914.

Вопросы истории (журнал). № 1. М.: Правда, 1945.

Вышинский А. Я. Судебные речи, М., 1948.

Выщельский Л. Варшава. 1920, М.: АСТ, Астрель, 2004.

Гаврилов В., Горбунов Е. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М.: Олма-Пресс, ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004.

Галин В. Тенденции. Война и революция. М.: Алгоритм, 2004.

Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997.

Генерал Курлов. Гибель императорской России. Воспоминания. М.: Захаров, 2002.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991.

Гизетти А. От декабристовъ до нашихъ дней. 100 лет борьбы за свободу. Ред.-изд. С. Нонинъ. Библиотечка-копейка. Петроградъ. Ул. Жуковскаго, 22. 1917.

Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М.: Вече, 2002.

Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). М.: Олма-Пресс, 2002.

Государственный и общественный строй в Англии, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Составил И. Северный. С.-Петербургъ. Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117, 1905.

Гражданская война в России: Черноморский флот. М.: АСТ, 2002.

Грей Я. Сталин. Лев Троцкий – Сталин. ИнтерДайджест, 1995.

Громов Е. Сталин: искусство и власть. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: Олма-Пресс, 2003.

Дамаскин И. А. Сталин и разведка. М.: Вече, 2004.

Данилевский Н. Россия и Европа. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003.

Дерябин А. Первая мировая война 1914–1918. Кавалерия Российской императорской гвардии. М.: АСТ, 2000.

Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения-Улисс, 1992.

Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании. М.: Вече, 2004.

Данелия Г. Безбилетный пассажир. М.: Эксмо, 2003.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. М.: Айрис-Пресс, 2003.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 – апрель 1918 гг. М.: Айрис-Пресс, 2003.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918 г. М.: Айрис-Пресс, 2003.

Диакон Андрей Кураев. Сатанизм для интеллигенции (о Рерихах и православии). II. Христианство без оккультизма. Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М.: Отчий дом, 1997.

Дмитриевский С. Сталин. Предтеча национальной революции. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Дневники казачьих офицеров. М.: Центрполиграф, 2004.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Полит. лит., 1991.

Долгополов Н. Гении внешней разведки. М.: Молодая гвардия, 2004.

Дрожжин Г. Асы и пропаганда. Мифы подводной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Еврейская энциклопедия: в 16 т. СПб.: Общество для научных еврейских изданий и издательство Брокгауза-Ефрона (без указания года выпуска).

Егоров А. И., Деникин А. И. Гражданская война в России: разгром Деникина. М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTICA, 2003.

Емельянов Ю. В. Троцкий. Мифы и личность. М.: Вече, 2003.

Емельянов Ю. В. Сталин. Путь к власти. М.: Вече, 2002.

Емельянов Ю. В. Сталин. На вершине власти. М.: Вече, 2002.

Жаботинский В. Избранное. Израиль: Б-ка «Алия», 1984.

Жандармы России. СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002.

Жид А. Возвращение из СССР. Два взгляда из-за рубежа.

Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М.: Воениздат, 1987.

Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003.

Журавлев П. А. Двести встреч со Сталиным. Кн. 1. М.: Троица, 2004.

Журавлев П. А. Двести встреч со Сталиным. Кн. 2. М.: Троица, 2004.

Жухрай В. М. Террор. М.: АСТ Пресс, АСТ-Пресс книга, 2002.

Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М.: АСТ-Астрель, 2003.

Залуский З. Пропуск в историю. М.: Прогресс, 1967.

Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М.: Terra-Terra, 1994.

Зенькович Н. А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1999.

Зенькович Н. Тайны ушедшего века. Границы. Споры. Обиды. М.: Олма-Пресс, 2004.

И. В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск: Краевое изд-во, 1942.

Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. М.: Вече, 2003.

Исаев А. В. АнтиСуворов. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.

Из-под глыб. Сборник статей. Париж: ИМКА-пресс, 1974.

Ильинский М. Нарком Ягода. М.: Вече, 2002.

Иосиф Виссарионович Сталин: краткая биография. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951.

Ирвинг Д. Атомная бомба Адольфа Гитлера. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

История сыска в России. Т. 1–2. Минск: Литература, 1996.

История гражданской войны в СССР Т. 1. (от начала войны до начала октября 1917 г.). М.: ОГИЗ, История гражданской войны, 1955.

Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультракультура, 2003.

Какурин Н., Меликов В. Гражданская война в России: война с белополяками. М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTICA, 2002.

Калюжный Д., Ермилова Е. Дело и слово. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Каменев Л. Между двумя революциями. М.: Центрполиграф, 2003.

Кара-Мурза С. Гражданская война 1918–1921. Урок для XXI века, М.: Эксмо, Алгоритм 2003.

Карлейль Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991.

Карнер С. Архипелаг Гулви. Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956. М., 2002.

Касвинов М. К. Двадцать при ступени вниз. М.: Мысль, 1978.

Каталог-определитель. Французские награды.

Квицинский Ю. Генерал Власов: путь предательства. М.: Современник, 1999.

Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2001.

Козлов Ю. Ф. Союз короны и креста. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого (1903–1919). Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ, Харвест, 2004.

Колпакиди А., Лемехов О. Главный противник. ЦРУ против России. М.: Вече, 2002.

Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М.: Олма-Пресс, 2000.

Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.; Л.: Асадеміа, 1933.

Коняев Н. М. Два лица генерала Власова. М.: Вече, 2001.

Коняев Н. М. Власов. Два лица генерала. М.: Вече, 2003.

Коняев Н. М. Гибель красных Моисеев. Начало террора 1918 года. М.: Вече, 2004.

Коняев Н. М. Романовы. Расцвет и гибель династии. М.: Вече, 2003.

Корешкин А. Вставайте, люди русские! М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Кормилицын С. В. Адольф Гитлер. Взгляд из зеркала. СПб.: ИД «Нева», 2004.

Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М.: АСТ, 2004.

Кошен О. Малый народ и революция. Сборник статей об истоках Французской революции. М.: Айрис-Пресс, 2004.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1898–1925. Ч. I. 1898–1953. 7-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953.

Краснов В. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: Олма-Пресс, 2000.

Краснов П. Н. На внутреннем фронте. М.: Айрис-Пресс, 2003.

Красиков С. Возле вождей. М.: Современник, 1997.

Кропоткин П. Хлеб и воля. Пг.: Голос труда, 1919.

Кропоткин П. А. Речь бунтовщика. Пб.: Редактор-издатель Валерий Бродский. 1906.

Кросс Р. Последние дни рейха. Смоленск: Русич, 2004.

Крупнов Ю. Стать мировой державой. М.: Яуза, 2003.

Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М.: Вече, 2004.

Кузнецов В. Сергей Есенин: тайна смерти (Казнь после убийства). СПб.: ИД «Нева», 2004.

Кузнецов Н. Накануне. М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTICA, 2003.

Кузнецов Н. Курсом к победе. М.: АСТ; СПб.: TERRA FANTASTICA, 2003.

Купцов А. Г. Странная история оружия. М.: Крафт+, 2003.

Купцов А. Г. Странная история оружия. Дезертиры войны и мира. М.: Крафт+, 2003.

Купцов А. Г. Странная история оружия. М.: Крафт+, 2001.

Купцов А. Г. Земля-еК, или Столыпинская катастрофа России. М.: Крафт+, 2002. Ч. 1.

Лавренов С. Я., Попов И. М. Крах III рейха. М.: АСТ, 2000.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М.: АСТ, 1998.

Лисичкин В. А., Шелетин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Лисичкин В., Шелетин Л. Глобальная Империя Зла. Мировое господство США. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Литвин А. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Луначарский А. К. Радек. Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М.: Изд-во полит. лит., 1991.

Любош С. Последние Романовы. СПб.: Полигон, 2003.

Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме. М.: Книга, 1990.

«Лехайм». М. 1996. Июль. № 50–51.

Лурье Ф. Полицейские и провокаторы // Час пик. 1992.

Майсуриан А. Другой Брежнев. М.: Вагриус, 2004.

- Маркс К.* Критика Готской программы. Пг., 1919.
- Маркс К.* Речь о свободе торговли. Пг., 1919.
- Маркс К.* Либералы у власти. Пг., 1919.
- Маркс К., Энгельс Ф.* О коммунизме. Пг., 1919.
- Мартыросян А. В.* Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М.: Вече, 2003.
- Меженков В.* Русские: истоки, психология, судьба. М.: Русская книга, 2003.
- Меир Голда.* Моя жизнь. Чимкент: Аурика, 1997.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 3. Т. 1. Конституционная диктатура. Ч. 3. Т. 2. Катастрофа. М.: Айрис Пресс, 2004.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. Восточный фронт гражданской войны. Ч. II. В преддверье диктатуры. М.: Айрис-Пресс, 2004.
- Мининь М.* Чему учать социал-демократы. Пб.: Типография Сиб. Т-ва Трудь, Фонтанка, 86. 1906.
- Митрополит *Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994.
- Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский *Иоанн*. Битва за Россию. Саратов, 1993.
- Млечин Л.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М.: Центрполиграф, 2004.
- Млечин Л.* Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002.
- Млечин Л.* Смерть Сталина. Вождь и его соратники. М.: Центрполиграф, 2003.
- Млечин Л.* Особая папка. Служба внешней разведки. Самые знаменитые операции Советской и Российской разведки. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
- Молчанов Н.* Монтаньяры. М.: Молодая гвардия, 1989.

Монархи Европы. Судьбы династий. М.: Терра-Терра, 1997.

Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. М.: Центрполиграф, 2003.

«Махаон». М., 1996, № 2.

Мир русской истории. Энциклопедический справочник. М.: Вече, 1997.

Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1957, Т. 1–2.

Моруа А. Жизнь Дизраэли. М.: Политиздат, 1991.

Мэсси Р. Николай и Александра. М.: Интерфакс, 1990.

Муна А. Кто такие чехо-словаки. М.: Изд-во Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р. С. К. и К. Депутатов, 1918.

Мухин Ю. И. Путешествие из демократии в демократию и дорога обратно. М.: Гарт, 1993.

Мухин Ю. И. Асы и пропаганда. Дутые победы люфтваффе. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Мухин Ю. И. За державу обидно. М.: Яуза, 2004.

Мухин Ю. И. Крестовый поход на Восток. Жертвы Второй мировой. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2002.

Мухин Ю. И. Антироссийская подлость. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2003.

Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М.: Изд-во полит. лит., 1990.

Никольский Н. М. История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990.

Нордау М. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995.

- Норт Д.* Нет чужих среди людей. М.: Радуга, 1983.
Начальная военная подготовка. М., 1940.
- Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. М.: Терра-TERRA, 1992.
- Ольминский М.* Изъ прошлого. М.: 1919.
- Орлов А.* Сталин: в преддверье войны. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.
- Оржиховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982.
- Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2003.
- Павел Николаевич Милюков.* История второй русской революции. Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ, Харвест, 2002.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991.
- Папчинский А., Тумиас М.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК, М.: Современник, 2001.
- Петров Н. В., Сорокин К. В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М.: Звенья, 1999.
- Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев 14–17 ноября 1935 года. Стенографич. отчет. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
- Перро Ж.* Красная капелла. Суперсеть ГРУ – НКВД в тылу III рейха. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
- Пилсудский Ю.* Война 1920 года. М.: Новости, 1992.
- Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973.
- Покровский М.* Русская история. СПб.: Полигон, 2002, Т. 3.
- Полянский А.* Ежов. История железного наркома. М.: Вече, 2003.

Помогайбо А. Оружие победы и НКВД. М.: Вече, 2004.

Попов А. Диверсанты Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Протоколы Парижской коммуны. 1, 28 марта – 30 апреля 1871 года. М.: Партийное изд-во, 1933.

Протоколы пятого съезда РСДРП. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

Процесс над колчаковскими министрами. М., 1920. Документы. М., 2003.

Прудникова Е. Сталин. Второе убийство. СПб: ИД «Нева», 2003.

Прянишников Б. Незримая паутина. ОГПУ – НКВД против белой эмиграции. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

Православные чудеса в XX веке. М.: Трам, 1993.

Протоиерей *Лев Лебедев.* Москва патриаршая. М.: Вече, 1995.

По Москве. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1917 (переизд. М.: Изобразительное искусство, 1991).

Поулсен Дж. Английские бунтари. М.: Прогресс, 1987.

Пыляев М. И. Старый Петербург. М.: Икпа, 1990.

Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск: Харвест, 2004.

Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. II. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.

Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Т. III. Октябрьский переворот. Свердловск: Уралпрофсовет, 1927.

Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997.

Раззаков Ф. Век террора. Хроника покушений. М.: ЭКСМО, 1997.

Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Изд-во полит. лит., 1990.

Резник С. Вместе или врозь? М.: Захаров, 2003.

Речи и беседы М. И. Калинина, председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета. М., 1919, кн. 2.

Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959.

Рогов А. Наш путь. М.: АиФ-принт, 2003.

Рогозин Д. Русский ответ. СПб.: Глаголь, 1996.

Розанов В. Сочинения. Л.: Васильевский остров, 1990.

Россия XX век. Документы и материалы. М.: Высшая школа, 2004. Ч. I.

Россия XX век. Документы и материалы. М.: Высшая школа, 2004. Ч. II.

Роуэн Р. 3000 лет тайных войн. М.: Вече, 2004.

Рябинин Б. Мои друзья. М.: Детская литература, 1960.

Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М.: Книга, 1990.

Самойлов-Кринский А. Первый интернационал. Л.: Прибой, 1924.

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от Британской к австро-баварской расе господ. Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете. СПб.: Академич. проект, 2003.

Сахаров В. А. Политическое завещание Ленина. Реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во МГУ, 2003.

Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л.: Ленингр. газетно-журнал. и книжн. изд-во, 1942.

Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944.

Семанов С. Брежнев. М.: Вече, 2002.

Серебренников И. И. Гражданская война в России: великий отход. М.: АСТ, 2003.

Сикорский Е. А. Деньги на революцию: 1903–1920. Факты, версии, размышления. Смоленск: Русич, 2004.

Сироткин В. Кто обворовал Россию? М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Сироткин В. Зарубежные клондайки России. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Сироткин В. Почему слиняла Россия? М.: Алгоритм, 2004.

Сироткин В. Почему Троцкий проиграл Сталину? М.: Алгоритм, 2004.

Слово товарищу Сталину. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002.

Смирнов А. А. Казачьи атаманы. СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002.

Смолин М. Б. Тайны русской империи. М.: Вече, 2003.

Смыслов О. Пятая колонна Гитлера. От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004.

Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Воспоминания. Мемуары. М.; Минск: АСТ, Харвест, 2004.

- Советская жизнь 1945–1953. М.: РоССПЭН, 2003.
- Соколов Б. В.* Сталин. Власть и кровь. М.: АСТ-Пресс книга, 2004.
- Соколов Б. В.* Георгий Жуков. Триумфы и падения. М.: АСТ-Пресс книга, 2003.
- Соколов Б. В.* Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2001.
- Соколов Б.* Охота на Сталина, охота на Гитлера. М.: Вече, 2003.
- Соколов Б.* Берия. Судьба всесильного наркома. М.: Вече, 2003.
- Соколов Б. В.* Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. М.: Вече, 2003.
- Соколов Б.* Истребление маршалов. Смоленск: Русич, 2000.
- Соколов Б.* Германская империя. От Бисмарка до Гитлера. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.
- Солодарь Ц.* Дикая полынь. М.: Правда, 1986.
- Солоневич И. Л.* Народная монархия. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.
- Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1991.
- Спиридович А.* Записки жандарма. М.: Худ. лит., 1991 (Репринт. издание, 1930).
- Стаднюк И.* Исповедь сталиниста. М.: Патриот, 1993.
- Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002.
- Сталин И. В.* Собрание сочинений: в 13 т. М.: Госполитиздат, 1946–1951.
- Сталин И.* К вопросам аграрной политики в СССР. М.; Л., 1930.
- Сталин. Уроки жизни и деятельности. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002.

Стаханов А. Рассказ о моей жизни. М.: ОГИЗ. Государ. социально-экономич. изд-во, 1937.

Степаков В. Ленинградцы в борьбе за Кремль. М.: Яуза, 2004.

Стронгин В. Л. Керенский. Загадка истории. М.: АСТ-Пресс, АСТ-Пресс книга, 2004.

Суворов В. Самоубийство. М.: АСТ, 2004.

Суворов В. Тень победы. Донецк: Сталкер, 2003.

Суворов В. Очищение. М.: АСТ, 1998.

Суворов В. Ледокол. День М. М.: АСТ, 1996.

Суворов В. Последняя республика. М.: АСТ, 1996.

Суворов В. Контроль. М.: АСТ, 1996.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996.

Сульянов А. К. Маршал Жуков. Минск: Харвест, 2002.

Сульянов А. Берия. Арестовать в Кремле. Минск: Харвест, 2004.

Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Изд-во. полит. лит., 1991.

Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. Т. 2. Кн. 3–4. М.: Изд-во. полит. лит., 1991.

Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. Т. 3. Кн. 5–7. М.: Республика, 1992.

Суходеев В. Сталин в жизни и легендах. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.

Сухомлинов А. Кто вы, Лаврентий Берия? М.: Детектив-Пресс, 2004.

Тайна Русско-японской войны. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1993.

Тайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.

Тайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.

Так писал Фридрих Энгельс (К 100-летию со дня его рождения). Пг., 1920.

Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. М.: Центрполиграф, 2003.

Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2004.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М.: Республика, 1997.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Изд-во. полит. лит., 1990.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Октябрьская революция. Ч. 1. М.: Terra-Terra, Республика, 1997.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Октябрьская революция. Ч. 2. М.: Terra-Terra, Республика, 1997.

Тухачевский М. Поход за Вислу.

Улам А. Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М.: Центрполиграф, 2004.

Уолкер А. Одри. Смоленск: Русич, 1997.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994.

Уткин А. Вызов Запада и ответ России. М.: Алгоритм, 2002.

Уткин А. Дорога к победе. Смоленск: Русич, 2004.

Учебникъ логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ. Ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета М. Троцкаго. Кн. 1. 2-е изд. М.: Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Арбатъ, домъ Платонова, 1886.

- Уэллс Г.* Собрание сочинений. М.: Правда, 1964, Т. 15.
- Федосюк Ю. А.* Утро красит нежным светом. Воспоминания о Москве 1920–1930 годов. М.: Наука.
- Фрадкин В.* Дело Кольцова. М.: Вагриус, Международный фонд «Демократия», 2002.
- Фейхтвангер Л.* Москва. 1937. М.: Изд. полит. лит., 1990.
- Фельштинский Ю.* Вожди в законе. М.: Terra-книжный клуб, 1999.
- Хозиков В.* Информационное оружие. СПб: ИД «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2003.
- Хроники одной семьи: Аллилуевы – Сталин.* М.: Молодая гвардия, 2002.
- XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., Л., 1930.
- XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934.
- Хьюитт К.* Понять Британию. Пермь: Книжный мир, 1992.
- Ципко А.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 12.
- Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. Минск: АСТ, Харвест, 2004.
- Черняк Е. Б.* Судебная петля. М.: Мысль, 1991.
- Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. М.: Межд. отношения, 1972.
- Чертопруд С.* Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Черушев Н.* 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М.: Вече, 2003.
- Черушев Н.* Невинных не бывает... Чекисты против военных. 1918–1953. М.: Вече, 2004.

- Чуев Ф.* Каганович. Шепилов. М.: Олма-Пресс, 2001.
- Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999.
- Чуксин Н.* Не надо нас дурить! М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.
- Шамбаров В.* За веру, царя и Отечество! М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.
- Шамбаров В.* Государство революции. М.: Алгоритм, 2001.
- Шанталов Б.* Испытание войной. М.: АСТ, 2002.
- Шишов А. В.* Неизвестные страницы Русско-японской войны 1904–1905. М.: Вече, 2004.
- Шафаревич И.* Записки русского экстремиста, М.: Эксмо, Алгоритм, 2004.
- Шафаревич И.* Русский народ в битве цивилизаций. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003.
- Шафаревич И. Р.* Трехтысячелетняя загадка. СПб.: Библиополис, 2002.
- Шаццло В.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М.: Олма-Пресс, 2003.
- Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л.: Наука, 1991.
- Широкоград А. Б.* Тевтонский меч и русская броня. М.: Вече, 2003.
- Широкоград А. Б.* Флот, который уничтожил Хрущев. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004.
- Широкоград А.* Тайны русской артиллерии. М.: Яуза, Эксмо, 2003.
- Шишов А. В.* Корнилов. Несостоявшийся диктатор. М.: Вече, 2004.
- Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М.: Республика, 1992.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М.: Изд-во полит. лит., 1992.

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. М.: Посев.

Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004.

Шульгин В. В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989.

Шунков В. Н. Ракетное оружие. Минск: Попурри, 2001.

Шулдяков В. А. Гибель сибирского казачьего войска 1917–1920. М.: Центрполиграф, 2004.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма (первоначальный проект Коммунистического манифеста). Пг., 1920.

Энциклопедия. Эпоха Сталина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004.

Эренбург И. Война 1941–1945. М.: АСТ, Астрель, 2004.

Экономцев И. Н. Записки провинциального священника. М.: Вернал, 1993.

Энциклопедия военного искусства. Пограничники. Минск: Литература, 1998.

Энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1964, Т. 1–2.

Эскин А. Гуд бай, Америка! // Возвращение. 1992. № 6–7.

Яковлев Н. 1 августа 1914. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002.

Яковлев Н. Братья Кеннеди. М.: Эксмо, Алгоритм-книга, 2003.

Beck J. Ostatni raport. PIW: Warszawa, 1987.

Cydzik G. Ulani, ulani... WMON: Warszawa, 1983.

Czuma M. Nad Wisla, nad Niemnem, nad Dnieprem. «Przekroj»: Warszawa, 1989.

Encyklopedia popularna. PAN: Warszawa, 1982.

Polska w kalejdoskopie. Interpress. Warszawa, 1977.

Subotkin W. Z kart historii polskiego lotnictwa. KAW, Szczecin, 1985.

Szubanski R. Polska bron pancerna 1939. WMON. Warszawa, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

ГОРИ, ОГОНЬ, ГОРИ... 5

Глава вторая

СТРОЙКА НА ПОЖАРИЩЕ 86

Глава третья

КРОВЬ АЛАЯ! 183

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 283

БИБЛИОГРАФИЯ 287

Александр Бушков

СТАЛИН.
СХВАТКА У ШТУРВАЛА

Ответственный за выпуск: *С. З. Кодзова*

Корректор: *О. В. Смушко*

Оформление обложки: *И. А. Андреев*

Верстка: *А. Б. Ирашин*

Подписано в печать 23.03.2005

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Times»

Печать офсетная. Бумага газетная

Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 16,8

Тираж 12 000 экз. Изд. № 05-0142-ТВ.

Заказ № 4723

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

Русские офицеры в германском плену, члены театрального кружка. Война еще носила некоторый оттенок джентльменства и рыцарственности — последняя такая война в XX столетии...

Первая мировая. Выздоровляющиеся в госпитале

Еще один braveй вояка австро-венгерской армии. 1915 г., гусарский прапорщик Антал Меркли, венгр только что произведен в офицеры и отбывает на фронт. Уцелеет, дослужится до полковника, в плен попадет уже в 1945-м

После февраля. Определенно первые недели: все еще одеты с иголочки, порядок безукоризненный. Скоро все это лопнет...

Кальметов и Эйнгорн,
сотрудники Особого от-
дела Ферганской обла-
сти (1919 г.)

На тему о превратностях судьбы. Первый снимок сделан незадолго до революции. Героя зовут Яша — мальчик из хорошей еврейской семьи: купеческой, зажиточной, благополучной (откуда в Сибири черта оседлости и антисемитизм?) Студенческий мундир, скрипка под локтем...

Потом Яшу унесло в революцию. Второй снимок (1935 г.) — Яша в захолустном гарнизоне, мелкий политрук, каким он и пробыл всю сознательную жизнь. Гораздо позже родной Яшши брат Гриша, классический советский завмаг, любил, когда оба уже были в преклонных годах, Яшу этими двумя снимками поддразнивать и спрашивать: «Оно было надо?» Яша сердился и кричал: знай он раньше, что из родного брата вырастет мещанско-мелкобуржуазное отродье, еще году в двадцатом собственной недрогнувшей рукой сдал бы в ЧК. И сдал бы, можете не сомневаться. Яша всю жизнь был человеком убежденным и в революцию верил истово...

Автомобиль «Паккард» великого князя Михаила Алексеевича, двоюродного брата царя. Потом на ней ездили Верховный комиссар по продовольствию и укомплектованию Красной Армии С. Д. Кудинский. Главковерх Крыленко, Дзержинский, Ленин. На подножке — шофер С. Г. Тихомиров

Сибирь. Те, кого позднее стали называть «белобандитами». На самом деле скорее — деревенские ухари, обрадовавшиеся возможности погулять вдоволь, коли уж все вокруг рушится и пылает

Группа чиновников (Сибирь)

Сотрудник администрации одного из сибирских лагерей

Младшие командиры Красной Армии (30-е гг.)

Один из последних снимков Максима Горького

Совещание разведчиков и военных: Прибалтика, Чехословакия, Венгрия. Пыжились, как больше... А толку?

Сталин в 1930 г.

Сталин среди краснофлотцев

Иван Павлуновский, сокол Троцкого, бывший начальник его охраны в Гражданскую, впоследствии чекист. При Берии был раскритикован за прошлые прегрешения самым решительным образом

25 июля 1935 г. Сельмой всемирный конгресс Коминтерна. Сталин пока что вынужден улыбаться этому сброду и говорить дежурные речи. Слева от Сталина — один из вождей английского пролетариата (по его собственному убеждению) некто Кемпбелл, справа — Георгий Димитров

1930 г. Могучий танк несокрушимой и легендарной чехословацкой армии. Подпись гласит, что «танк преодолевает препятствие» — с чувством юмора у чехов было скверно, надо полагать...

Девочка из Гитлерюгенд

ПЕЧАТЫ ВРЕМЕНИ

Посторонние царицы. В стране нет ни власти, ни закона, ни порядка. Дошлиши широким русским Волжская Сырца. Неискуемый хаос в стране, отягченный тяжелейшими последствиями Первой мировой войны, о как спешит — Гражданская война в большевистской парод. И все это на фоне жестокой борьбы с оппозицией.

Что делать бы делать в этой ситуации Сталин? Провести «железной» рукой или все-таки идти по демократическому? Какими целями, воспитательными мерами, методами «окультуривания» народа? Рассказывая читателю о деятельности Сталина на посту руководителя государства, в его партийных проблемах и в его личной жизни. Книга создает образ человека реального, но не идеального и себя, не лишая его обычных человеческих слабостей, но не забывшая о его величии.

ISSN 5-7654-4325-7

9 785765 443255

НЕВА Хронограф